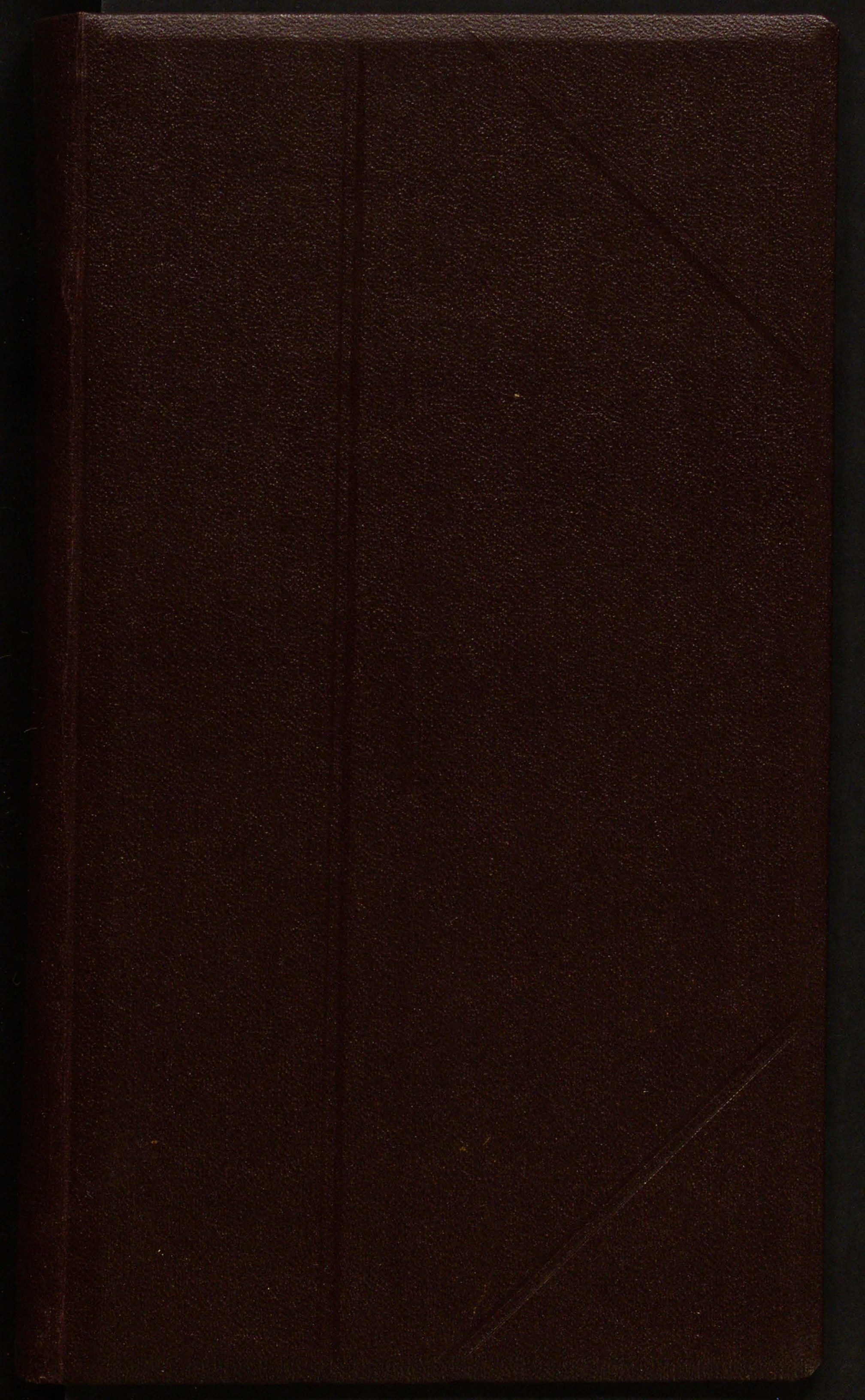
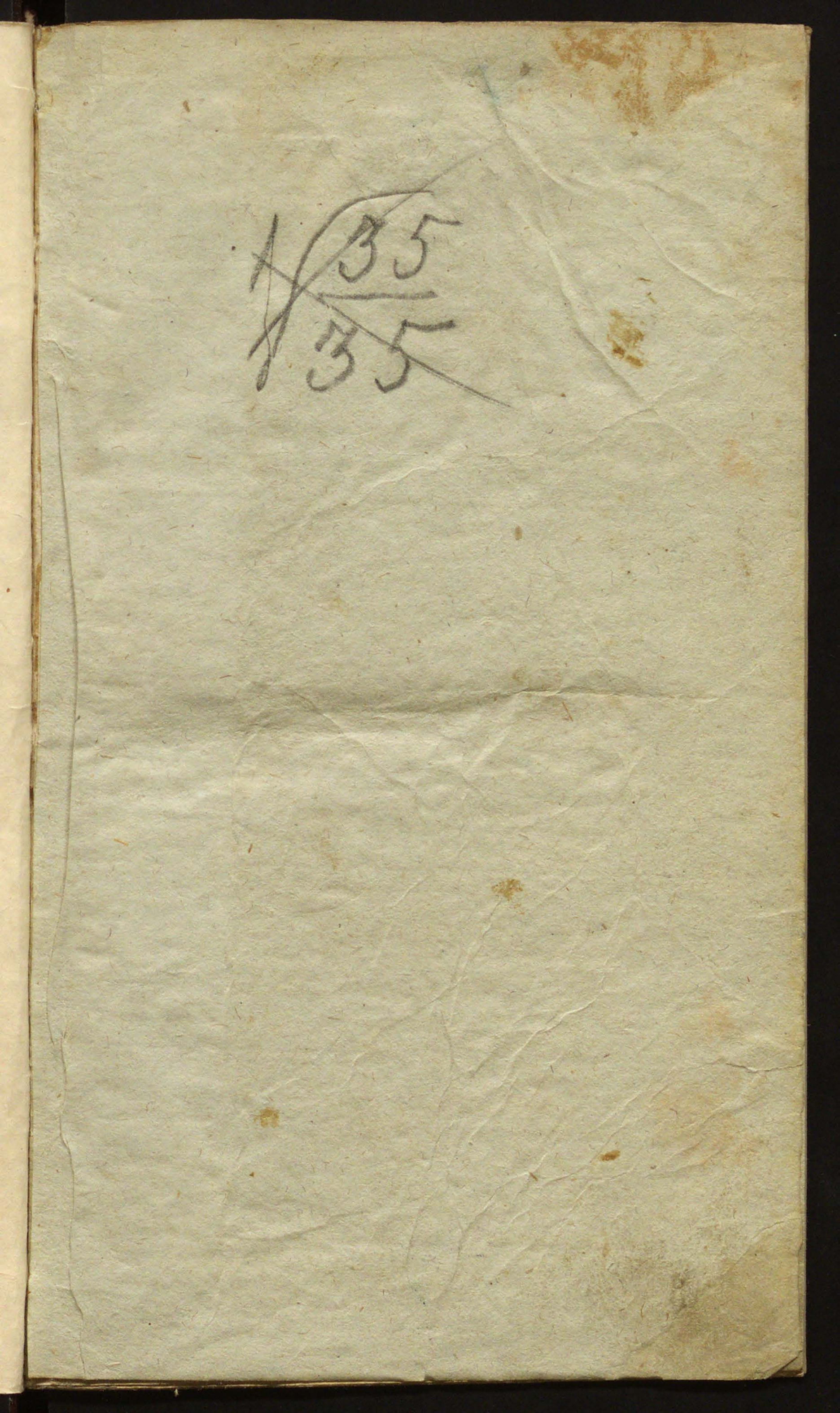
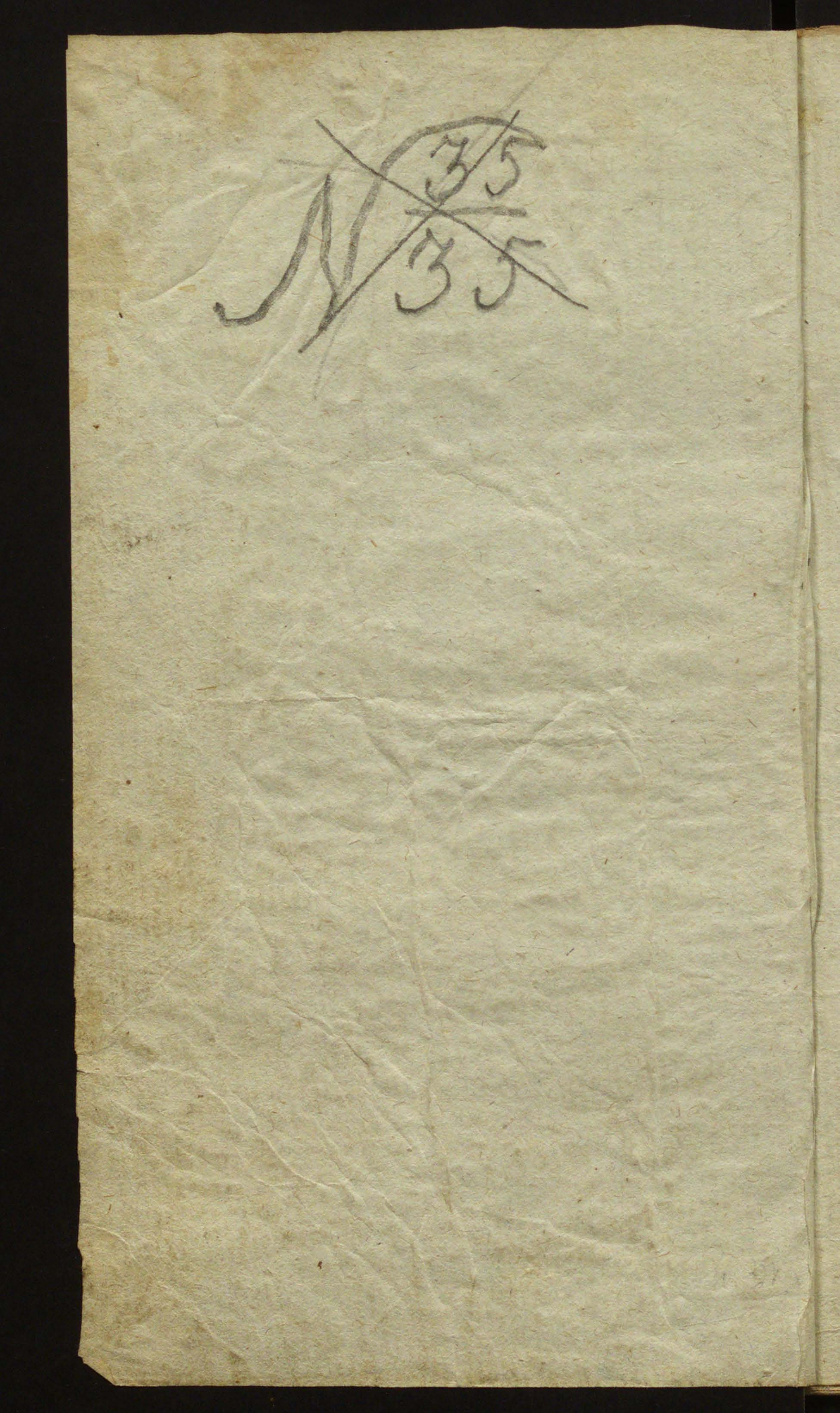

35
35

N 35/35

N°

217.

Изъ книгъ

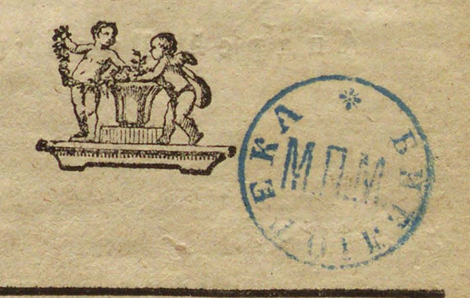
Василья Слободскаго.

Из книгъ Александра [illegible]

ПАВЕЛЪ
И
ВИРГИНІЯ,

Сочиненіе Г. де Сентъ Пьеръ.

Перевела съ Французскаго
А. П.

МОСКВА,

Въ Университетской Типографіи, у В. Окорокова, 1793 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: Павелъ и Виргинія, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Логики и Метафизики Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

Андрей Брянцевъ.

ПАВЕЛЪ И ВИРГИНІЯ.

На восточной сторонѣ горы, возвышающейся позадь Портъ-Луи въ Иль-де-Франсѣ, на землѣ нѣкогда обработываемой, видны развалины двухъ небольшихъ хижинъ. Они стоятъ посреди самой почти лощины, окруженной отвсюду большими утесами, и имѣющей выходъ токмо къ сѣверу. Изъ сего выходу видны въ лѣвой сторонѣ гора, называемая *Холмомъ открытія*, (le Morne de la decouverte), откуда подается сигналъ пристающимъ къ острову кораблямъ, и при подошвѣ оной городъ,

называемой ПортЪ- Луи; а вЪ правой дорога, ведущая изЪ ПортЪ-Луи вЪ уѣздЪ Памплемусской; за тѣмЪ церковь сегожЪ имени, возвышающаяся сЪ своими бамбуковыми алеями посреди большой равнины, и наконецЪ лѣсЪ, идущій до конца острова. ВпередижЪ при берегѣ морскомЪ видны *заливЪ Гроба*, (la baye du Tombeau); нѣсколько вправо *мысЪ Нещастной*, (cap Malheureux); а за нимЪ открытое море, на которомЪ представляется нѣсколько необитаемыхЪ островковЪ, и между прочимЪ *Ружейная Цѣль*, (Coin de Mire), которой походитЪ на болверкЪ, стоящій посреди волнЪ.

При входѣ вЪ лощину, изЪ коей видно толико разныхЪ предметовЪ, эхо горное повторяетЪ безпрестанно шумЪ вѣтровЪ, колеблющихЪ сосѣдственные лѣса, и трескЪ волнЪ, разбивающихся вдали обЪ утесы: но при самыхЪ хижинахЪ не слышно уже никакого шуму, и видны токмо великія

стрем-

стремнины, висящія на подобіе каменныхъ стѣнъ. При ихъ основаніи, въ ущелинахъ и даже на вершинахъ, гдѣ останавливаются облака, растетъ по мѣстамъ нѣсколько деревьевъ. Дожди, привлекаемыя острыми ихъ верьхами, часто изображаютъ радужные цвѣты на зеленыхъ и темноватыхъ ихъ скатахъ, и питаютъ источники при ихъ подошвахъ, изъ коихъ составляется рѣчка Латановъ. Глубокое молчаніе царствуетъ въ ихъ окрестностяхъ, гдѣ все тихо, воздухъ, воды и свѣтъ. Едва тутъ повторяетъ эхо шумъ пальмистовъ, растущихъ на возвышенныхъ площадкахъ, и которыхъ долгіе листья колеблются всегда вѣтрами. Кроткой свѣтъ разливается внизу сей лощины, въ которой солнце блистаетъ только въ полдни; а впрочемъ съ самаго наступленія утренней зари, лучи его отражаются верхами горъ, кои возвышаясь надъ тѣнями кажутся быть составленными изъ золота и

пурпура, въ лазуревыхъ небесахъ.

Я любилъ ходить въ сіе мѣсто, гдѣ въ одно время наслаждаться можно необъятнымъ видомъ, и глубокимъ уединеніемъ. Въ одинъ день, какъ я сидѣлъ при подножіи хижинъ, и разсматривалъ ихъ развалины, человѣкъ немолодыхъ уже лѣтъ пришелъ также къ нимъ. Онъ одѣтъ былъ по обычаю древнихъ жителей, въ коротенькой камзолъ и длинныя шаровары. Онъ былъ босъ, и опирался на трость эбенова дерева. Голову его покрывали сѣдины, видъ изъявлялъ простоту и благородство. Я поклонился ему съ почтеніемъ; онъ отвѣтствовалъ мнѣ тѣмъ же; потомъ нѣсколько посмотрѣвъ на меня, сѣлъ на тотъ же холмикъ, гдѣ я сидѣлъ. Будучи тронутъ симъ знакомъ довѣренности, я началъ съ нимъ говорить. „Отецъ „мой! сказалъ я ему, не можешь „ли ты мнѣ сказать, кому при„надлежали эти хижины? Онъ

„отвѣ-

„ отвѣчалъ мнѣ: Сынъ мой, подъ
„ сими развалинами, и на сей запу-
„ щенной землѣ, лѣтъ около двад-
„ цати тому назадъ, обитали два
„ семейства, вкушавшія благополу-
„ чіе. Приключенія ихъ трогатель-
„ ны; но на островѣ, лежащемъ на
„ пути въ Индію, какой Евро-
„ пеецъ пожалѣетъ о жребіи нѣ-
„ скольких ъ частныхъ и неизвѣст-
„ ныхъ людей? Кто согласится на
„ то, чтобъ жить щастливо, но
„ „ въ бѣдности и незнаемъ ни-
„ кѣмъ? Люди привыкли заниматься
„ мало полезными Исторіями вели-
„ кихъ людей и Государей. Отецъ
„ мой, прервалъ я, легко можно
„ заключить по виду и рѣчамъ
„ твоимъ, что ты человѣкъ
„ опытной. Ежели тебѣ досугъ;
„ то разскажи мнѣ все, что тебѣ
„ извѣстно о древнихъ жителяхъ
„ сей пустыни, и вѣрь, что чело-
„ вѣкъ, наиболѣе ослѣпленной пред-
„ разсудками свѣта, любитъ слу-
„ шать то, когда говорятъ о ща-
„ стіи, доставляемомъ природою и

 „ добро-

„добродѣтелью.„ Тогда, какъ бы стараясь припомнить разныя обстоятельства, онъ приложилъ руку ко лбу, и потомъ началъ разсказывать слѣдующее:

Въ 1735 году одинъ молодой человѣкъ изъ Нормандіи, по имени Г. де-ла-Туръ, искавшій тщетно вступить въ службу во Франціи, и получить вспоможеніе отъ своей фамиліи, рѣшился переѣхать на сей островъ, и положить здѣсь основаніе своему щастію. Съ нимъ была молодая жена, которую онъ любилъ чрезмѣрно, и взаимно былъ любимъ ею. Она происходила изъ древняго и богатаго дому въ той же Провинціи, но онъ на ней женился тайно, и взялъ ее безъ приданаго; потому что родственники ея противились ихъ браку, считая, что онъ не дворянинъ. Оставивъ ее въ Портъ-Луи, онъ отправился въ Мадагаскаръ, располагая купить тамъ нѣсколько черныхъ невольниковъ, и возвратясь съ поспѣшностію заве-

вести здѣсь селеніе. Онъ прибылъ въ Мадагаскаръ въ дурное время года, начинающееся въ половинѣ Октября, и спустя нѣсколько времени по своемъ пріѣздѣ, умеръ заразительною лихорадкою, свирѣпствующею тамъ шесть мѣсяцовъ въ году, и которая всегдашнимъ будетъ препятствіемъ Европейскимъ народамъ дѣлать на томъ островѣ основательныя заведенія. Вещи, которыя онъ взялъ съ собою, распропали всѣ послѣ его смерти, какъ то обыкновенно случается съ людьми, умирающими внѣ своего отечества. Жена его, остававшаяся въ Иль-де-Франсѣ, была беременна, и не имѣла ничего въ свѣтѣ, кромѣ одной черной невольницы, будучи притомъ въ такой землѣ, гдѣ никто ей не думалъ вѣрить, потому что никто ее не зналъ. Не хотя просить никого послѣ смерти человѣка, единственно ею любимаго, она не отчаялась въ нещастіи, но рѣшилась обработывать съ своею невольницею небольшой

уголокъ земли, дабы достать себѣ нужное пропитаніе.

На островѣ почти необитаемомъ, и гдѣ земли очень много, не думала она о мѣстахъ плодороднѣйшихъ, ни болѣе способныхъ къ торговлѣ; но ища какой нибудь горы, и убѣжища сокровеннаго, гдѣ бы могла жить одна, и никѣмъ незнаема, она вышла изъ города, и направила путь къ симъ утесамъ. Всѣмъ чувствительнымъ и страждущимъ существамъ свойственно укрываться въ самыхъ пустыхъ и дикихъ мѣстахъ, какъ будто бы скалы могли быть неприступною защитою отъ нещастія, и спокойствіе природы могло утишить бѣдственныя волненія души. Но Провидѣніе, вспомоществующее намъ, когда мы желаемъ только нужнаго, предоставило утѣшеніе и Госпожѣ де-ла-Туръ, какого ни богатство, ни знатность дать не могутъ, то есть друга.

Въ сихъ мѣстахъ жила уже съ годъ женщина веселая, добрая и чувствительная, по имени Маргарита. Она родилась въ Бретани отъ бѣдныхъ поселянъ, которые очень ее любили, и была бы щастлива, естьлибъ не имѣла слабости повѣрить любовнымъ клятвамъ одного сосѣдняго дворянина, которой обѣщалъ на ней жениться. Но онъ, удовольствовавъ страсть свою, отсталъ отъ нея, и даже ничего не далъ ей на содержаніе младенца, которымъ она была беременна. Тогда вознамѣрилась она оставить навсегда деревню, въ которой родилась, и скрыть свой проступокъ въ отдаленныхъ селеніяхъ, потерявъ въ землѣ своей единственное приданое бѣдной и честной дѣвушки, доброе имя. Старой невольникъ, котораго она купила на заемныя деньги, обработывалъ съ нею клочокъ земли въ семъ уѣздѣ.

Госпожа де-ла-Туръ съ своею невольницею нашла въ семъ мѣстѣ

стѣ Маргариту, которая кормила своего ребенка. Она очень обрадовалась, увидѣвъ женщину въ такомъ же по видимому положеніи, въ какомъ находилась сама, и разсказала въ короткихъ словахъ о прошедшемъ своемъ состояніи и нуждахъ настоящихъ. Маргарита пришла въ жалость, слушая повѣствованіе Госпожи де-ла-Туръ, и желая заслужить больше ея довѣренность, нежели почтеніе, призналась ей, ничего не скрывая, въ своемъ безразсудствѣ. „Что касается до меня, говорила она, то я заслужила „свою участь. Но вы, сударыня, „. . . вы, будучи добродѣтельны „и нещастливы!„ И потомъ въ слезахъ представила ей свою хижину и дружество. Госпожа де-ла-Туръ, будучи тронута столь нѣжнымъ пріемомъ, сказала ей, прижавъ ее къ сердцу. „Ахъ! вѣрно „Богу угодно окончать мои страданія; потому что онъ внушаетъ „въ тебя болѣе ко мнѣ пріязни, „хотя я тебѣ и чужая, нежели

„сколь-

„ сколько видѣла я отъ своихъ род-
„ ственниковъ.„

Я зналъ Маргариту, и хотя живу съ полторы мили отсюда, въ лѣсахъ за хребтомъ горъ; однакожъ почиталъ ее соседкою. Въ Европейскихъ городахъ одна улица, одна стѣна, препятствуетъ цѣлые годы членамъ одного общества видѣться другъ съ другомъ: но въ новыхъ селенiяхъ мы считаемъ соседями и тѣхъ, съ которыми раздѣляютъ насъ горы и лѣса. Въ то время, а особливо, когда жители здѣшняго острова производили мало торговли съ Индiею, одно соседство было уже поводомъ къ дружбѣ; а страннопрiимство почиталось долгомъ и удовольствiемъ. Какъ скоро я узналъ, что у соседки моей есть подруга; то пошелъ къ ней, въ намѣренiи оказать имъ обѣимъ какую нибудь услугу. Госпожа де-ла-Туръ показалась мнѣ привлекательна, величественна и задумчива. —— Ей приходило время родить. Я

пред-

предложилЪ имЪ, что какЪ для выгоды ихЪ дѣтей, такЪ и для воспрепятствованія какому другому жителю тутЪ поселиться, имЪ надлежитЪ раздѣлить между собою сію лощину, содержащую около двадцати десятинЪ. Онѣ положились на меня вЪ раздѣлѣ; и я здѣлалЪ двѣ части почти равныя. Одна заключала верхЪ, начиная отЪ сего утеса, покрытаго облаками, и откуда выходитЪ рѣка ЛатановЪ, до того крутаго выхода, которой ты видишь на вершинѣ горы, и которой мы называемЪ амбразурою; потому что онЪ вЪ самомЪ дѣлѣ походитЪ на батарейную амбразуру. Сія часть земли такЪ наполнена камнями и ключами, что едва можно ходить по ней. Но за то она производитЪ большія дерева, и имѣетЪ здоровую воду вЪ семЪ множествѣ маленькихЪ ручейковЪ. ВЪ другой части заключался весь низЪ, вдоль по рѣкѣ ЛатановЪ, до выходу, вЪ которомЪ сидимЪ мы теперь, и откуда рѣка сія на-

чинаетЪ свое теченіе между двумя холмами до самаго моря. Ты видишь здѣсь нѣсколько лужаекЪ, и землю довольно равную, но она не лучше другой; ибо вЪ то время, когда идутЪ дожди, она дѣлается вязка, а во время засухи такЪ тверда, какЪ свинецЪ. И ежели тогда захочешь вспахать поле; то должно рубить его топорами. ЗдѣлавЪ сей раздѣлЪ, я уговорилЪ ихЪ кинуть жеребей. Верхняя часть досталась Госпожѣ де-ла-ТурЪ, а нижняя Маргаритѣ. Обѣ онѣ были довольны своею долею; но просили меня не раздѣлять ихЪ жилища, „дабы мог„ли, мы говорили онѣ, всегда ви„дѣться, говорить и помогать „другЪ другу.„ ОднакожЪ обѣимЪ имЪ надобно было особливое убѣжище. Хижина Маргариты находилась посреди лощины, точно на межѣ ея земли. Я построилЪ другую хижину для Госпожи де-ла-ТурЪ, на ея землѣ, такЪ что обѣ пріятельницы были вмѣстѣ, и каждая вЪ своемЪ владѣніи.

Я

Я самъ рубилъ имъ колья на горѣ, и приносилъ латановые листья съ морскихъ береговъ для составленія сихъ хижинъ, въ которыхъ ты не видишь теперь ни дверей, ни кровли. Но ахъ! много еще осталось для моего воспоминанія! Время, истребляющее столь быстро памятники Государствъ, кажется чтитъ въ сихъ пустыняхъ памятники дружества, для продолженія моего прискорбія до конца жизни.

Только что другая хижина была отстроена, какъ Госпожа де-ла-Туръ родила дочь. Я крестилъ сына Маргаритина, которой назывался Павломъ. Госпожа де-ла-Туръ просила, чтобъ я окрестилъ и ея дочь вмѣстѣ съ ея другомъ. Маргарита назвала ее Виргиніею. „Она будетъ „добродѣтельна, говорила она, и „потому щастлива. Я тогда только узнала нещастіе, когда познакомилась съ пороками.„

Когда Госпожа де-ла-Туръ оправилась послѣ родинъ, то сіи два

два небольшія поселенія начали приносить нѣкоторую пользу, при помощи моихъ попеченій, а особливо отъ прилѣжной работы ихъ невольниковъ. Маргаритинъ невольникъ, Домингъ, былъ родомъ Яловецъ, и хотя уже не молодъ, однако еще довольно крѣпокъ. Онъ былъ человѣкъ опытной, и имѣлъ отъ природы довольно смыслу. Онъ обработывалъ равно землю обоихъ жилищъ, которая казалась ему плодороднѣе, и засѣвалъ ее приличными сѣменами. Пшено и маисъ сѣялъ онъ въ мѣстахъ посредственныхъ, пшеницу на хорошей землѣ, сарачинское пшено въ мѣстахъ болотистыхъ, и при подошвѣ горъ большія и малыя тыквы и огурцы; которыя всѣ вьются вверхъ. На сухихъ мѣстахъ онъ сажалъ пататы, на высотахъ кусты, приносящія хлопчатую бумагу, сахарной тростникъ на крѣпкой землѣ, кофейные кусты на холмахъ, гдѣ зерно бываетъ на нихъ мѣлко, но изящной доброты, вдоль

по рѣкѣ и около хижинъ бананы, приносящіе плодъ въ теченіе всего года, и дающіе прекрасную тѣнь, наконецъ нѣсколько табаку, для прогнанія своей и добрыхъ хозяекъ скуки. Онъ рубилъ на горахъ дрова, и выламывалъ въ иныхъ мѣстахъ каменья, для того чтобъ здѣлать дороги ровнѣе. Все сіе онъ дѣлалъ съ благоразуміемъ и прилѣжаніемъ, потому что дѣлалъ съ усердіемъ. Онъ былъ очень привязанъ къ Маргаритѣ, а не меньше того къ Госпожѣ де-ла-Туръ и къ черной ея невольницѣ, на которой онъ женился при рожденіи Виргиніи. Онъ страстно любилъ свою жену, которая называлась Марьею. Она родилась въ Мадагаскарѣ, гдѣ научилась нѣкоторымъ рукодѣльямъ, какъ-то, плести корзины и дѣлать ткани изъ травъ, растущихъ въ лѣсахъ. Она была проворна, чистоплотна и очень вѣрна: приготовляла кушанье, кормила нѣсколько куръ, и ходила иногда въ Портъ-Луи продавать небольшой

из-

избытокЪ двухЪ хозяевЪ. Естьли ты присовокупишь кЪ тому двухЪ козЪ, вскормленныхЪ при дѣтяхЪ, и большую собаку, которая стерегла ночью дворЪ, то будешь имѣть понятіе о всѣхЪ доходахЪ и хозяйствѣ сихЪ двухЪ малыхЪ хуторовЪ.

Что касается до двухЪ пріятельницЪ, то онѣ отЪ утра до вечера пряли бумагу. Сей работы было довольно для собственнаго и семействЪ ихЪ содержанія, но впрочемЪ онѣ такЪ были скудны вещами чужестранными, что дома ходили босыя, и надѣвали башмаки только по воскресеньямЪ, когда очень рано хаживали кЪ обѣднѣ вЪ Памплемусскую церковь. Хотя до нее и гораздо далѣе, нежели до ПортЪ-Луи; однакожЪ онѣ рѣдко ходили вЪ городЪ, опасаясь презрѣнія, потому что на нихЪ было платье изЪ толстой Бенгальской набойки, такЪ какЪ на невольницахЪ. Но стоитЪ ли народное уваженіе домашняго благополучія?

чія? Естьли онѣ страдали нѣсколько внѣ домовъ своихъ; то возвращались въ нихъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ. Какъ скоро Марья и Домингъ усматривали ихъ съ этого пригорка на Памплемусской дорогѣ; то бѣжали подъ гору, чтобъ имъ помочь взойти на нее. Онѣ видѣли ясно въ глазахъ своихъ невольниковъ ту радость, которую они чувствовали, опять ихъ увидя. Въ домахъ своихъ онѣ находили чистоту, вольность и все нужное, что доставляли имъ собственные труды и труды ихъ служителей, исполненныхъ къ нимъ усердія и привязанности. Онѣ сами, будучи соединены одинакими нуждами, претерпѣвъ почти сходныя бѣдствія, называя одна другую сладостными именами друга, товарища и сестры, имѣли одну волю, одни выгоды и одинъ столъ; все у нихъ было общее. Да когда и прежній пламень возгорался въ душахъ ихъ, пламень гораздо сильнѣйшій пламени дружества; то

чи-

чистая религія, подкрѣпляемая непорочными нравами, направляла его къ другой жизни, подобно огню, возлетающему къ небесамъ, когда онъ не находитъ болѣе пищи на землѣ.

Долгъ природы усугублялъ еще блаженство ихъ общежитія. Взаимное ихъ дружество умножалось при взорѣ на дѣтей, одолженныхъ жизнію любви, равномѣрно бѣдственной. Онѣ увеселялись тѣмъ, что вмѣстѣ ихъ купали, клали ихъ спать въ одну колыбель, и часто мѣнялись ими при питаніи грудью. „Другъ мой, говаривала Госпожа „де-ла-Туръ, у каждой изъ насъ „будетъ двое дѣтей, и у каждаго „изъ дѣтей нашихъ будетъ двѣ „матери.„ Какъ два отпрыска отъ двухъ деревъ одного рода, у которыхъ порывистой вѣтръ обломалъ всѣ вѣтви, приносятъ сладчайшіе плоды, когда каждой изъ нихъ срѣжутъ съ настоящаго ихъ пня и привьютъ къ другому;

такъ и дѣти сіи, лишенные всѣхъ своихъ родственниковъ, исполнились чувствами нѣжнѣйшими чувствъ сына и дочери, брата и сестры, когда мѣнялись грудью двѣ пріятельницы, даровавшія имъ жизнь. Матери говорили уже о бракѣ ихъ еще при колыбеляхъ, и сія надежда будущаго супружескаго щастія, которою они услаждали собственное мученіе, часто ихъ заставляла плакать; одна воспоминала, что нещастія ея проистекли отъ того, что презрѣла бракъ, а другая, что подверглась его законамъ; одна, что хотѣла быть выше своего состоянія, а другая, что унизила оное; но обѣ утѣшались помышленіемъ, что дѣти ихъ будутъ нѣкогда щастливѣе, и не имѣя жестокихъ Европейскихъ предразсудковъ, будутъ наслаждаться вмѣстѣ и удовольствіемъ любви и щастіемъ равенства.

Въ самомъ дѣлѣ ничто не льзя было сравнить съ тою привязанно-

ностію, какую они другъ къ другу показывали. Когда Павелъ плакалъ, то подносили къ нему Виргинію; увидѣвъ ее, онъ улыбался и дѣлался спокоенъ. Естьли что нибудь случалось съ Виргиніею, то узнавали о томъ по крику Павла: но сія любезная дѣвушка тотчасъ скрывала боль свою, дабы онъ не мучился. Всякой разъ, какъ я приходилъ сюда, видѣлъ ихъ вмѣстѣ; что ходили по обыкновенію здѣшней земли нагія, и поддерживали другъ друга слабыми рученками, подобно, какъ представляютъ намъ созвѣздіе близнецовъ. Самая ночь не могла ихъ разлучить. Она часто находила ихъ лежащихъ въ одной колыбели, щека съ щекою, грудь съ грудью, другъ друга обнявшихъ, и такимъ образомъ заснувшихъ.

Какъ скоро начали они говорить, то прежде всего выучились называть себя братомъ и сестрою. Для младенцовъ, знающихъ нѣжнѣйшія ласки, нѣтъ пріятнѣе сихъ названій.

ній. Воспитаніе умножало ихъ дружбу, и взаимное угожденіе при общихъ надобностяхъ. Вскорѣ все, что касалось до хозяйства, чистоты и сельскаго стола, зависѣло отъ Виргиніи, и заботливость ея всегда сопровождалась хвалою и поцѣлуями отъ брата. А онъ будучи всегда въ трудахъ, рылъ съ Домингомъ въ саду гряды, или взявъ маленькой топоръ, хаживалъ съ нимъ въ лѣса; и ежели на дорогѣ находилъ прекрасной цвѣтокъ, отмѣнный плодъ, или птичье гнѣздо, хотя бы они были на самой вершинѣ дерева, то взлезалъ на него, и доставши приносилъ сестрѣ.

Когда бывало встрѣтишь гдѣ одного, то ужъ вѣрно не ошибешься въ мысляхъ, что и другой тутъ близко. Въ одинъ день, какъ я сходилъ съ этой горы; то увидѣлъ въ концѣ сада Виргинію, бѣгущую къ дому; голова у нее была покрыта юпкою, накинутою сзади, отъ сильнаго дождя. Издали я поду-

думалъ, что она одна, но подошедши къ ней, чтобъ ей помочь, увидѣлъ, что она держала Павла за руку, которой почти весь былъ обвернутъ тѣмъ же покрываломъ; они оба смѣялись, что скрываетъ ихъ отъ дождя щитомъ собственной выдумки. Сіи двѣ прекрасныя головы, закрытыя раздувающеюся юбкою, напомнили мнѣ дѣтей Леды, находившихся въ одной скорлупѣ.

Все ученіе ихъ состояло въ томъ, чтобъ помогать другъ другу и нравиться. Впрочемъ они были такъ незнающи, какъ Креолы, и не умѣли ни читать, ни писать. Они не безпокоились о томъ, что происходило во времена давно протекшія, и въ другихъ земляхъ, любопытство ихъ не простиралось далѣе сей горы. Они считали, что весь свѣтъ оканчивается ихъ островомъ, и думали, что ничего нѣтъ пріятнаго тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Взаимная ихъ любовь и привязан-

ность къ матерямъ занимали всю дѣятельность ихъ душъ. Никогда безполезныя науки не заставляли ихъ проливать слезы. Никогда уроки мрачнаго нравоученія не наводили имъ скуки. Они не знали, что не должно красть, потому что все у нихъ было общее; ни что такое неумѣренность, имѣя только нужную и простую пищу; не умѣли лгать, потому что имъ не было нужды скрывать правды. Никогда не пугали ихъ тѣмъ, что Богъ жестоко наказуетъ дѣтей неблагодарныхъ; дѣтская любовь родилась въ нихъ отъ дружества ихъ матерей. Изъ закона толковали имъ только то, что заставляетъ его любить, и ежели они въ церквѣ не читали долгихъ молитвъ, то вмѣсто того вездѣ, гдѣ бы ни были, дома, на поляхъ, или въ лѣсахъ, воздѣвали къ небесамъ невинныя руки, и сердце ихъ исполненное любовію къ родителямъ трепетало.

Такимъ образомъ прошли первыя лѣта ихъ дѣтства, подобно прекрасной зарѣ, возвѣщающей ясной день. Уже раздѣляли они съ матерьми своими всѣ попеченія о хозяйствѣ. Какъ скоро пѣтухъ возвѣщалъ приходъ Авроры; то Виргинія вставала, ходила къ источнику за водою, а возвратясь домой готовила завтракъ; когдажъ солнце позлатитъ вершины въ сихъ окрестностяхъ, то приходила къ Госпожѣ де-ла-Туръ Маргарита съ сыномъ; тутъ начинали всѣ молиться; потомъ слѣдовалъ завтракъ; часто сиживали они предъ дверьми на травѣ подъ тѣнію банановъ, которые снабжали ихъ готовою пищею, представляя имъ питательные свои плоды, и столовымъ бѣльемъ, состоящимъ изъ долгихъ и свѣтлыхъ ихъ листьевъ. Здоровая и изобильная пища споспѣшествовала скорому росту обоихъ дѣтей, а кроткое воспитаніе изобразило на ихъ лицахъ непорочность и удовольствіе души. Виргинія

нія не имѣла болѣе двѣнадцати лѣтъ, а уже станъ ея былъ почти совершенъ, голова осѣнялась большими свѣтлорусыми волосами, голубые глаза и коралловыя губы украшали нѣжнѣйшимъ блескомъ живой цвѣтъ ея лица. Они всегда улыбались согласно, когда начинала говорить она: но когда молчала, то природная ихъ косвенность къ небесамъ выражала чрезмѣрную чувствительность, и даже нѣкую легкую задумчивость. Въ Павлѣ видно было свойство совершеннаго человѣка среди пріятностей юношества. Онъ былъ больше Виргиніи, лицемъ смуглѣе, носъ имѣлъ долѣе; черные глаза его казались бы нѣсколько гордыми, естьлибъ долгія рѣсницы, ихъ отѣнявшія, не придавали имъ величайшей кротости. Хотя онъ въ непрестанномъ находился движеніи, но какъ скоро появлялась сестра его; то становился тихъ, и садился подлѣ нее; часто не говорили они ни слова во время стола. По ихъ молчанію, по про-

простотѣ положенія ихъ тѣла, и по красотѣ босыхъ ихъ ногъ, можно было подумать, что представляется взору древняя группа изъ бѣлаго мрамору, изображающая дѣтей Ніовиныхъ. Но по ихъ взорамъ, ищущимъ встрѣтиться, по взаимнымъ и пріятнымъ ихъ улыбкамъ, можно было почесть ихъ за тѣхъ сыновъ небесъ, за тѣхъ блаженныхъ духовъ, которымъ свойственно любить другъ друга, и которымъ не нужно изъяснять чувства мыслями, а любовь словами.

Однакожъ Госпожа де-ла-Туръ видя, что въ дочери ея развертывалось столько прелестей, чувствовала пріумноженіе безпокойства съ умноженіемъ своей къ ней нѣжности. Она говорила мнѣ часто: „Ежели я умру, то что будетъ „съ Виргиніею, оставшеюся въ та„кой бѣдности?

Во Франціи была у нее тетка, дѣвица знатная, богатая, старая

и

и набожная, которая столь жестокосердо отказалась ей помочь, когда она выходила за Господина де-ла-Туръ, что она клялась не прибѣгать къ ней никогда, до которой бы крайности доведена ни была. Но здѣлавшись матерью, она не страшилась уже стыда, сопряженнаго съ отказомъ. Она отписала къ своей теткѣ о нечаянной смерти мужа, о рожденіи дочери и о замѣшательствѣ, въ какомъ находилась, будучи въ отдаленіи отъ своего отечества, лишена всякой помощи, и отягчена робенкомъ. На сіе письмо не получала она отвѣту. Но будучи горда, вмѣняла ни во что униженія и упреки своей родственницы, которая никогда не хотѣла простить ей того, что она вышла за человѣка неблагороднаго, хотя и добродѣтельнаго. И такъ писала она къ ней при всякомъ случаѣ, дабы возбудить ея чувствительность въ пользу Виргиніи: но много лѣтъ прошло, она не получала

отъ

отъ нее никакого знака воспоминанія.

Наконецъ въ 1746 году, по прибытіи Г. де-ла-Бурдоне, Госпожа де-ла-Туръ узнала, что сей новой Губернаторъ привезъ ей письмо отъ тетки. Она побѣжала въ Портъ-Луи, не заботясь на сей разъ о томъ, что была дурно одѣта; ибо материнская радость превышала уваженіе отъ людей. Г. де-ла-Бурдоне отдалъ ей дѣйствительно письмо отъ тетки, которая писала къ своей племянницѣ, что она сама виновна въ своемъ нещастіи, вышедши за мужъ за распутнаго бродягу; что страсти влекли за собою и наказаніе; что преждевременная смерть мужа есть праведное наказаніе Божіе; что она очень хорошо поступила, отправясь на острова, чѣмъ безчестить свою фамилію во Франціи; что сверхъ того находится въ такой землѣ, гдѣ всѣ обогащаются, кромѣ тунеядцевъ. Выругавши ее такимъ обра-

разомъ, она кончила письмо собственными похвалами. Для избѣжанія, говорила она, почти всегда плачевныхъ слѣдствій супружества, она никогда не хотѣла итти за мужъ. Но въ самомъ дѣлѣ будучи очень честолюбива, она не иначе хотѣла вытти за мужъ, какъ за человѣка весьма знатнаго; однакожъ не смотря на великое свое богатство, и на то, что при дворахъ на одно только имѣніе смотрятъ не безпристрастно, она не нашла никого, кто бы захотѣлъ взять ее, зная дурноту ея лица и сердца.

Оканчивая письмо, она упомянула, что разсудивъ обо всемъ не оставила просить объ ней Г. дела-Бурдоне. Она и въ самомъ дѣлѣ просила, но по общему нынѣ обыкновенію, которое покровителя дѣлаетъ больше опаснымъ, нежели явнаго непріятеля, дабы оправдаться предъ Губернаторомъ въ жестокости своей противъ племянницы, она

она притворно жалѣя объ ней, не оставила оклеветать ее.

Госпожа де-ла-Туръ, которую и суровой человѣкъ не могъ бы видѣть безъ чувствительности и почтенія, была принята съ великою холодностію Господиномъ де-ла-Бурдоне, котораго уже противъ нее предупредили. На представленіе ея о своемъ и дочернином͡ъ состояніи онъ отвѣчалъ ей весьма сухо. „Посмотрю. . . . Посмотримъ, . . . со временемъ. . . . Нещастныхъ очень много. . . . На что огорчать почтенную тетку? . . Вы сами виноваты.„

Госпожа де-ла-Туръ возвратилась въ свое жилище, съ сердцемъ пронзеннымъ печалію и исполненнымъ горести. Пришедши она сѣла; бросила письмо на столъ, и сказала своей пріятельницѣ: „Вотъ плоды одиннатцатилѣтняго терпѣнія.„ Но какъ только она одна умѣла читать изъ всего общества, то взяла опять письмо и прочита-

ла его при всемЪ семействѣ. Едва она кончила, какЪ Маргарита сказала ей сЪ жаромЪ: „ Какая намЪ нужда до твоихЪ родственниковЪ? развѣ БогЪ насЪ оставитЪ? ОнЪ одинЪ намЪ отецЪ. Развѣ мы не были щастливы до нынѣшняго дня? О чемЪ же тебѣ печалиться? Ты не имѣешь надлежащей твердости. Увидя однакожЪ, что Госпожа де ла-ТурЪ плачетЪ, бросилась она кЪ ней на шею, и прижавЪ ее кЪ себѣ, вскричала: „ Любезной другЪ, любезной другЪ! Но собственныя ея рыданія лишили ее голоса. При семЪ зрѣлищѣ Виргинія утопая вЪ слезахЪ, прижимала попеременно кЪ устамЪ и сердцу своему то руки матери своей, то Маргаритины; а ПавелЪ сЪ глазами, воспламененными яростію, кричалЪ, ломалЪ руки, топалЪ ногами, не зная, кто всему тому былЪ причиною. На сей шумЪ прибѣжали ДомингЪ и Марья, и тогда вЪ хижинѣ раздавались только сіи болѣзненные крики: „АхЪ! сударыня, ахЪ до-

добрая Госпожа! . . . Матушка, не плачьте. Столь нѣжные знаки дружества прогнали огорченіе Госпожи де-ла-Турѣ. Она обняла Павла и Виргинію, и сказала имѣ сѣ довольнымѣ видомѣ: „Дѣти мои, вы причиною моего мученія, вы составляете и всю мою радость. О! любезныя мои дѣти, нещастіе пришло ко мнѣ издалека; а щастіе всегда со мною. Павелѣ и Виргинія не поняли ее; но увидя, что она спокойна, улыбнулись и начали кѣ ней ласкаться. Они опять зделались всѣ щастливы, и сіе приключеніе было не иное что, какѣ буря среди прекрасныхѣ лѣтнихѣ дней.

Доброй нравѣ дѣтей сихѣ ежедневно больше оказывался. Вѣ одно воскресенье, какѣ матери ихѣ на зарѣ пошли кѣ обѣднѣ вѣ Пампле-мусскую церковь, то увидѣли они подѣ бананами, окружающими ихѣ жилище, бѣглую Нигритянку. Она была суха, какѣ мертвецѣ, а одѣ-

яніе ея состояло изъ лоскутка дерюги, обвернутаго вокругъ ея поясницы. Она пала къ ногамъ Виргиніи, приготовляющей для семейства своего завтракъ, и сказала: Сжальтесь, сударыня, надъ нещастною и бѣглою невольницею; уже съ мѣсяцъ брожу я по симъ горамъ, умирая съ голоду, и преслѣдуема будучи охотниками и ихъ собаками. Я бѣгаю отъ своего Господина, которой человѣкъ богатой и живетъ на рѣкѣ Черной. Онъ со мною поступилъ, какъ вы видите. И въ тожъ время показавъ ей тѣло свое, изсѣченное и покрытое пребольшими рубцами, она присовокупила: „Я хотѣла утопиться; „но зная, что вы здѣсь живете, „подумала: когда еще есть здѣсь „добрые бѣлые люди, то не надобно умирать.„ Виргинія пришедъ въ жалость, отвѣчала ей: „Ободрись нещастное твореніе! На вотъ, „поѣшь! „ И подала ей весь завтракъ, приготовленной ею. Неволница въ нѣсколько минутъ весь его

съѣла.

сѣла. Виргинія видя, что она сыта, сказала ей: „Бѣдняжка! мнѣ „хочется сходить къ твоему Го„сподину, и попросить его, чтобъ „онъ тебя простилъ; онъ сжалит„ся тебя увидя. Проводишь ли ты „меня къ нему?„ Ангелъ Божій, „отвѣчала невольница, я всюду за „тобою послѣдую, куда тебѣ угодно.„ Виргинія кликнула брата, и просила, чтобъ онъ пошелъ съ нею. Бѣглая невольница повела ихъ по тропинкамъ, чрезъ лѣса и высокія горы, на которыя они карабкались съ великимъ трудомъ, и чрезъ широкія рѣки, которыя переходили они въ бродъ. Наконецъ пришли они около полудня къ холмику, находящемуся при берегахъ рѣки Черной. Тамъ увидѣли они хорошій домъ, обширные огороды и великое число невольниковъ, занимающихся всякими работами. Господинъ ихъ ходилъ между ими, держа во рту трубку и трость въ рукахъ. Онъ былъ человѣкъ большаго росту, сухой,

 олив-

оливковаго цвѣту, съ впадшими глазами и черными сростшимися бровями. Виргинія въ великомъ смятеніи, держа Павла за руку, подошла къ жителю рѣки Черной, и просила его простить для Бога свою невольницу, которая стояла позади ихъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Сначала онъ не много уважилъ сихъ двухъ дѣтей, очень худо одѣтыхъ: но когда примѣтилъ стройной станъ Виргиніи, и прекрасные ея русые волосы, повязанные голубымъ платкомъ, и услышалъ пріятной звукъ ея голоса, которой дрожалъ, какъ и все тѣло, при прошеніи у него прощенія; то вынулъ изо рта трубку, и поднявъ трость къ верху, клялся ужасною клятвою, что проститъ своей невольницѣ, не для Бога, но только для нее. Виргинія тотчасъ здѣлала знакъ невольницѣ, чтобы она подошла къ Господину, и потомъ немедленно ушла съ Павломъ.

Они взошли вмѣстѣ на тотъ холмъ, съ котораго предъ симъ спустились, и дошедъ до вершины его сѣли подъ деревомъ, будучи изнурены усталостію, голодомъ и жаждою. Они прошли болѣе пяти миль отъ восхожденія солнца ничего не ѣвши. Павелъ сказалъ Виргиніи: „Сестрица, теперь больше „полудня, ты вѣрно хочешь ѣсть „и пить; здѣсь мы обѣда не сы„щемъ; сойдемъ опять съ этого „холма, и попросимъ ѣсть у Го„сподина той невольницы. Ахъ „нѣтъ, другъ мой, отвѣчала Вир„гинія, я его очень боюсь. Вспом„ни, что говоритъ иногда мату„шка: хлѣбъ злыхъ людей, какъ „дресва во рту. Чтожъ намъ дѣ„лать, сказалъ Павелъ? На сихъ „деревьяхъ плоды дурны. Здѣсь „нѣтъ ни тамаринда, ни лимона „для освѣженія тебя Богъ надъ „нами сжалится, отвѣчала Вирги„нія; онъ внемлетъ гласу малень„кихъ птичекъ, просящихъ у него „пищи.„ Едва выговорила она сло-

ва сіи, какъ послышался шумъ источника, ниспадающаго съ ближняго утеса. Они побѣжали туда, и утоливъ жажду кристалловидною его водою, нарвали и поѣли немного кресу, растущаго на берегахъ его. Оглядываясь на всѣ стороны, не найдетъ ли какой пищи посытнѣе, Виргинія увидѣла между деревьями въ лѣсу молодой пальмистъ. Капуста, заключающаяся въ вершинѣ сего дерева между листьями, составляетъ очень хорошую пищу: но хотя дерево само собою не было толще ноги, однакожъ имѣло болѣе шестидесяти футовъ въ вышину. Внутренность его состоитъ изъ множества жилочекъ, кора однакожъ столь тверда, что не беретъ ее и лучшій топоръ, а у Павла не было и ножа. Онъ вздумалъ разложить огонь при корнѣ сего пальмиста: но другое затрудненіе; съ нимъ не было огнива, а на островѣ семъ, хотя и покрытомъ каменьями, я не думаю, чтобъ можно было найти кремень.

Ну-

Нужда дѣлаетъ искуснымъ, и часто мы бываемъ обязаны полезнѣйшими изобрѣтеніями людямъ самымъ бѣднымъ. Павелъ рѣшился развести огонь, какъ разводятъ черные. Острымъ камнемъ провертѣлъ онъ сухую вѣтвь, и положилъ подъ ноги, потомъ тѣмъ же камнемъ обвострилъ онъ другую сухую же вѣтвь, но другаго роду дерева, и воткнувъ въ прежнюю началъ вертѣть въ рукахъ своихъ такъ скоро, какъ вертятъ ручку у шоколадной мельницы. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ увидѣлъ искры и дымъ, выходящія изъ точки сближенія. Онъ набралъ сухихъ травъ и другихъ вѣтвей, и разложилъ огонь при корнѣ пальмиста, которой скоро упалъ съ великимъ трескомъ. Огонь помогъ ему отдѣлить отъ капусты кожу и длинныя древоподобные и колючіе листья. Виргинія и онъ съѣли часть сей капусты сырую, а другую печеную на угольяхъ; та и другая показалась

 имъ

имЪ равно вкусною. Не смотря на такой обЪдЪ, они были весьма веселы, воспоминая доброе дЪло, здЪланное по утру: но радость сію уменьшала мысль о безпокойствЪ, какое наведетЪ ихЪ матерямЪ долговременное ихЪ отсутствіе. Виргинія часто занималась симЪ предметомЪ; однакожЪ ПавелЪ, почувствовавЪ обновленіе силЪ своихЪ, увЪрилЪ ее, что они успокоятЪ немедленно своихЪ родителей.

ПослЪ обЪда они пришли вЪ великое замЪшательство; потому что не имЪли провожатаго. Но ПавелЪ, котораго ничто не устрашало, сказалЪ Виргиніи: „Наша хи„жина стоитЪ тамЪ, гдЪ солнце „бываетЪ вЪ полдни; для того „надобно итти намЪ, какЪ и по „утру, чрезЪ эту гору, которая „видишь ли вонЪ сЪ тремя остры„ми верьхами. ПойдемЪ, другЪ „мой, пойдемЪ.„ Это была гора трехЪ сосцовЪ (*), такЪ названная

(*) ТакихЪ горЪ, которыхЪ вершины круглы, на подобіе сосцовЪ, довольно

ная по тому, что три верха ея на оные похожи. И такЪ они сошли сЪ холма рѣки Черной на сѣверной сторонѣ, и чрезЪ часЪ прибыли кЪ берегамЪ другой широкой рѣки, которая преградила имЪ дорогу. Сія часть острова, покрытая лѣсами, столь мало извѣстна еще и донынѣ, что многія вЪ ней рѣки и горы не имѣютЪ названія. Рѣка, на берегу которой они находились, течетЪ весьма быстро по каменному дну: шумЪ происходящій отЪ водЪ ея испугалЪ Виргинію; она не могла отважиться ступить вЪ нее, чтобЪ перейти ее вЪ бродЪ. Тогда ПавелЪ взялЪ Виргинію кЪ се-

---

но вЪ природѣ. Сіи вершины суть настоящіе сосцы? ибо изЪ нихЪ проистекаютЪ многія рѣки и ручьи, проливающіе изобиліе на землю. Они суть источники главныхЪ рѣкЪ, орошающихЪ оную, и безпрестанно умножаютЪ ихЪ воды, собирая облака вЪ верьху. Мы показали вЪ другомЪ мѣстѣ сію удивительную предусмотрительность природы.

себѣ на спину, и прошелъ съ симъ бременемъ по скользкимъ камнямъ рѣки, не смотря на стремительное ея теченіе. „Не бойся, „говорилъ онъ ей, я чувствую, „что съ тобой очень силенъ. Естьли бы житель рѣки Черной отказалъ тебѣ въ прошеніи за его невольницу, то я бы съ нимъ подрался.„ Какъ, сказала Виргинія, „съ этимъ превеликимъ и злымъ „человѣкомъ? Какой опасности я „тебя подвергала! Боже мой! какъ „трудно дѣлать добро! Къ одному только злу дорога широка.„

Достигши берега, Павелъ хотѣлъ нести Виргинію и далѣе, и ласкался такимъ образомъ взойти на гору трехъ сосцовъ, которую онъ видѣлъ предъ собою въ полумилѣ оттуда; но вскорѣ силы его ослабѣли, онъ принужденъ былъ спустить ее, и сѣлъ подлѣ нее отдохнуть. Тогда Виргинія сказала ему: „Братецъ, скоро станетъ за„ходить солнце, у тебя есть еще

силы

„ силы, а у меня ужѣ нѣтѣ;
„ оставь меня здѣсь, и поди одинѣ
„ вѣ наше жилище, для успокоенія
„ матерей нашихѣ. О! нѣтѣ, сказалѣ
„ Павелѣ, я тебя не оставлю.
„ Естьли застигнетѣ насѣ ночь вѣ
„ сихѣ лѣсахѣ; то я буду разво-
„ дить огни и валять пальмисты;
„ ты поѣшь капусты, а я здѣлаю
„ изѣ листьевѣ шалашикѣ, вѣ ко-
„ торомѣ ты ляжешь.„ Междутѣмѣ
Виргинія, отдохнувѣ нѣсколько,
нарвала долгихѣ листьевѣ травы,
называемой оленій языкѣ, на пнѣ
стараго дерева, наклонившагося вѣ
рѣку. Она здѣлала изѣ нихѣ родѣ
сапоговѣ, и обвернула себѣ ноги,
которыя отѣ каменьевѣ были всѣ
вѣ крови; ибо поспѣшивѣ здѣлать
добро она забыла обуться. Чув-
ствуя облегченіе отѣ свѣжести сихѣ
листьевѣ, она сломила бамбуковую
трость, и пошла опираясь одною
рукою на нее, а другою на брата.

Такимѣ образомѣ тихо проби-
рались они сквозь лѣсѣ; но вышина

на деревъ и густота листьевъ скоро скрыли отъ нихъ гору трехъ сосцовъ, къ которой они направляли путь свой, да и самое солнце, которое уже садилось. Спустя нѣсколько времени, они оставили непримѣтно проложенную тропинку, по которой шли прежде, и очутились въ непроходимомъ лабиринтѣ ліанъ и камней. Павелъ посадилъ Виргинію, и началъ внѣ себя туда и сюда бѣгать, дабы сыскать дорогу, по которой бы можно было вытти изъ сей чащи: но онъ трудился тщетно. Онъ взлезъ на одно высокое дерево, чтобы увидѣть по крайней мѣрѣ гору трехъ сосцовъ; но не видалъ вокругъ себя, кромѣ вершины деревъ, изъ коихъ иныя освѣщены были послѣдними лучами заходящаго солнца. Между тѣмъ тѣнь отъ горъ покрыла уже лѣса въ долинахъ; вѣтръ утихъ, какъ-то обыкновенно бываетъ при захожденіи солнца: глубокое молчаніе царствовало въ сихъ пустыняхъ,

и

и не слышно было никакого шуму, кромѣ крику оленей, ищущихъ ночлега въ отдаленныхъ мѣстахъ. Въ надеждѣ, что какой нибудь охотникъ можетъ услышать его голосъ, Павелъ закричалъ изо всей силы: „На помощь, на помощь Виргиніи! Но одно эхо отвѣтствовало на голосъ его, и повторяло многократно: Виргиніи. . . . Виргиніи.

Павелъ сошелъ тогда съ дерева, будучи обремененъ усталостію и горестію: онъ искалъ средствъ провести ночь въ томъ мѣстѣ; но тамъ не было ни источника, ни пальмиста, ни сухихъ вѣтвей, способныхъ къ разведенію огня. Тогда почувствовалъ онъ собственнымъ опытомъ, сколь слаба была его помощь, и началъ плакать. Виргинія, увидѣвъ то, сказала ему: „Не плачь, другъ мой, ежели ты „не хочешь огорчить меня. Я причиною всѣхъ твоихъ мученій и „печали матерей нашихъ. Ничего

и

„не должно дѣлать безъ совѣта „своихъ родителей, хотя бы то „было и доброе дѣло. Ахъ! я была „очень безразсудна! — Слезы полились изъ глазъ ея. Однакожъ сказала она Павлу: „Станемъ молиться Богу, братецъ, и онъ вѣр„но насъ помилуетъ.„ Едва кончила она свою молитву, какъ послышался лай собаки. Это собака какого нибудь охотника, сказалъ Павелъ, которой вечеромъ хочетъ здѣсь травить оленей. Нѣсколько времени спустя собака начала еще больше лаять. „Мнѣ ка„жется, сказала Виргинія, что это „наша Фиделька; такъ, я узнаю ее „по голосу: не ужъ ли мы пришли „къ подошвѣ нашей горы?„ Въ самомъ дѣлѣ минуту спустя, Фиделька была уже у ногъ ихъ, лаяла, выла, стонала и ластилась. Не могши опомниться отъ изумленія, они увидѣли и Доминга, бѣгущаго къ нимъ. По прибытіи сего добраго невольника, которой плакалъ отъ радости, они начали

такъ

также плакать, будучи не въ силахъ произнести ни одного слова. Когда невольникъ опомнился, то сказалъ имъ: „О господа мои, „какъ матери ваши встревожены! „Какъ удивились онѣ, когда не „нашли васъ по возвращенiи изъ „церкви, куда ходилъ съ ними и „я! Марья, работавшая въ углу жи„лища нашего, не могла намъ ска„зать, куда вы дѣлись. Я обхо„дилъ всѣ мѣста, самъ не зная, „въ которой сторонѣ искать васъ. „Наконецъ взялъ я ваше старое „платье (*), далъ его понюхать „Фиделькѣ, и она тотчасъ пошла „по вашимъ слѣдамъ, какъ буд-

(*) Такая расторопность чернаго Доминга и его Фидельки походитъ на то, что разсказываетъ Г. Кревенеръ о дикарѣ Тевениссѣ и его собакѣ Онѣгѣ въ своемъ сочиненiи, исполненномъ любви къ человѣчеству подъ названiемъ: Письма Американскаго Земледѣльца.

„ что бы меня разумѣла. Она при-
„ вела меня, беспрестанно мотая
„ хвостомъ, къ рѣкѣ Черной. Тамъ
„ узналъ я отъ господина, что вы
„ привели къ нему бѣглую Нигритян-
„ ку, и что онъ по прозьбѣ вашей
„ простилъ ее. Но какое проще-
„ нiе! Онъ показалъ мнѣ ее при-
„ кованную за ногу къ столбу; на
„ шеѣ у нее была рогатка о трехъ
„ спицахъ. Оттуда Фиделька по-
„ вела меня на холмъ, что подлѣ
„ рѣки Черной, гдѣ остановившись
„ лаяла изо всей силы. Это бы-
„ ло на берегу источника, под-
„ лѣ поваленнаго пальмиста, и
„ близь еще курящагося огня: на-
„ конецъ она привела меня сюда.
„ Мы находимся теперь при подош-
„ вѣ горы трехъ сосцовъ, и остает-
„ ся еще четыре добрыя мили до
„ нашего жилища. Поѣжте и обо-
„ дритесь.„ Онъ подалъ имъ пи-
рогъ, нѣсколько плодовъ и боль-
шую тыкву, наполненную питьемъ,
составленнымъ изъ воды, вина,
лимоннаго соку, сахару и муска-
ту,

ту, которое приготовили ихъ матери для подкрѣпленія и оживленія силъ ихъ. Виргинія вздохнула, вспомнивъ бѣдную невольницу и безпокойство своихъ матерей. Она повторяла многократно: „О какъ трудно дѣлать добро!„ Между тѣмъ, какъ она и Павелъ отдыхали, Домингъ развелъ огонь, и сыскавъ въ утесахъ суковатое дерево, называемое рондомъ, которое горитъ зелено и очень пылко, здѣлалъ изъ него факелъ; потому что была уже ночь. Но онъ пришелъ въ великое замѣшательство, когда надобно было итти: Павелъ и Виргинія не могли больше ступить; ноги ихъ рдѣлись и распухли. Домингъ не зналъ, итти ли ему искать для нихъ помощи, или провести съ ними ночь въ семъ мѣстѣ. „Гдѣ то время, сказалъ онъ имъ, когда я носилъ „обоихъ васъ вмѣстѣ? Но теперь „вы велики, а я старъ.„ Какъ онъ находился въ семъ недоумѣніи; то вдругъ показалась толпа бѣг-

лыхъ Негровъ въ двадцати шагахъ оттуда. Начальникъ сей толпы, подошедъ къ Павлу и Виргиніи, сказалъ имъ: „Добродушные бѣлые „люди, не бойтесь; мы видѣли, „какъ вы сего утра прошли съ „Нигритянкою рѣки Черной; и „знаемъ, что вы за нее просили „злобнаго ея Господина. Изъ благо-„дарности, мы васъ отнесемъ до-„мой на плечахъ.„ Послѣ сего онъ далъ знакъ, и четверо изъ силь-нѣйшихъ зделали тотчасъ носилки изъ древесныхъ вѣтвей и ліанъ, посадили на нихъ Павла и Виргинію, взяли ихъ на плеча и пошли съ Домингомъ, которой несъ передъ ними факелъ. Вся толпа испускала радостные крики, и осыпала ихъ благословеніями. Виргинія въ умиленіи сказала тогда Павлу: „О! другъ мой, Богъ ни„когда не оставляетъ добраго дѣла безъ награжденія!

Они пришли около полуночи къ подошвѣ своей горы, верхи которой

рой были всѣ освѣщены. Только что стали они всходить на нее, какъ услышали голоса: „Вы ли это дѣти мои?„ Они отвѣчали съ невольниками: „Мы, мы!„ и вскорѣ увидѣли матерей своихъ и Марью, выходящихъ къ нимъ на встрѣчу съ горящими головнями. „Нещастныя дѣти, сказала Госпожа де-„ла-Туръ, гдѣ вы были? Какую „печаль вы намъ причинили! Мы „были на рѣкѣ Черной, отвѣчала „Виргинія, гдѣ просили прощенія „нещастной бѣглой невольницѣ, ко-„торой я сего дни поутру отдала „весь нашъ завтракъ, потому что „она умирала съ голоду; и вотъ „эти бѣлые Негры насъ принесли „домой.„ Госпожа де-ла-Туръ обняла дочь свою, не будучи въ состояніи говорить; а Виргинія почувствовавъ, что мать орошала лице ея слезами, сказала ей: „Вы награждаете меня за все претерпѣнное мною мученіе!„ Маргарита съ радостнымъ восторгомъ прижимала Павла къ своему сердцу, и

 гово-

говорила ему: „ И ты, сынъ мой, и ты здѣлалъ доброе дѣло! „ Пришедши съ дѣтьми въ свою хижину, они накормили черныхъ, которые возвращаясь въ свои лѣса, желали имъ всякихъ благъ.

Каждой день для сихъ семействъ былъ днемъ щастія и спокойствія. Не мучили ихъ ни зависть, ни честолюбіе. Не желали они внѣшней и тщетной славы, которая происходитъ отъ пронырствъ, и теряется отъ клеветы. Они довольствовались собственнымъ судомъ и свидѣтельствомъ. На семъ островѣ, гдѣ, какъ и во всѣхъ Европейскихъ поселеніяхъ, любопытствуютъ узнать только злобою сплетенные разсказы, ихъ добродѣтели, даже имена ихъ были неизвѣстны. Ежели когда прохожій спрашивалъ на Пампелмусской дорогѣ у нѣкоторыхъ жителей долины: „ Кто живетъ тамъ на верьху, въ малыхъ хижинахъ? то они не знавши ихъ, отвѣчали:

добрые люди. Подобно сему фіалка, подъ терновымъ кустомъ, распространяетъ окрестъ пріятное благовоніе, хотя никто ее не видитъ.

Онѣ избѣгали въ своихъ разговорахъ злословія, которое подъ видомъ справедливости склоняетъ сердце человѣческое къ ненависти, или ко лжи; ибо невозможно не ненавидѣть людей, считая ихъ злобными, и жить со злыми, не скрывая отъ нихъ своей ненависти подъ ложнымъ видомъ благосклонности. И такъ злословіе принуждаетъ насъ быть недовольну другими, или самимъ собою. Но не судя о людяхъ частно, онѣ разсуждали только о средствахъ дѣлать добро всѣмъ вообще, и хотя не могли того дѣлать, однакожъ имѣли по крайней мѣрѣ всегдашнее къ тому стремленіе, которое при всякомъ удобномъ случаѣ могло оказаться на самомъ дѣлѣ.

Живучи въ уединеніи, не одичали онѣ, напротивъ здѣлались еще человѣколюбивѣе. Естьли соблазнительныя происшествія общества не были предметомъ ихъ разговоровъ; то природа не оставляла упоевать ихъ восхищеніемъ и радостію. Онѣ славословили съ восторгомъ могущество Провидѣнія, которое чрезъ ихъ руки, посреди сихъ безплодныхъ стремнинъ, изливало изобиліе, пріятность, и всегда возобновляющееся непорочное и простое удовольствіе.

Павелъ, будучи двѣнадцати лѣтъ, и притомъ сильнѣе и благоразумнѣе, нежели какъ бываютъ Европейцы въ пятнадцать лѣтъ, украшалъ то, что черной Домингъ обработывалъ. Онъ ходилъ съ нимъ въ близь лежащіе лѣса, вырывалъ младые лимонные и померанцовые деревья, тамаринды, коихъ круглой верьхъ украшенъ столь пріятною зеленью, и финиковые дерева, которыхъ плодъ наполненъ слад-

кимъ

кимъ густымъ сокомъ, подобнымъ молоку, и имѣющимъ запахъ померанцоваго цвѣта. Онъ сажалъ сіи деревья, кои теперь уже велики, въ сей округѣ. Сѣялъ здѣсь сѣмена деревъ, которыя на другой годъ приносятъ цвѣтъ, или плоды, какъ-то агатисъ, вкругъ котораго висятъ долгія кисти бѣлыхъ цвѣтовъ, подобно кристаллу вкругъ паникадила; Персидское сенетное дерево (синель), украшенное вверхъ растущими голубыми цвѣтами; папау, котораго пень безъ вѣтвей подобенъ столбу, и обвитъ зелеными дынями, между тѣмъ какъ вершина его покрыта широкими листьями, похожими на фиговые.

Онъ садилъ сѣмена и косточки банановъ, минговъ, адвокатовъ, гойявъ, или Индѣйскихъ грушъ, жаковъ и жамрозовъ. Большая часть сихъ деревъ доставляли уже младому своему хозяину тѣнь и плоды. Трудолюбивая его рука произве-

извела плодородіе въ безплоднѣйшихъ мѣстахъ сей округи. Алои разныхъ родовъ, ракеты осыпанныя желтыми цвѣтами съ красными жилками, и колючая свѣча, расли на черныхъ верьхахъ каменныхъ скалъ, и казалось достигали стелющихся ліанъ, усыпанныхъ голубыми или красными цвѣтами, висящими туда и сюда, вдоль по крутизнѣ горы.

Онъ расположилъ сіи растѣнія такъ, что можно было вдругъ наслаждаться ихъ видомъ. Травы, растущія невысоко, сѣялъ онъ въ срединѣ сей лощины, по томъ слѣдовали кустарники, а за ними небольшія деревья, и наконецъ высокія, граничащія округу; такимъ образомъ, что обширное сіе мѣсто изъ средоточія своего казалось амфитеатромъ, составленнымъ изъ зелени, плодовъ и цвѣтовъ, и заключало въ себѣ огородныя овощи, лужайки и поля, засѣянныя пшеномъ и всякимъ хлѣбомъ. Но подвер-

вергая своему плану сіи растѣнія, не удалялся онъ отъ плана природы. Наставляемъ будучи ея внушеніями, садилъ онъ на возвышенныхъ мѣстахъ тѣ, коихъ сѣмена свойства летучаго, и при водахъ тѣ, кои сыраго свойства. И такъ всякое растѣніе находилось въ надлежащемъ ему материкѣ, и каждой материкъ украшался свойственнымъ ему растѣніемъ. Воды, ниспадающія съ вершины сихъ утесовъ, составляли въ низу сей долины въ одномъ мѣстѣ водометы, въ другомъ обширныя зеркала, въ которыхъ удваивались посреди зелени цвѣтущія деревья, утесы и лазурь небесъ.

Не взирая на неравность сей земли, всѣ растѣнія большею частію можно было столь же удобно доставать, какъ и видѣть. Правда, что мы помогали ему и совѣтомъ и дѣломъ достичь сей цѣли. Онъ проложилъ тропинку вокругъ сей лощины, отъ которой шли еще

многіе тропки, и соединялись въ средоточіи округи. Онъ здѣлалъ полезными самыя шероховатыя мѣста, и соединилъ въ щастливѣйшемъ согласіи пріятность прогулки съ негладкостію земли, и домашнія деревья съ дикими. Изъ сего чрезвычайнаго множества скатывающихся камней, дѣлающихъ нынѣ дороги здѣсь столь же непроходимыми, какъ и большая часть земли сего острова, строилъ онъ во многихъ мѣстахъ пирамиды, мѣшая основаніе оныхъ съ землею и съ кореньями розовыхъ, маковыхъ и другихъ кустовъ, могущихъ расти между камнями. Въ короткое время мрачныя и дикія сіи пирамиды покрылись зеленью, или живѣйшимъ блескомъ прекрасныхъ цвѣтовъ. Источники, окруженные старыми деревьями, наклонившимися на брегахъ ихъ, сплетались въ видѣ сводовъ, подъ которыми въ жаркой день можно было наслаждаться холодкомъ. Тутъ тропинка вела въ рощицу дикихъ деревъ, посреди

ди которой стояло укрытое отъ вѣтровъ домашнее дерево со множествомъ плодовъ. Тамъ было поле, обѣщающее обильную жатву; здѣсь огородъ. Изъ сего выходу видны были домы, изъ другаго неприступныя вершины горы. Изъ татамаковой, сплетенной съ ліанами бесѣдки, не можно было разсмотрѣть къ полудню никакого предмета: но съ самаго верьху сего большаго утеса представлялись всѣ предметы сей округи, и вдали море, на которомъ появлялись иногда корабли, идущіе изъ Европы, или возвращающіеся въ оную. На сей-то горѣ збирались въ вечеру оба семейства, и наслаждались въ тишинѣ прохладнымъ воздухомъ, благовоніемъ цвѣтовъ, журчаніемъ водометовъ и послѣднимъ согласіемъ свѣта со мракомъ.

Ничто не было пріятнѣе названій, данныхъ большой части прелестныхъ убѣжищъ въ семъ лабиринтѣ. Упомянутая мною гора,

съ

съ которой они видѣли меня издали, когда я шелъ сюда, называлась *Открытіемъ дружества.* Павелъ и Виргинія посадили тамъ бамбукъ, и на верху онаго привязывали бѣлой платокъ, въ знакъ моего прихода, подобно какъ поднимается флагъ на близь лежащей горѣ, когда усмотрится на морѣ корабль. Мнѣ пришло на мысль вырѣзать надпись на семъ деревцѣ. Сколько ни чувствовалъ я удовольствія въ своихъ путешествіяхъ при видѣ статуи, или памятника древности, но еще съ большимъ удовольствіемъ читаю хорошую надпись. Мнѣ кажется тогда, что изъ подъ камня слышится голосъ, вѣщающій на множество вѣковъ человѣку, находящемуся въ пустынѣ, что онъ не одинъ, и что другіе люди въ сихъ же мѣстахъ чувствовали, думали и страдали, какъ онъ. Ежели же надпись сія какого нибудь древняго народа, которой больше не существуетъ; то влечетъ она душу нашу въ поля

без-

безконечности, и даетъ ей чувствовать свое безсмертіе, показавъ, что мысль жива еще и по разрушеніи царствъ.

Для того написалъ я на мачтѣ флага Павла и Виргиніи сіи Горацієвы стихи:

Fratres Helenæ, lucida ſidera,
Ventorumque reg t pater,
Obſtrictis aliis, præter Iapiga.

„Братья Елены, блестящія звѣзды,
И ты отецъ вѣтровъ управляй ихъ теченїемъ,
„И позволь только вѣять З фиру!

Слѣдующій стихъ Виргиліевъ вырѣзалъ я на корѣ тамамака, подъ тѣнію котораго сидѣлъ иногда Павелъ и смотрѣлъ на волнующееся вдали море:

Fortunatus et ille, deos qui novit agreſtes!

„Щастливъ, кто знаетъ только боговъ сельскихъ!„

А надъ дверью хижины Госпожи де-ла-Туръ, которая была мѣстомъ ихъ собранія, написалъ:

At ſecura quies, et neſcia ſallere vita.

„Здѣсь безопасный покой и жизнь незнающая обмановъ „

Но Виргинія недовольна была моею Латынью; она говорила, что надпись, которую я здѣлалъ на ея флюгерѣ, очень велика и слишкомъ учена. „Я бы лучше желала, присовокупила она, чтобъ тутъ было написано, *всегда волнуемъ но постояненъ*. Сія надпись приличествовала бы гораздо больше человѣку добродѣтельному, отвѣчалъ я, и Виргинія застыдилась.

Сіи щастливыя семейства изливали свои чувствительныя души на все, ихъ окружающее. Они дали нѣжнѣйшія названія самымъ маловажнымъ по видимому предметамъ. Кругъ, насажденной бананами и померанцовыми деревьями, около мѣста заростшаго густою травою,

вою, куда ходили иногда ПавелЪ и Виргинія плясать, извѣстенЪ былЪ подЪ именемЪ *Согласія*. Старое дерево, подЪ тѣнью котораго Госпожа де-ла-ТурЪ и Маргарита разсказывали другЪ другу свои нещастія, называлось *осушенными слезами*. Онѣ называли *Бретанью* и *Нормандіею* нѣкоторыя частицы земли, засѣянныя хлѣбомЪ, земляникой и горохомЪ. ДомингЪ и Марья, желая подражать своимЪ ГоспожамЪ, вспомнили отечественную Африку, и дали названіе *Анголы* и *Фульепоеня* двумЪ мѣстамЪ, гдѣ расла трава, изЪ которой дѣлали они корзины, и гдѣ насажденЪ былЪ тыковникЪ. ТакимЪ образомЪ сіи семейства, лишенныя отчества, посредствомЪ произрастѣній своего климата, питали сладкое обЪ ономЪ напоминаніе, питали пріятное уныніе вЪ землѣ чуждой. АхЪ! я видѣлЪ, что деревья, водометы, утесы вЪ этомЪ нынѣ опустѣвшемЪ мѣстѣ, оживлялись множествомЪ пріятныхЪ на-

зрaній, въ этомъ мѣстѣ, подобномъ нынѣ полю въ Греціи, представляющему глазамъ одни развалины и чувствительныя наименованія.

Но изъ всего, что заключала въ себѣ эта округа, не было пріятнѣе мѣста, называемаго *успокоеніемъ Виргиніи.* При подошвѣ горы *Открытія дружества* есть впадина, изъ которой выходитъ ручей, составляющій при самомъ своемъ источникѣ небольшой прудокъ, посреди луга, покрытаго мѣлкою травою. Когда Маргарита родила Павла, то я подарилъ ей Индѣйской кокосъ, которой не помню получилъ отъ кого. Она посадила этотъ плодъ на берегу того прудка, дабы выростшее изъ него дерево могло нѣкогда послужить памятникомъ рожденія ея сына.

Госпожа де-ла-Туръ по ея примѣру посадила тамъ же другой кокосъ, какъ скоро произвела на

вѣтъ Виргинію. Отъ сихъ плодовъ родились два кокосовыя дерева, составляющія всѣ архивы двухъ семействъ; одно именовалось *Павлово дерево*, другое *Виргиніино*. Оба расли по мѣрѣ возраста своихъ хозяевъ, будучи нѣсколько неравны въ вышинѣ, которая чрезъ двѣнадцать лѣтъ однакожъ превзошла высоту ихъ хижинъ. Они уже сплетали вѣтви свои, уже висѣли младыя кисти кокосовъ надъ водоемомъ источника. Выключая сихъ двухъ деревъ пустынницы оставили ту впадину, такъ какъ ее украсила природа. На влажныхъ и темныхъ ея изгибахъ блисталъ въ видѣ зеленыхъ и черныхъ звѣздъ широкой папоротникъ, и развѣвались вѣтрами густые листья оленьяго языка, висящіе на подобіе долгихъ лентъ багряно-зеленаго цвѣту. Подлѣ того расла по краямъ дикая грушка, которой цвѣты почти похожи на красную гвоздику, и Индѣйской перецъ, котораго темно-красные стручья живѣе коралловъ.

въ окрестностяхъ бальзамная трава, которой листы сердечкомъ, и базиликъ гвоздичнаго запаху, наполняли воздухъ пріятнымъ куреніемъ. Съ самаго верьху горы свѣшивались ліаны, какъ развѣваемыя зефиромъ завѣсы, и составляли по утесамъ большія зеленыя куртины. Морскія птицы, коихъ привлекало сіе тихое убѣжище, летѣли ночевать сюда. При захожденіи солнца, вдоль по берегамъ морскимъ, носился воронъ и морская ласточка, а на высотѣ воздуха парила черная фрегатка съ бѣлой птицой тропика, оставляющія вмѣстѣ съ дневнымъ свѣтиломъ пустыни Индѣйскаго Океана. Виргинія любила покоиться на берегахъ сего источника, украшенныхъ пышнымъ и купно дикимъ величіемъ. Часто ходила она туда мыть бѣлье въ тѣни двухъ кокосовъ; а иногда гоняла на паству своихъ козъ, и приготовляя въ это время сыръ изъ ихъ молока, смотрѣла съ удовольствіемъ, какъ онѣ щипали папорот-

ротникъ по крутизнѣ утесовъ, и какъ висѣли на воздухѣ стоя на краяхъ ихъ изгибовъ, какъ на пьедесталѣ. Павелъ видя, что Виргинія любитъ это мѣсто, перенесъ туда изъ лѣсу гнѣзда всякаго роду птицъ. Отцы и матери сихъ птицъ слѣдовали за своими птенцами, и основали жилище въ семъ новомъ селеніи. Виргинія кормила ихъ иногда сарачинскимъ пшеномъ, маисомъ и просомъ. Какъ скоро она показывалась; то свистящіе дрозды, бенгалки, которыхъ пѣніе столь пріятно, кардиналки, коихъ перья огненнаго цвѣту, всѣ оставляли свои кусты; изумруднаго цвѣту попугаи слетали съ латановъ, куропатки сбѣгались изъ подъ травы: всѣ смѣшавшись приближались къ ней, какъ домашнія птицы. Павелъ и она утѣшались ихъ играми, любовію и ѣдою.

Любезныя дѣти, такъ проводили вы въ невинности первые дни свои, упражняясь въ благодѣяніи! Сколько разъ на этомъ мѣстѣ ма-

тери ваши, держа васЪ вЪ объятіяхЪ, благословляли небо, ниспославшее имЪ чрезЪ васЪ вЪ старости утѣшеніе, и ознаменовавшее весну дней вашихЪ столь благополучными признаками? Сколько разЪ вЪ тѣни утесовЪ сихЪ участвовалЪ я сЪ ними вЪ вашихЪ сельскихЪ обѣдахЪ, нестоившихЪ жизни ни одному животному! Тыквы, наполненныя молокомЪ, свѣжія яица, пшенные пироги на банановыхЪ листьяхЪ, корзины сЪ пататами, мангами, апельсинами, гранатными яблоками, бананами, финиками и ананасами, представляли глазамЪ ѣства самыя здоровыя, прелестныя видомЪ и сочныя внутри.

Разговоры наши были столь же пріятны и невинны, какЪ обѣды. ПавелЪ говорилЪ часто о своей работѣ, и вымышлялЪ всегда что нибудь полезное для общества. То здѣсь тропинка была безпокойна; то тамЪ сидѣть неловко; моло-

дыя

дыя бесѣдки не довольно давали тѣни; Виргиніи бы здѣсь гораздо было спокойнѣе.

Въ дождливое время провождали они день всѣ вмѣстѣ въ которой нибудь хижинѣ; Господа и слуги дѣлали рогожи изъ травы, и корзины изъ бамбука. По стѣнамъ развѣшаны были въ величайшемъ порядкѣ грабли, топоры, кирки, а подлѣ сихъ земледѣльческихъ орудій и самыя произведенія, какъ-то мѣшки съ пшеномъ, снопы и бананы. Разборчивость совокуплялась всегда съ обиліемъ. Виргинія, наученная матерью и Маргаритою, готовила щербетъ и другое крѣпительное питье, изъ соку сахарнаго тростника, лимоновъ и цедры.

По наступленіи ночи ужинали они при свѣтѣ лампады; потомъ Госпожа де-ла-Туръ, или Маргарита разсказывали что нибудь о путешественникахъ, заблудившихся ночью въ Европейскихъ лѣсахъ,

наполненныхъ ворами, или о разбитіи какого нибудь корабля, брошеннаго бурею на скалы пустаго острова. При сихъ повѣстяхъ воспламенялись чувствительныя души ихъ дѣтей. Они молили небо о явленіи имъ той милости, чтобъ могли нѣкогда оказать страннопріимство такимъ нещастнымъ. Послѣ сего они расходились для успокоенія, съ нетерпѣливостію желая на другой день опять увидѣться. Они засыпали иногда при шумѣ дождя, ниспадавшаго ручьями на крышку ихъ хижинъ, или при шумѣ вѣтровъ, доставлявшихъ слуху ихъ шумленіе волнъ, разбивающихся о берега. Они благодарили небо за собственную безопасность, и чувство сіе усугублялось въ нихъ при помышленіи объ отдаленныхъ бѣдствіяхъ.

Госпожа де-ла-Туръ читала иногда какую нибудь чувствительную исторію изъ стараго, или новаго завѣта; но они умствовали

мало

мало о священныхЪ сихЪ книгахЪ: ибо ихЪ богословія состояла вся вЪ чувствованіи, какЪ богословія природы, а нравоученіе все вЪ дѣйствіяхЪ, какЪ Евангельское нравоученіе. У нихЪ не было дней, опредѣленныхЪ особливо для радости и печали. Каждой день былЪ для нихЪ праздникЪ, а все окружающее ихЪ храмомЪ БожіимЪ, вЪ которомЪ славословили они безпрестанно Премудрость безконечную, всемогущую, и любящую человѣковЪ. Упованіе на всевышнюю власть наполняло ихЪ утѣшеніемЪ о прошедшемЪ, мужествомЪ вЪ настоящемЪ и надеждою вЪ будущемЪ. ВотЪ какимЪ образомЪ женщины сіи, будучи принуждены нещастіемЪ обратиться кЪ природѣ, открыли вЪ себѣ самихЪ и дѣтяхЪ своихЪ чувствованія, защищающія насЪ отЪ бѣдствій.

Но какЪ являются иногда и вЪ душѣ превосходно устроенной облака, ее возмущающія; то какЪ

скоро какой либо членЪ ихЪ общества казался печальнымЪ, всѢ другіе собирались вкругЪ его, и разгоняли горькія его мысли, больше чувствованіями, нежели разсужденіями. Всякой употреблялЪ притомЪ особливое свое свойство: Маргарита живую веселость, Госпожа де-ла-ТурЪ пріятную богословію; Виргинія нѢжныя ласки; ПавелЪ откровенность и дружество. Самая Марья и ДомингЪ участвовали вЪ вспоможеніи. Они печалились, когда видѢли кого печальнымЪ, и плакали, видя плачущаго. ТакЪ сплетаются слабыя растѢнія для сопротивленія урагану.

ВЪ хорошую погоду они ходили всякое воскресенье кЪ обѢдни вЪ Памплемусскую церковь, которой колокольня вонЪ тамЪ вЪ долинѢ. Богатые жители, приносимые туда вЪ паланкинахЪ, старались многократно познакомиться сЪ сими, столь тѢсно соединенными се-

семействами, и приглашали ихъ къ своимъ забавамъ. Но они всегда отказывались отъ того съ учтивостію и почтеніемъ, будучи увѣрены, что сильные люди стараются познакомиться съ слабыми только для того, чтобъ имѣть во всемъ угождающихъ собесѣдниковъ, а таковымъ не льзя быть безъ лести страстямъ другаго, и добрымъ и худымъ. Съ другой стороны не меньше убѣгали они общества бѣдныхъ жителей, которые обыкновенно бываютъ завистливы и грубы. Первые сочли ихъ застѣнчивыми, а другіе гордыми: но весьма скромное ихъ поведеніе сопровождалось всегда знаками столь обязательнаго учтивства, а особливо въ разсужденіи нещастныхъ, что они нечувствительно пріобрѣли почтеніе отъ богатыхъ и довѣренность отъ бѣдныхъ.

Послѣ обѣдни прихаживали часто просить у нихъ вспоможенія. То огорченной человѣкъ требовалъ

у

у нихъ совѣта, или просилъ ребенокъ, чтобъ навѣстили больную мать его въ близь лежащемъ оттуда мѣстѣ. Они всегда носили съ собою какое нибудь полезное лекарство отъ болѣзней, свойственныхъ здѣшнимъ жителямъ, и совокупляли съ тѣмъ пріятность, которая даетъ великую цѣну и малымъ услугамъ. Особливой имѣли они успѣхъ въ излеченіи душевныхъ болѣзней, весьма несперпимыхъ въ уединеніи, и въ страждущемъ тѣлѣ. Госпожа де-ла-Туръ говорила съ такою довѣренностію о божествѣ, что больной ее слушая считалъ его тутъ присутствующимъ. Виргинія часто возвращалась домой съ полными слезъ глазами, но съ радостнымъ сердцемъ; ибо имѣла случай здѣлать добро. Она приготовляла для больныхъ лекарства, и подавала ихъ съ неописанною пріятностію. Послѣ сихъ человѣколюбивыхъ посѣщеній, они избирали иногда путь чрезъ равнину долгой горы, и заходили

ко

ко мнѣ, ожидающему ихъ къ обѣду на берегу малой рѣчки, текущей недалеко отъ моего жилища. Я доставалъ для такихъ случаевъ нѣсколько бутылокъ стараго вина, дабы симъ сладкимъ и крѣпительнымъ произведенiемъ Европы усугубить веселость при нашихъ Индѣйскихъ обѣдахъ. Иногда сходились мы на берегу моря, при устьѣ другихъ рѣчекъ, которыя здѣсь не иное что, какъ большiе ручьи. Мы приносили туда изъ дому разные плоды, которые соединяли вмѣстѣ съ изобильнымъ произведенiемъ моря. Мы ловили при берегѣ сняпковъ, полиповъ, лангостовъ, раковъ, морскихъ ежей, устерсовъ и всякаго роду раковинъ. Ужаснѣйшiя мѣста доставляли намъ часто прiятнѣйшiя забавы. Иногда сидя на утесѣ, въ тѣни дикаго дерева, смотрѣли мы на идущiе поперегъ моря валы, и разбивающiеся у ногъ нашихъ съ ужаснымъ шумомъ. Павелъ, умѣвшiй плавать, какъ рыба, бросался иногда

съ утесовъ на встрѣчу валамъ, и въ приближенiи оныхъ утекалъ на берегъ, между тѣмъ какъ большiе, пѣнящiеся и ревущiе изгибы ихъ слѣдовали за нимъ на самой песокъ. Но Виргинiя при семъ зрѣлищѣ очень безпокоилась и говаривала, что такiя шутки наводятъ ей великой страхъ.

Послѣ обѣда начинались пѣсни и пляска между сими молодыми людьми. Виргинiя воспѣвала блаженство сельской жизни и нещастiе мореходцовъ, которыхъ скупость принуждаетъ плавать по яростной стихiи, вмѣсто того чтобъ обработывать землю, обогащающую насъ безъ всякой опасности. Иногда по обыкновенiю Негровъ, представляла она съ Павломъ пантомическiя зрѣлища Это первой языкъ человѣковъ, и всѣмъ народамъ извѣстенъ. Пантомимы столь натуральны и выразительны, что дѣти Европейцовъ очень скоро перенимаютъ ихъ, увидѣвъ упражняю-

щихся

щихся въ томъ дѣтей Негровъ. Виргинія помня изъ чтенія своей матери тѣ повѣсти, которыя больше ее тронули, представляла главныя оныхъ произшествія съ великою и поразительною простотою. Иногда при звукѣ Домингова тамтама, она являлась на лугу, неся на головѣ кувшинъ, и приближалась съ робостію къ водомету, чтобъ почерпнуть воды; Домингъ и Марья, представляя Мадіанскихъ пастуховъ, запрещали подходить ей, и отталкивали ее. Павелъ прибѣгалъ на помощь, билъ пастуховъ, наполнялъ кувшинъ водою, и поставивъ ей на голову, надѣвалъ въ тоже время вѣнокъ на нее изъ красныхъ цвѣтовъ дикой грушки, которой оживлялъ бѣлизну ея лица. Тогда мѣшаясь въ ихъ игры, принималъ я на себя роль Рагуила, и отдавалъ Павлу дочь свою Сефору.

Въ иной разъ она представляла нещастную Руѳь, возвращающуюся

во вдовствѣ и въ бѣдности въ свое отечество, въ которомъ она, какъ въ чужой землѣ, послѣ долговременнаго отсутствія. Домингъ и Марья представляли жнецовъ. Виргинія за ними подбирала колосья. Павелъ, подражая важности Патріарха, вопрошалъ ее; она отвѣчала съ трепетомъ на его вопросы. Онъ приходилъ скоро въ жалость, давалъ невинности убѣжище, и оказывалъ страннопріимство нещастной. Наполнялъ передникъ Виргиніинъ всякими запасами, и приводилъ ее къ намъ, какъ передъ городскихъ старшинъ, объявляя, что онъ на ней женится, не смотря на ея убожество. Госпожа де-латуръ, представляя при семъ явленіи, какъ ее оставили родственники, свое вдовство, какъ хорошо приняла ее Маргарита, и послѣ того, какъ надѣется она на щастливой союзъ между дѣтьми ихъ, не могла удержать слезъ своихъ; и смѣшенное сіе напоминаніе бѣдъ и благополучія заставляло насъ всѣхъ про-

проливать слезы горести и радости.

Драмы сіи представлялись столь живо, что мы считали себя перенесенными въ Сирійскія, или Палестинскія поля. Мы не имѣли недостатка въ декораціяхъ, освѣщеніяхъ и различныхъ оркестрахъ. Дѣйствіе происходило обыкновенно на перекресткѣ въ лѣсу, гдѣ дороги, лежащія въ разныя стороны, составляли вокругъ насъ зеленью украшенные своды. Сидя подъ ними мы были защищаемы цѣлой день отъ жару: но когда солнце спускалось съ горизонта; то лучи его, преломляющіеся о пни деревьевъ, распространялись въ тѣняхъ лѣса, на подобіе большихъ и свѣтлыхъ сноповъ, производившихъ величественные виды. Иногда являлся весь кругъ его въ концѣ дороги, и проливалъ вдоль ея блестящій свѣтъ. Древесные листья, освѣщенные снизу его лучами, представляли топазовые и изумрудные

огни. Темные и обростшіе мохомЪ пни являлись превращенными вЪ древнія бронзовыя колонны; и птицы, молчаливо скрывшіяся вЪ мрачную густоту листьевЪ, для препровожденія тамЪ ночи, удивленныя вторичнымЪ возвращеніемЪ Авроры, всѣ вдругЪ привѣтствовали свѣтило дня безчисленнымЪ множествомЪ пѣсенЪ.

Часто заставала насЪ ночь при сихЪ сельскихЪ празднествахЪ: но чистота воздуха и пріятность климата позволяли намЪ спать вЪ шалашѣ, посреди лѣсовЪ, безЪ опасенія отЪ дальнихЪ и близкихЪ разбойниковЪ. На другой день каждой возвращался вЪ свою хижину, и находилЪ ее вЪ такомЪ же состояніи, какЪ и оставилЪ. ВЪ то время на островѣ семЪ, не занимавшемся торговлею, столько царствовали честность и простота, что двери у многихЪ домовЪ не запирались ключами, и замокЪ былЪ предметомЪ любопытства для многихЪ КреоловЪ.

Но бывали въ году дни, кои для Павла и Виргиніи были днями величайшей радости, то есть имянины ихъ матерей. Виргинія наканунѣ пекла пироги изъ пшеничной муки, и разсылала ихъ по бѣднымъ семействамъ бѣлыхъ людей, родившихся на островѣ, неѣдавшихъ никогда Европейскаго хлѣба, и которые не получая никакого вспоможенія отъ черныхъ, будучи напротивъ принуждены питаться маніокомъ посреди лѣсовъ не имѣли къ понесенію бѣдности, ни той безчувственности, которая сопровождаетъ рабство, ни мужества, внушаемаго воспитаніемъ. Сіи пироги были одни только подарки, которые Виргинія могла дѣлать отъ избытку своего дому: но она соединяла ихъ съ такою ласковостію, которая умножала ихъ цѣну. Павелъ относилъ ихъ самъ къ симъ семействамъ, а они принимая ихъ обязывались притти на другой день къ Госпожѣ де-ла-Туръ и Маргаритѣ. Тогда видалъ я мать,

приходившую съ двумя, или тремя нещастными дочерьми, которыя были желты, худы и столь робки, что не смѣли поднять глазъ. Но Виргинія скоро ихъ ободряла; она давала имъ прохладительные плоды, или напитки, которыхъ доброту увеличивала всегда какимъ нибудь особливымъ обстоятельствомъ, умножавшимъ по ея мнѣнію пріятность оныхъ: сей напитокъ, говорила она, былъ изготовленъ Маргаритою; а этотъ ея матерью; сей плодъ братъ ея сорвалъ самъ съ дерева. Она уговаривала Павла плясать съ ними, и не оставляла ихъ до того времени, какъ увидитъ ихъ довольными и веселыми. Она хотѣла, чтобъ онѣ участвовали въ радости всего семейства. „Мы „бываемъ щастливы только тогда, „говорила она, когда занимаемся „щастіемъ другихъ.„ Когда онѣ возвращались въ свое жилище, то просила она ихъ брать съ собою то, что по видимому дѣлало имъ удовольствіе, принуждая ихъ къ при-

принятію своихъ подарковъ подъ видомъ ихъ новости, или рѣдкости. Ежели она замѣчала, что платье ихъ очень ветхо; то выбирала, съ позволенія матери, нѣсколько изъ своего, и препоручала Павлу отнесть его тайно къ дверямъ ихъ хижинъ. Такимъ образомъ она дѣлала добро по примѣру Божества, которое скрываетъ благодѣтельную руку, и являетъ токмо благодѣяніе.

Вы Европейцы, коихъ умъ наполняется съ младенчества толикими предразсудками, противными щастію, вы не можете понять, какъ природа доставляетъ столько просвѣщенія и забавъ. Душа ваша, заключенная въ маломъ кругѣ свѣдѣній человѣческихъ, достигаетъ скоро предѣла искуственныхъ наслажденій; но природа и сердце неисчерпаемы. У Павла и Виргиніи не было ни часовъ, ни календарей, ни книгъ хронологическихъ, историческихъ и философскихъ. Теченіе

ніе времени ихъ жизни исчислялось по теченію природы. Они узнавали часы дня по тѣни деревъ; времена года по времени, въ которое они давали цвѣтъ, или плодъ, а годы по числу ихъ жатвъ. Сіи прелестныя изображенія дѣлали ихъ разговоры весьма пріятными. „Время „обѣдать, говаривала Виргинія своему семейству, тѣнь отъ банановъ уже при корнѣ„, или: „Ночь „наступаетъ, на тамариндахъ свертываются листочки. „Когда ты „придешь къ намъ, спрашивали иног„да у ней подруги? Во время соби„ранія сахарнаго тростника, отвѣ„чала Виргинія. „Тогда посѣщеніе „твое тѣмъ пріятнѣе для насъ бу„детъ, говорили молодыя дѣвушки.

Когда спрашивалъ кто нибудь, сколько ей и Павлу лѣтъ; то отвѣчала она: „Братъ мой такъ старъ, какъ большое кокосовое при источникѣ дерево, а я, какъ меньшое. Манги приносили уже двѣнадцать разъ свои плоды, а померанцовыя де-

деревья цвѣли двадцать четыре раза съ того времени, какъ я родилась.,, Казалось, что ихъ жизнь была соединена съ жизнїю деревъ, такъ какъ жизнь Фавновъ и Дрїадъ. Они не знали никакой исторической достопамятности, кромѣ жизни своихъ матерей, никакого счисленїя лѣтъ, кромѣ того, сколько лѣтъ ихъ огородамъ, и другой философїи, какъ только дѣлать всѣмъ добро и повиноваться волѣ Божїей.

Да и какая нужда была симъ молодымъ людямъ въ богатствѣ и учености по нашему обыкновенїю? Ихъ недостатокъ и невѣжество усугубляли ихъ блаженство. Не проходило дня, въ которой бы они не подали другъ другу какой помощи, или новаго просвѣщенїя; а хотя бы между тѣмъ и вмѣшалось какое заблужденїе; то неиспорченной человѣкъ не можетъ по крайней мѣрѣ страшиться опасныхъ. Такимъ образомъ расли сїи дѣти природы.

Никакая печаль не покрывала чела ихЪ морщинами; никакая невоздержность не портила ихЪ крови; никакая нещастная страсть не развращала ихЪ сердца: любовь, невинность и набожность, развертывали ежедневно красоту ихЪ души вЪ несказанныхЪ пріятностяхЪ ихЪ лица, тѣлодвиженій и поступокЪ. Утро жизни излило на нихЪ всю свою свѣжесть: таковы вЪ ЕдемскомЪ саду были первые наши праотцы, когда вышедЪ изЪ рукЪ БожіихЪ, другЪ друга увидѣли, сошлись и разговаривали сначала, какЪ братЪ сЪ сестрою. Виргинія была тиха, скромна, откровенна, какЪ Евва; а ПавелЪ подобно Адаму имѣлЪ станЪ человѣка совершеннаго, при младенческой простотѣ.

Находясь иногда сЪ нею одинЪ, (ПавелЪ самЪ послѣ мнѣ это пересказывалЪ,) онЪ говаривалЪ ей по окончаніи своей работы: „Когда я утомлюсь, то видЪ твой „про-

„прогоняетъ мою усталость. Ког-
„да съ верху горы я увижу тебя
„въ долинѣ; то ты кажешься мнѣ
„какъ молодая роза посреди нашихъ
„садовъ. Ежели ты идешь къ
„дому нашихъ матерей, то куро-
„патка, бѣгущая къ своимъ дѣ-
„тямъ, не столько хороша, и не
„такъ легко идетъ, какъ ты. Хо-
„тя я теряю тебя изъ виду между
„деревъ, однакожъ нѣтъ мнѣ нуж-
„ды тебя видѣть, чтобъ найти
„опять; нѣчто отъ тебя, чего я
„изъяснить не могу, остается для
„меня въ воздухѣ, подъ которымъ
„ты идешь, и на травѣ, гдѣ ты
„сидишь. Приближаюсь ли я къ
„тебѣ, ты восхищаешь всѣ мои
„чувства. Лазурь небесъ не столь
„прекрасенъ, какъ голубой цвѣтъ
„твоихъ глазъ; пѣніе бенгалокъ не
„столь пріятно, какъ звукъ тво-
„его голоса. Ежели я прикоснусь
„къ тебѣ, то весь дрожу отъ
„удовольствія. Вспомни тотъ день,
„какъ мы шли по скользкимъ кам-
„нямъ рѣки трехъ Сосцовъ. При-

„шедши къ берегу я уже очень
„усталъ; но какъ взялъ тебя на
„спину; то мнѣ показалось, что
„у меня выросли крылья, какъ у
„птицы. Скажи, какою прелестью
„могла ты очаровать меня. Раз-
„умомъ ли своимъ? Но матери на-
„ши умнѣе насъ обоихъ. Ласками
„ли своими? Но онѣ меня больше
„ласкаютъ, нежели ты. И такъ я
„думаю, что своимъ добродушіемъ.
„Я никогда не забуду, что ты бо-
„сая шла до рѣки Черной, для то-
„го чтобъ испросить пощаду бѣд-
„ной невольницѣ. Возьми, любез-
„ная моя, возьми эту цвѣтущую
„лимонную вѣтвь, которую я сло-
„милъ въ лѣсу. Поставь ее подлѣ
„своей кровати. Съѣшь сіи соты;
„я взялъ ихъ для тебя на верху
„утеса. Но прежде успокойся на
„груди моей, то и я ободрюсь.

Виргинія отвѣчала: „Ахъ! бра-
„тецъ, лучи утренняго солнца,
„освѣщающіе вершины сихъ горъ,
„меньше производятъ во мнѣ радости,
„не-

нежели твое присутствіе. Я лю-
„блю очень свою матушку, люблю
„очень и твою; но когда онѣ на-
„зовутъ тебя: сынъ мой, то лю-
„блю ихъ еще болѣе. Ласки ихъ
„къ тебѣ гораздо для меня чув-
„ствительнѣе, нежели когда ласка-
„ютъ онѣ меня. Ты спрашиваешь,
„для чего ты меня любишь; все,
„что воспитано вмѣстѣ, другъ дру-
„га любитъ. Посмотри на нашихъ
„птицъ: будучи вскормлены въ
„одномъ гнѣздѣ, они любятъ другъ
„друга, какъ и мы. Послушай,
„какъ они перекликаются и от-
„вѣчаютъ другъ другу. Такимъ
„образомъ, когда эхо доноситъ до
„меня пѣсни, которыя ты играешь
„на флейтѣ на верьху горы; то я
„повторяю слова ихъ здѣсь въ
„долинѣ. Особливожъ ты сталъ
„мнѣ милъ съ того времени, какъ
„хотѣлъ за меня биться съ Госпо-
„диномъ той невольницы. Съ то-
„го времени я много разъ говари-
„вала сама себѣ: Ахъ! у братца
„очень доброе сердце; безъ него
„бы

„бы я умерла отъ страху. Всякой день молюсь я Богу за матушку свою, твою, за тебя и бѣдныхъ нашихъ служителей: но когда произношу твое имя; то мнѣ кажется, что благочестіе мое умножается. Я очень усердно прошу Бога, чтобъ не случилось съ тобою какого нещастія! Для чего ходишь ты такъ высоко, и такъ далеко искать для меня цвѣтовъ и плодовъ? Не довольно ли ихъ у насъ въ саду? Посмотри, какъ ты усталъ, ты весь въ поту.„ И послѣ того бѣлымъ платкомъ своимъ она отирала его лице и цѣловала многократно.

Но съ нѣкотораго времени Виргинія почувствовала неизвѣстную ей болѣзнь. Прекрасные голубые глаза ея помрачились, лице пожелтѣло; все тѣло пришло въ великое изнеможеніе. Уже не украшалось чело ея веселостью, ни уста улыбкою. Она дѣлалась вдругъ весела безъ радости, и печальна безъ огорче-

ченія. Убѣгала невинныхъ забавъ своихъ, пріятныхъ трудовъ и общества любезнаго своего семейства. Бродила по уединеннѣйшимъ мѣстамъ своего жилища, ища вездѣ спокойствія, и не находя его нигдѣ. Иногда увидѣвъ Павла, бѣжала она къ нему съ веселіемъ. Но вдругъ, подошедъ къ нему смущалась; щеки ея покрывались живѣйшею краскою, и она боялась взглянуть на него. Павелъ говорилъ ей. „Зелень покрываетъ сіи „горы; птицы поютъ, когда тебя „видятъ. Все весело вокругъ тебя, „одна ты печальна.„ Онъ старался ободрить ее ласками: но она отвращалась, и съ трепетомъ убѣгала къ матери. Нещастную тревожили братнины ласки. Павелъ не понималъ сего новаго и чуднаго для него своенравія. Нещастіе никогда не приходитъ одно.

Одна изъ тѣхъ опасныхъ погодъ, которая опустошаетъ временемъ лежащія между тропиками

ками земли, и здѣсь распространила свою. Это было въ концѣ Декабря, когда солнце вступая въ знакъ козерога, палитъ три недѣли Иль-де-Франсъ прямыми лучами. Юго-восточной вѣтръ, бывающій здѣсь во весь годъ, болѣе не вѣялъ. Вихрь поднималъ по дорогамъ тучи пыли, которыя висѣли въ воздухѣ. Земля вездѣ истрескалась, трава сгорѣла, пламенные пары выходили изъ горъ, и большая часть источниковъ изсякла. Ни одного облака не видно было со стороны моря. Днемъ поднимались только красные пары на его равнинахъ, и казались при захожденіи солнца огненными тучами. Самая ночь не прохлаждала горящей атмосферы. Луна являлась въ красномъ кругѣ чрезмѣрной величины, на туманномъ горизонтѣ. Унылыя стада, лежащія на холмахъ съ протянутыми къ небесамъ шеями, глотая воздухъ наполняли долины печальнымъ ревомъ. Самой пастухъ ложился на землю для прохлаж-

хлажденія; но земля вездѣ горѣла, и по густому воздуху раздавалось только жужжаніе насѣкомыхъ, ищущихъ утолить свою жажду кровію людей и животныхъ.

Въ одну изъ сихъ жаркихъ ночей Виргинія почувствовала умноженіе своей болѣзни. Она вставала, садилась, опять ложилась, и ни въ какомъ положеніи не находила ни сна, ни покою. Наконецъ при лунномъ свѣтѣ идетъ къ своему источнику, которой не взирая на засуху, еще переливалъ сребристыя струйки по темнымъ изгибамъ утеса. Она бросается въ воду. Сначала свѣжесть воды оживляетъ ея чувства, и тысяча пріятныхъ напоминаній представляются ея уму. Она вспомнила, что во время младенчества мать ея и Маргарита купали ее съ Павломъ въ самомъ семъ мѣстѣ; что послѣ того Павелъ, оставивъ его для нее одной, вырылъ его поглубже, усыпалъ дно пескомъ, и посѣялъ по краямъ

ямЪ разныя благовонныя травы. Она усматриваетЪ вЪ водѢ, на обнаженныхЪ рукахЪ и груди, ясныя тѢни кокосовыхЪ деревЪ, посаженныхЪ при ея и братниномЪ рожденіи, и которыя надЪ головой ея сплетали свои зеленыя вѢтви и младые плоды. ВоображаетЪ Павлово дружество, которое кажется ей сладостнѢе благоуханія, чище воды источника, крѢпче двухЪ соединенныхЪ деревЪ, и испускаетЪ вздохЪ. ПомышляетЪ о ночи, о уединеніи; и снѢдающій огонь пожираетЪ ее. Она поспѢшно выходитЪ изЪ воды, устрашась опасныхЪ тѢней, и сихЪ струй, которыя гораздо жарче солнечныхЪ лучей вЪ горячемЪ поясѢ. БѢжитЪ кЪ матери искать противЪ самой себя защиты. Многократно желая изЪяснить ей свои мученія, она жала ея руку; часто хотѢла произнести имя Павла, но стѢсненное сердце ея препятствовало изЪясняться языку, и она положивЪ голову на материнскую грудь, проливала только слезы. Го-

Госпожа де - ла - Туръ очень знала причину ея болѣзни; но не смѣла сказать ей о томъ. „Любезная „дочь, говорила она ей, прибѣгни „къ Богу, располагающему по сво„ей волѣ здоровьемъ и жизнію. „Онъ испытуетъ тебя нынѣ, чтобъ „наградить завтра. Помысли, что „мы живемъ только для того, „чтобъ быть добродѣтельными.„

Между тѣмъ чрезмѣрной жаръ извлекъ изъ океана множество паровъ, которые покрыли весь островъ какъ бы превеликимъ щитомъ. Горы собирали ихъ вокругъ себя, и длинныя полосы огня выходили временно изъ острыхъ верховъ ихъ, покрытыхъ туманомъ. Вскорѣ послышались ужасные громы, въ лѣсахъ, долинахъ и лугахъ; страшной дождь полился съ великимъ стремленіемъ съ небесъ. Пѣнящіеся источники покатились съ этой горы, и внизу здѣлали какъ бы море; площадку, на которой стояли хижины, небольшимъ остро-

вомѣ, а выходѣ изѣ долины плотиною, чрезѣ которую вѣ смѣшеніи катились шумящія воды, земля, деревья и камни.

Все семейство вѣ страхѣ молилось Богу вѣ хижинѣ Госпожи де-ла-Турѣ, на которой кровля трещала ужасно отѣ сильнаго вѣтра. Хотя дверь и ставни были заперты крѣпко, но молнія освѣщала такѣ часто и ясно, что можно было разсмотрѣть всѣ предметы сквозь стѣнныя отверстія. Неустрашимой Павелѣ переходилѣ сѣ Домингомѣ изѣ одной хижины вѣ другую, не взирая на ярость бури; укрѣплялѣ вѣ одномѣ мѣстѣ стѣну подпорами, а вѣ другомѣ вбивалѣ поглубже столбы, и входилѣ вѣ хижину только для того, чтобѣ утѣшить семейство надеждою близкаго возвращенія прекрасной погоды. Вѣ самомѣ дѣлѣ кѣ вечеру дождь престалѣ; пріятной юговосточной вѣтрѣ началѣ дуть по обыкновенію, бурныя тучи понеслись кѣ

сѣ-

сѣверозападу, и заходящее солнце появилось на горизонтѣ.

Виргинія прежде всего пожелала видѣть мѣсто своего отдохновенія. Павелъ подошелъ къ ней съ видомъ робости, и подалъ ей руку, чтобъ проводить ее; она приняла ее съ улыбкою, и они вышли изъ хижины. Воздухъ былъ чистъ и ясенъ: бѣлые пары ходили по вершинамъ горъ, покрытыхъ по мѣстамъ пѣною дождевыхъ ручьевъ, вездѣ уже пересыхавшихъ. Садъ былъ весь разоренъ отъ ужасныхъ наводненій; большая часть плодовитыхъ деревъ лежали вверхъ кореньями; превеликія кучи песку покрывали луга и засыпали Виргиніину баню. Но два кокосовыя дерева стояли на своемъ мѣстѣ и цвѣли съ живостью, хотя вокругъ не было уже ни дерновыхъ лавокъ, ни бесѣдокъ, ни птицъ, выключая нѣсколькихъ бенгалокъ, которыя сидя по краямъ сосѣдственныхъ горъ, оплакивали въ жалобныхъ пѣсняхъ потерю своихъ дѣтей.

При видѣ сего опустошенія Виргинія сказала Павлу: „Ты принесъ „сюда птичекъ, ураганъ умертвилъ „ихъ. Ты развелъ этотъ „садъ, онъ разоренъ теперь. Все „гибнетъ на землѣ; одни только „небеса не подвержены перемѣнѣ.„ Павелъ отвѣчалъ на то: „Для чего „я не могу дать тебѣ чего нибудь „небеснаго! Но я и на землѣ ничего „не имѣю. „Какъ, сказала Виргинія покраснѣвши: „У тебя есть образъ святаго Павла.„ Не успѣла она выговорить того, какъ онъ побѣжалъ за нимъ въ свою хижину. Образъ этотъ представлялъ въ маломъ видѣ пустыннаго Павла. Маргарита имѣла къ нему великую вѣру. Долго она носила его на шеѣ, будучи въ дѣвкахъ; потомъ здѣлавшись матерью отдала его сыну. Случилось, что будучи имъ беременна, и оставлена отъ всего свѣта, она столько смотрѣла на образъ сего блаженнаго пустынника, что сынъ ея родился нѣсколько похожъ на него, почему и назвала

ла она его тѣмъ же именемъ, и препоручила его покровительству святаго, проводившаго жизнь въ отдаленіи отъ людей, ее обманувшихъ, и потомъ оставившихъ. Виргинія принявъ отъ Павла образъ, сказала ему чувствительнымъ голосомъ: „Братецъ, у меня никто его не отниметъ, пока я жива буду, и никогда не выдетъ у меня изъ мыслей, что ты отдалъ мнѣ единую вещь, которую имѣлъ въ свѣтѣ. При семъ дружескомъ изъясненіи, при семъ нечаянномъ возвращеніи ласки и нѣжности, Павелъ хотѣлъ обнять ее; но она ушла отъ него, будучи легка какъ птица, и оставила его внѣ себя отъ изумленія, отъ чегобъ происходили такія странныя поступки!

Между тѣмъ Маргарита говорила Госпожѣ де-ла-Туръ: „Для „чего не женимъ мы своихъ дѣтей? „Они очень другъ друга любятъ; „сынъ мой этого еще не примѣ„чаетъ. Но когда начнетъ гово-

„рить природа; тогда уже поздо „смотрѣть за ними.„ Госпожа де-ла-Туръ отвѣтствовала ей: „Они „очень еще молоди, а притомъ и „бѣдны. Какое было бы для насъ „огорченіе, когдабъ Виргинія про„извела на свѣтъ нещастныхъ дѣ„тей, коихъ бы можетъ быть вос„питать была не въ силахъ! Твой „черной Домингъ уже старъ; Марья „дряхла. Я сама, любезной другъ, „въ теченіе четырнадцати лѣтъ „очень ослабѣла. Люди скоро ста„рѣются въ теплыхъ странахъ, а „еще скорѣе въ печали. Павелъ со„ставляетъ единственную нашу „надежду. Подождемъ до тѣхъ „поръ, пока онъ соберется съ си„лами, и будетъ въ состояніи насъ „содержать своею работою. Ты „знаешь, что мы не имѣемъ те„перь, кромѣ самаго нужнаго. Что „естьлибъ мы отправили Павла на „нѣсколько времени въ Индію? „Торговля доставитъ ему способъ „купить невольника, и когда онъ „возвратится, то мы женимъ его

„ на

„на Виргиніи; ибо я увѣрена, что „никто мою любезную дочь не мо„жетъ здѣлать столь щастливою, „какъ сынъ твой Павелъ. Поговоримъ объ этомъ съ нашимъ со„сѣдомъ.„

Они и въ самомъ дѣлѣ потребовали отъ меня совѣта; я былъ тогоже мнѣнія. „Индѣйскія моря „тихи, сказалъ я имъ; выбравъ „способное къ ѣздѣ время можно „поспѣть въ шесть недѣль въ Ин„дію, и во столькожъ времени на„задъ возвратиться. Намъ стоитъ „только собрать для Павла нѣ„сколько товаровъ, а въ этомъ „также кажется не можетъ быть „затрудненія; потому что мои со„сѣди очень его любятъ. Мы да„димъ ему необработанной хлоп„чатой бумаги, которой не упо„требляемъ за неимѣніемъ мель„ницъ для ея очищенія; дадимъ „гебенова дерева, котораго здѣсь „такъ много, что имъ топятъ „печи, и нѣсколько смолы, попу-

„сту пропадающей вЪ нашихЪ лѣ-
„сахЪ; все это можно продать сЪ
„выгодою вЪ Индіи, хотя оно
„здѣсь и очень для насЪ безполезно.„

Я взялся испросить у Г. де-ла-Бурдоне позволеніе на сіе путешествіе, а между тѣмЪ вздумалЪ напередЪ переговорить о томЪ сЪ ПавломЪ; но какЪ я удивился, когда сей молодой человѣкЪ сказалЪ мнѣ сЪ благоразуміемЪ, превышающимЪ его лѣта! „Для чего
„хотите вы, чтобЪ я оставилЪ
„свое семейство, оставилЪ сЪ на-
„мѣреніемЪ обогатиться, котора-
„го я не понимаю? Есть ли какая
„торговля вЪ свѣтѣ выгоднѣе об-
„работыванія поля, возвращающаго
„иногда одно зерно сторицею?
„Ежели ужЪ надобно торговать
„намЪ, то не можемЪ ли мы от-
„носить своихЪ избытковЪ вЪ го-
„родЪ; за чѣмЪ же мнѣ ѣхать вЪ
„Индію? Матери наши говорятЪ,
„что ДомингЪ старЪ и слабЪ: но
„я молодЪ, и каждой день ста-

„но-

„ новлюсь сильнѣе. Во время моего
„ отсутствія можетъ случиться съ
„ ними какое нибудь нещастіе, а
„ особливо съ Виргиніею, которая
„ и такъ уже страждетъ. О нѣтъ,
„ нѣтъ! я не могу разстаться съ
„ ними.„

Отвѣтъ его привелъ меня въ великое замѣшательство; потому что Госпожа де-ла-Туръ не скрыла отъ меня состоянія Виргиніи, и что желала бы удалить на нѣсколько времени другъ отъ друга сихъ молодыхъ людей. Но какъ сказать о томъ Павлу, или заставить его по крайней мѣрѣ догадываться?

Въ сіе самое время съ прибывшимъ изъ Франціи кораблемъ Госпожа де-ла-Туръ получила письмо отъ своей тетки. Ужасъ смерти, безъ котораго жестокія сердца остались бы навсегда нечувствительны, поразилъ и сію немилосердую сродницу. Она занемогла опасно,

и хотя освободилась отъ своей болѣзни, однакожъ пришла въ слабость, которую старость дѣлала неизлечимою. Она писала, чтобъ племянница ея возвратилась во Францію; или естьли слабость ея здоровья не позволяетъ ей самой предпринять столь дальняго путешествія, то прислала бы къ ней Виргинію, которой она обѣщала дать хорошее воспитаніе, выдать ее за мужъ за придворнаго и зделать своею наслѣдницею. Къ сему присовокупила она, что возвращеніе своихъ милостей основываетъ на повиновеніи ея приказанію.

Едва письмо сіе прочтено было въ семействѣ, какъ овладѣло всѣми жестокое уныніе. Домингъ и Марья заливались слезами. Павелъ, онѣмѣвъ отъ удивленія, казалось началъ сердиться. Виргинія, устремивъ глаза на мать свою, не смѣла произнести ни слова. „Такъ ты „и оставишь насъ, сказала Маргарита Госпожѣ де-ла-Туръ? Нѣтъ, „другъ

„ другъ мой, нѣтъ, дѣти мои, отвѣчала она, я васъ не оставлю. Я „ жила съ вами, съ вами и умереть хочу. Никогда я не была „ столь щастлива, какъ пользуясь „ вашимъ дружествомъ. Ежели мое „ здоровье ослабѣло, то этому причиною прежнія огорченія. Немилосердіе моихъ родственниковъ и „ лишеніе любезнаго мнѣ супруга „ жестоко поразили мое сердце. Но „ послѣ того я вкушала болѣе „ утѣшенія и блаженства въ бѣдныхъ сихъ хижинахъ, нежели „ сколько обѣщало мнѣ богатство „ посреди моей фамиліи въ нѣдрахъ отечества.„

При сихъ словахъ полились у всѣхъ радостныя изъ глазъ слезы. Павелъ, обнявъ Госпожу де-ла-Туръ, сказалъ ей: „И я васъ не оставлю, „ не поѣду въ Индію. Мы всѣ будемъ трудиться для васъ, матушка; и вы ни въ чемъ не будете имѣть нужды съ нами.„ Но изъ всего общества оказывала мень-

меньше радости Виргинія, хотя и была къ оной чувствительнѣе другихъ. По крайней мѣрѣ она успокоилась, а возвращеніе ея спокойствія умножило всеобщее удовольствіе.

На другой день, при восхожденіи солнца, какъ они по обыкновенію своему окончали утреннюю молитву передъ завтракомъ; то Домингъ сказалъ имъ, что какой-то Господинъ, ѣдущій верхомъ съ двумя невольниками, приближается къ ихъ жилищу. Это былъ Г. де-ла-Бурдоне. Онъ вошелъ въ хижину, гдѣ всѣ сидѣли за столомъ. Виргинія подавала, по здѣшнему обычаю, кофе и сарачинское пшено, вареное въ водѣ. Она присовокупила къ тому горячіе пататы, и свѣжіе бананы. Вмѣсто посуды служили половинки калебасовъ, а вмѣсто бѣлья банановые листья. Губернаторъ сначала очень удивился бѣдности сего жилища; но по томъ обратясь къ Госпожѣ де-

де-ла-Туръ, сказалъ ей, что общественныя дѣла иногда препятствуютъ ему думать о частныхъ; что теперь однакожъ онъ долженъ войти въ ея обстоятельства. „У васъ „сударыня, присовокупилъ онъ, „есть въ Парижѣ богатая и знат„ная тетка; которая ожидаетъ „васъ къ себѣ, чтобъ отдать вамъ „свое имѣніе.„ Госпожа де-ла-Туръ отвѣчала ему, что слабость ея здоровья не позволяетъ ей предпринять столь дальняго путешествія. По крайней мѣрѣ, сказалъ Г. де-ла-Бурдоне, вы поступите несправедливо, естьли захотите лишить любезную дочь вашу столь великаго наслѣдства. Я не скрою отъ васъ, что ваша тетушка воспользовалась законною властію, чтобъ ее къ ней прислали. Изъ судебныхъ мѣстъ ко мнѣ пишутъ, чтобъ я употребилъ, ежели будетъ надобно, всю мою силу; но я не иначе ее употребляю, какъ только къ щастію жителей здѣшняго селенія, и ожидаю отъ вашей един-

единственно воли пожертвованія нѣсколькими годами, отъ коихъ зависитъ благополучіе вашей дочери, и собственное ваше благосостояніе. За чѣмъ люди пріѣжжаютъ на острова? Не для того ли, чтобъ обогатиться? Не гораздо ли еще пріятнѣе пользоваться щастіемъ въ своемъ отечествѣ?

Выговоривъ сіи слова, онъ положилъ на столъ большой мѣшокъ наполненной піастрами, которой привезъ за нимъ невольникъ. Вотъ, продолжалъ онъ, деньги опредѣленныя вашею тетушкою на пріуготовленія къ пути вашей дочери. Наконецъ онъ выговаривалъ съ ласкою Госпожѣ де-ла-Туръ, что она не прибѣгла къ нему въ своихъ нуждахъ, хвалилъ однакожъ благородное ея мужество. Павелъ тотчасъ подхватилъ тутъ, и сказалъ Губернатору: „Государь мой, матушка приходила къ вамъ съ „прозьбою, но вы ее дурно приняли. Такъ у васъ есть еще дѣти

„ти, сударыня, спросилЪ Г. де-„ла-Бурдоне у Госпожи де-ла-ТурЪ? НѣтЪ, сударь, отвѣчала она: это сынЪ моей пріятельницы; но онЪ и Виргинія для насЪ равно любезны. „Молодой человѣкЪ! когда ты узнаешь свѣтЪ, сказалЪ ГубернаторЪ Павлу, тогда „узнаешь и нещастіе людей, обязан-„ныхЪ должностію; ты узнаешь, „сколь легко обмануть ихЪ, и „сколь часто отдаютЪ они ковар-„ному пороку то, что принадле-„житЪ сокровенному достоинству.„

Г. де-ла-Бурдоне сѣлЪ по приглашенію Госпожи де-ла-ТурЪ за столЪ сЪ нею. ОнЪ ѣлЪ по обыкновенію КреоловЪ кофе, смѣшанной сЪ сарачинскимЪ пшеномЪ, свареннымЪ вЪ водѣ. Любовался порядкомЪ и чистотою вЪ малой сей хижинѣ, согласіемЪ двухЪ прелестныхЪ семействЪ, и усердіемЪ старыхЪ служителей. „Здѣсь нѣтЪ, „сказалЪ онЪ, кромѣ деревянныхЪ „домашнихЪ уборовЪ: но есть ве-

„се-

„ селыя лица и золотыя сердца.„ Павелъ, будучи очень доволенъ простымъ обхожденіемъ Губернатора, сказалъ ему: Я хочу быть вашимъ другомъ, потому что вы честной человѣкъ. Г. де-ла-Бурдоне принялъ съ удовольствіемъ сей знакъ простосердечной ласки. Онъ обнялъ Павла, пожалъ у него руку, и сказалъ ему, что онъ и на его дружество положиться можетъ.

Послѣ завтрака отвелъ онъ Госпожу де-ла-Туръ въ сторону, и сказалъ ей, что есть случай отправить дочь ея во Францію; что онъ препоручитъ ее одной Госпожѣ изъ своихъ родственницъ, которая скоро поѣдетъ, и что никакъ не должно жертвовать столь великимъ богатствомъ удовольствію провести нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ. Тетка ваша, присовокупилъ онъ, при прощаніи, не можетъ прожить болѣе двухъ лѣтъ. Самые пріятели ея о томъ пишутъ. Подумайте объ этомъ. Щастіе не всякой

денъ

день приходитЪ. ПосовѢтуйтесь. ВсѢ благоразумные люди будутЪ вЪ томЪ со мною согласны. Она отвѢтствовала ему, что не желая болѢе никакого щастія вЪ свѢтѢ, кромѢ щастія своей дочери, полагается вЪ отЪѢздѢ ея во Францію совершенно на его волю.

ГоспожѢ де-ла-ТурЪ и вЪ самомЪ дѢлѢ не противно было, что нашла случай разлучить на нѢсколько времени Виргинію сЪ ПавломЪ, дабы доставить имЪ нѢкогда общее благополучіе. Она изЪяснилась о томЪ наединѢ сЪ дочерью. „Любезная дочь, говорила „она, служители наши стары, а „ПавелЪ очень еще молодЪ. Маргарита также вЪ лѢтахЪ, я сама „нездорова; естьли я умру, то „что сЪ тобою будетЪ, вЪ такой „бѢдности, посреди этихЪ пустынь? Ты останешься одна, не „имѢя никого, кто бы помогЪ тебѢ „вЪ нуждѢ, и будешь по неволѢ для

„ своего содержанія обработывать „ землю, какъ раба. Эта мысль терзаетъ мое сердце.„ Виргинія отвѣчала ей: „ Богъ опредѣлилъ насъ „ къ трудамъ. Вы научили меня „ работать, и благословлять все„ дневно его десницу. Онъ не ос„ тавилъ насъ до сего времени, „ и не оставитъ впредь. Про„ видѣніе особливо печется о не„ щастныхъ. Вы мнѣ сказывали „ это многократно, матушка! я „ не могу рѣшиться васъ оставить.„ Госпожа де-ла-Туръ сжалившись, присовокупила: „Мое намѣреніе кло„ нится единственно къ тому, „ чтобъ здѣлать тебя щастливою, „ и соединить нѣкогда съ Павломъ, „ которой не братъ тебѣ. Пред„ ставь теперь, что его щастіе за„ виситъ отъ тебя.„

Молодая влюбленная дѣвушка думаетъ, что никто о томъ не знаетъ. Она покрываетъ глаза тоюже завѣсою, которую имѣетъ на сердцѣ: но когда завѣса сія подни-

нимается дружескою рукою, тогда сокровенное мученіе любви отворяетъ себѣ широкой путь, и пріятное изліяніе довѣренности заступаетъ мѣсто принужденія и скрытности. Виргинія, будучи чувствительна къ новымъ знакамъ материнской нѣжности, разсказала ей, сколько боролась сама съ собою, имѣя притомъ свидѣтелемъ одного Бога; что видитъ теперь его одобреніе; потому что ея склонность одобряетъ мать, горячо ее любящая и подающая благіе совѣты; что однакожъ при совершенномъ на него уповаміи, все обязываетъ ее остаться съ нею, не безпокоиться о настоящемъ и не страшиться будущаго.

Госпожа де-ла-Туръ видя, что довѣренность ея произвела дѣйствіе совсѣмъ противное тому, котораго она ожидала, сказала дочери: „Я не хочу принуждать тебя, „разсуждай по своей волѣ, но скрывай любовь отъ Павла. Когда уже

„ дѣвушка отдала сердце, то лю„бовнику ея не чего больше требо„вать.„ ПодЪ вечерЪ, когда она сЪ Виргиніею была одна, вошелЪ кЪ ней человѣкЪ большаго росту вЪ голубой рясѣ. Это былЪ МиссіонерЪ нашего острова, и духовникЪ Госпожи де-ла-ТурЪ сЪ дочерью. Его прислалЪ ГубернаторЪ. „Дѣти мои, „ сказалЪ онЪ при входѣ, слава „ Богу! вы теперь богаты. Вы мо„жете слѣдовать внушеніямЪ ваше„го сердца, и дѣлать добро бѣд„нымЪ. Я знаю, о чемЪ говорилЪ „ сЪ вами Г. де-ла-Бурдоне, и что „ вы ему отвѣчали. Ты, добрая „ мать, вЪ разсужденіи слабости „ здоровья, можешь здѣсь остаться; „ но тебѣ, дѣвушка молодая, не на„добно отговариваться. Должно „ повиноваться Провидѣнію и ста„рымЪ родственникамЪ, хотябЪ „ они были и несправедливы. Это „ жертва, но при томЪ есть на то и „ воля Божія. ОнЪ жертвовалЪ намЪ „ собою; мы должны, слѣдуя его при„мѣру, жертвовать равномѣрно сво-

„ ему

„ему семейству. Твое путешествіе „во Францію увѣнчается щастливымъ успѣхомъ. Имѣешь ли „ты желаніе туда ѣхать, моя любезная?„

Виргинія потупя глаза, отвѣчала ему съ трепетомъ: „Когда „есть на то воля Божія, то я не „противлюсь ей. Да исполнится „она„, присовокупила нещастная, проливая слезы!

Миссіонеръ удалился, и пошелъ дать отчетъ Губернатору въ успѣхѣ ему порученнаго дѣла. Между тѣмъ Госпожа де-ла-Туръ послала Доминга за мною, чтобъ посовѣтоваться объ отъѣздѣ Виргиніи. Мое мнѣніе было не отпускать ея; потому что я принялъ за правило, что можно быть щастливымъ, предпочитая выгоды природы всѣмъ выгодамъ, происходящимъ отъ богатства, и что мы не должны искать того внѣ себя, что можемъ найти въ са-

михъ себѣ. Я распространяю это правило на все безъ исключенія. Но что могли здѣлать мои умѣренные совѣты противъ мечтанія о великомъ богатствѣ, и натуральныя мои разсужденія противъ предразсудковъ свѣта и власти, священной для Госпожи де-ла Туръ? Сія женщина требовала отъ меня совѣта изъ одной благопристойности, и не думала ни о чемъ больше послѣ рѣшенія своего духовника. Самая Маргарита, которая не взирая на выгоды, коихъ могла ожидать для своего сына отъ богатства Виргиніи, прежде всѣми силами противилась ея отъѣзду, теперь не дѣлала никакихъ возраженій. Павелъ, не зная чѣмъ это кончится, удивлялся тайнымъ переговорамъ Госпожи де-ла-Туръ съ ея дочерью, и погружался въ мрачное уныніе. „Вѣрно дѣлаютъ противъ меня заговоръ, восклицалъ „онъ; потому что отъ меня скрываются.„

Ме-

Между тѣмъ какъ скоро пронесся слухъ по острову, что богатство посѣтило сіи утесы; то собрались сюда купцы всякаго роду. Они разложили посреди бѣдныхъ хижинъ самыя богатыя Индѣйскія матеріи, прекрасные Гонделурскіе канифасы, Паліакатскіе и Мазулипатанскіе платки, Дамасскія кисеи, гладкія, полосатыя, шитыя, самыя тонкія, и Суратскія бѣлыя бафты, со штофами всякихъ цвѣтовъ. Они развертывали богатыя Китайскія ткани, камки бѣлыя съ атласными травами, другія зеленаго цвѣту луговъ и лучшаго алаго цвѣту; розовыя тафты, толстые атласы, пекины мягкіе какъ сукно, бѣлой и желтой нанкингъ и Мадагаскарскія полотна.

Госпожа де-ла-Туръ позволила купить дочери все, что ей покажется; а сама наблюдала только доброту товаровъ и ихъ цѣну, дабы купцы ее не обманули. Виргинiяжъ выбирала только то, что было, по ея мнѣнію, пріятно для матери, для

Маргариты и ея сына. „Это, го„ворила она, хорошо для домаш„нихъ уборовъ, а это для Марьи „и Доминга.„ Наконецъ мѣшокъ „піастровъ былъ истраченъ, а она еще и не помыслила о самой себѣ. Надобно было возвратить ей часть изъ подарковъ, данныхъ ею всему обществу.

Павелъ, чрезмѣрно огорчаясь при видѣ сихъ даровъ щастія, которые предвѣщали ему отъѣздъ Виргиніинъ, чрезъ нѣсколько дней пришелъ въ мою хижину. Онъ сказалъ мнѣ съ унылымъ видомъ: „Сестрица уѣжжаетъ; она дѣла„етъ уже приготовленія къ пути. „Прошу васъ, подите къ намъ. „Употребите власть свою надъ ея „матерью и моею, чтобъ ее удер„жать?„ Я исполнилъ Павлову прозьбу, хотя и былъ очень увѣренъ, что мои представленія не подѣйствуютъ.

Естьли Виргинія казалась мнѣ прелестною въ голубой Бенгальской

на-

набойкѣ, и повязанная краснымъ платкомъ; то вдвое показалась такою, когда увидѣлъ я ее одѣтую такъ, какъ здѣсь одѣваются Госпожи. На ней было платье бѣлое кисейное на розовой тафтѣ. Стройной и легкой станъ ея совершенно былъ видѣнъ въ новомъ корсетѣ, а русые волосы, будучи убраны, отмѣнно украшали ея голову. Въ прекрасныхъ голубыхъ глазахъ изображалась меланхолія, волнуемоежъ раздраженною страстію сердце разливало по лицу живѣйшій цвѣтъ. Самая несходственность щегольской ея одежды, которую казалось надѣла она противъ воли, съ тѣмъ, что она внутренно чувствовала, придавала тѣмъ поразительнѣйшій видъ ея унынію. Никто не могъ взглянуть на нее, или слышать ея голосъ безъ почувствованія сильной горести. Но Павлова печаль выходила изъ предѣловъ. Маргарита, огорчаясь положеніемъ своего сына, сказала ему наединѣ: „За чѣмъ, любезной сынъ, оболь-

„щаешься ты суетною надеждою,
„которая лишеніе вещи дѣлаетъ
„горчайшимъ? Время уже открыть
„тебѣ тайну твоей и моей жизни.
„Дѣвица де-ла-Туръ въ свойствѣ
„по матери съ богатою и знатною родственницею; а ты, ты
„сынъ бѣдной крестьянки, и что
„еще хуже, ты сынъ незаконный.

Слово незаконный очень удивило Павла; онъ никогда его не слыхивалъ, и потому спросилъ у матери, что оно значитъ? Она отвѣчала ему: „У тебя не было законнаго отца. Когда я была
„въ дѣвкахъ; то любовь довела
„меня до слабости, которой ты
„былъ плодомъ. Проступокъ мой
„лишилъ тебя отцовскаго семейства, а раскаяніе мое семейства
„материнскаго. Нещастной! у тебя нѣтъ другихъ родственниковъ
„въ свѣтѣ, кромѣ одной меня!„
и тутъ залилась она слезами. Павелъ обнявъ ее, сказалъ: „О! матушка, естьли нѣтъ у меня других

„ гихѣ родственниковѣ въ свѣтѣ,
„ то тѣмъ больше я буду любить
„ васъ. Но какую вы мнѣ открыли тайну! Теперь я вижу причину, для чего Виргинія мѣсяца съ два меня убѣгаетъ, и для чего теперь ѣдетъ. Ахъ! безъ сомнѣнія она гнушается мною!

Между тѣмъ наступило время ужина; всѣ сѣли за столъ, но каждой изъ присутствующихъ, будучи волнуемъ разными страстями, ничего не говорилъ и ѣлъ мало. Виргинія встала первая, и пришедши на это мѣсто, гдѣ мы теперь, сѣла. Павелъ скоро слѣдовалъ за нею, и сѣлъ подлѣ нее. Оба хранили нѣсколько времени глубокое молчаніе. Въ то время была одна изъ тѣхъ пріятныхъ ночей, обыкновенныхъ между тропиками, которыхъ красоты искуснѣйшая кисть изобразить не можетъ. Луна являлась посреди тверди, окруженная облачными завѣсами, кои разгонялись

лись постепенно ея лучами. Свѣтъ ея изливался нечувствительно на горы, острова и ихъ скалы, блиставшіе въ серебряной зелени. Вѣтры удерживали свое дыханіе. Въ лѣсахъ, въ долинахъ и на верху утесовъ слышанъ былъ тихой шумъ, и пріятное щебетаніе птицъ, ласкающихъ другъ друга въ своихъ гнѣздахъ, и веселящихся свѣтлостію ночи и тишиною воздуха. Насѣкомыя жужжали между травою; звѣзды сверкали на небѣ и отливались въ нѣдрахъ моря, изображавшаго вторично трепещущій видъ ихъ. Виргинія смотрѣла въ задумчивости на обширной и мрачной горизонтъ, отдѣленной отъ береговъ острова красными огнями рыбаковъ; въ пристани она увидѣла свѣтъ и тѣнь. То былъ фонарь и корабль, на которомъ надлежало ей отправиться въ Европу, и которой совсѣмъ изготовясь къ поднятію парусовъ, ожидалъ на якорѣ попутнаго вѣтра. При семъ видѣ она смy-

смутилась, и отвернулась въ сторону, дабы скрыть отъ Павла свои слезы.

Госпожа де-ла-Туръ, Маргарита, и я сидѣли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ подъ бананами; и при тишинѣ ночной слышали явственно ихъ разговоръ, котораго я никогда не позабуду. Павелъ говорилъ ей: „Сказываютъ, что вы „чрезъ три дни ѣдете, сударыня. „Вы не страшитесь подвергнуться „морскимъ опасностямъ. . . . Не „страшитесь моря, котораго пре„жде такъ боялись! „Я должна, „отвѣчала Виргинія, повиноваться „своимъ родственникамъ и своему „долгу.„ Ты насъ оставляешь, при„совокупилъ Павелъ, для дальней „родственницы, которой никогда „не видала!„ Увы! сказала Вирги„нія, я хотѣла бы остаться здѣсь „на всю мою жизнь; но матушка „того не хочетъ. Мой духовникъ „сказалъ, что такъ угодно Богу, „чтобъ я ѣхала; что наша жизнь

„есть

„ есть опытЪ. . . О! это весьма
„ жестокой опытЪ!„

„ КакЪ, прервалЪ ПавелЪ, столь-
„ ко причинЪ тебя убѣдили, а ни
„ одна не удержала! АхЪ, есть еще
„ причина, которой ты не сказы-
„ ваешь. Богатство очень привле-
„ кательно. Ты скоро найдешь вЪ
„ новомЪ свѣтѣ, кого называть бра-
„ томЪ; этого имени ты уже не
„ даешь мнѣ. Ты выберешь себѣ
„ брата между людьми тебя до-
„ стойными, по происхожденію и
„ богатству, котораго я тебѣ дать
„ не могу. Но чтобЪ быть ща-
„ стливѣе, куда ты поѣдешь? КЪ
„ какой пристанешь землѣ, которая
„ была бы тебѣ любезнѣе той, гдѣ
„ ты родилась? Гдѣ найдешь об-
„ щество пріятнѣе того, которое
„ тебя любитЪ? КакЪ будешь жить
„ безЪ ласкЪ матери, кЪ которымЪ
„ ты привыкла? Что будетЪ чув-
„ ствовать она сама, будучи уже
„ вЪ лѣтахЪ, когда не увидитЪ
„ тебя сЪ собою, ни за столомЪ,

„ ни

„ни въ домѣ, ни во время прогу-
„локъ, при коихъ о тебя опира-
„лась? Что будетъ съ моею ма-
„терью, которая столькожъ те-
„бя любитъ? Что скажу я имъ
„обѣимъ, когда увижу ихъ пла-
„чущихъ о твоемъ отсутствіи?
„Жестокая! я не говорю уже о се-
„бѣ: но что со мною будетъ, ко-
„гда я поутру не найду тебя съ
„нами, и когда ночь придетъ, а мы
„не будемъ вмѣстѣ; когда пойду къ
„двумъ кокосовымъ деревамъ, по-
„саженнымъ при нашемъ рожденіи
„и бывшимъ столь долго свидѣтеля-
„ми взаимной любви нашей? Ахъ!
„ежели прельщаетъ тебя новая
„участь; ежели ты ищешь другой
„земли, не той, въ которой ты
„родилась; другаго богатства, не-
„происходящаго отъ моихъ тру-
„довъ; то позволь мнѣ ѣхать съ
„собою на томъ кораблѣ, на ко-
„торомъ сама поѣдешь. Я буду
„ободрять тебя при буряхъ, ко-
„ихъ ты боишься на твердой зе-
„млѣ: ты будешь покоиться на

„гру-

„груди моей; я буду согрѣвать
„ тебя своимъ сердцемъ; а во
„ Франціи, куда ѣдешь ты искать
„ богатства и знатности, буду слу-
„ жить тебѣ какъ невольникъ. Я
„ буду щастливъ твоимъ щастіемъ;
„ въ великолѣпныхъ домахъ, гдѣ
„ увижу, что всѣ будутъ чтить и
„ обожать тебя, я почту себя до-
„ вольно богатымъ и благород-
„ нымъ, когда принесу тебѣ вели-
„ чайшую жертву, когда умру у
„ ногъ твоихъ. „

Отъ сильнаго рыданія не могъ онъ говорить больше, и мы услышали вскорѣ голосъ Виргиніи, которая сказала ему сіи слова, прерываемыя вздохами. . . . „Я ѣду
„ для тебя. . . для тебя, котораго
„ всякой день видала въ тяжкихъ
„ трудахъ, дабы пропитать два
„ слабыя семейства. Естьли я
„ согласилась здѣлаться богатою;
„ то для того, чтобъ воздать те-
„ бѣ стократно за добро намъ
„ здѣланное. Можно ли что пред-

„ по-

„ почесть твоему дружеству? Ты „ говоришь о своемъ происхожденіи? „ Ахъ! естьлибъ мнѣ можно было „ избрать себѣ еще брата, то выбе- „ ру ли я другаго, кромѣ тебя? О „ Павелъ! Павелъ! ты мнѣ гораздо „ милѣе брата! Сколь дорого сто- „ ило мнѣ убѣгать тебя! Я бы же- „ лала, чтобъ ты помогъ мнѣ раз- „ лучить меня съ самой собою до то- „ го времени, какъ небеса благосло- „ вятъ союзъ нашъ. Но теперь я „ остаюсь, я ѣду, живу, умираю; „ дѣлай со мною, что тебѣ угодно. „ Малодушная! я могла противить- „ ся твоимъ ласкамъ, но не могу „ снести твоей горести!„

При сихъ словахъ, Павелъ обнявъ ее, и прижавши къ себѣ крѣпко, вскричалъ страшнымъ голосомъ: „Я ѣду; ничто въ свѣтѣ не „ разлучитъ меня съ нею.„ Мы всѣ побѣжали къ нему. Госпожа де-ла-Туръ стала уговаривать его, и сказала ему: „Сынъ мой, ежели „ ты насъ оставишь, то что съ „ нами будетъ?„

Онъ съ трепетомъ повторилъ сіи слова: „Сынъ мой. . . . сынъ! „. . . Ты мнѣ мать, сказалъ онъ „ей, ты, которая разлучаешь сес- „тру съ братомъ? Мы оба пита- „лись твоею грудью; оба воспита- „ны на рукахъ твоихъ, отъ тебя „научились любить другъ друга, „и стократно то изъясняли другъ „другу. А теперь ты удаляешь „ее отъ меня! Посылаешь въ Ев- „ропу, въ эту свирѣпую страну, „не давшую тебѣ убѣжища, къ „жестокосердымъ родственникамъ, „которые тебя оставили! Ты ска- „жешь мнѣ, что я не имѣю на „нее никакого права, что она не „сестра мнѣ. Но она составляетъ „для меня все мое богатство, „мое семейство, родъ и все иму- „щество. Мы жили съ нею подъ „одною кровлею, спали въ одной „колыбели, и будемъ покоиться „въ одномъ гробѣ. Ежели она по- „ѣдетъ, то и я ѣду. Губерна- „торъ мнѣ того не позволитъ? „Но можетъ ли онъ воспрепят-

„ство-

„ствовать мнѣ броситься въ море?
„ Я буду плыть за нею. Море не
„ можетъ быть для меня страш-
„ нѣе земли. Когда не льзя мнѣ
„ жить здѣсь съ Виргиніею; то по
„ крайней мѣрѣ я умру въ ея гла-
„ захъ, въ отдаленіи отъ тебя.
„ Жестокосердая и нежалостливая
„ мать! Да не возвратитъ тебѣ ее
„ никогда Океанъ сей, котораго
„ ярости ты ее подвергаешь! да
„ принесутъ тебѣ сіи волны тѣло
„ мое, и примчавъ его вмѣстѣ съ
„ нею по камнямъ сихъ береговъ,
„ представятъ тебѣ въ потерѣ
„ двухъ дѣтей предметъ вѣчной
„ горести!„

При сихъ словахъ я схватилъ его въ свои объятія, потому что отчаяніе лишило его разсудка. Глаза его сверкали; потъ ручьями текъ по разгорѣвшемуся лицу его; колѣни тряслись; я чувствовалъ, какъ билось сердце въ пылающей груди его.

Виргинія устрашенная тѣмъ, сказала ему: „Другъ мой! клянусь „тебѣ утѣхами первыхъ нашихъ „лѣтъ, твоими и моими бѣд- „ствіями и всѣмъ тѣмъ, что дол- „жно соединить навсегда двухъ „нещастныхъ; что естьли оста- „нусь здѣсь, то буду жить толь- „ко для тебя; естьли поѣду, то „возвращусь нѣкогда, чтобъ быть „твоею. Свидѣтельствуюсь въ томъ „вами, которыя воспитывали меня, „располагаете моею жизнію, и „видите мои слезы. Клянусь „небомъ, которое внемлетъ мнѣ, „симъ моремъ, по которому я „должна плыть, воздухомъ, ко- „торымъ я дышу, и котораго ни- „когда не оскверняла ложью.„

Подобно какъ солнце растопляетъ и свергаетъ глыбы льду съ вершины Аппенинскихъ горъ, такъ изчезло неистовство сего юноши при гласѣ любимаго предмета. Гордое чело его наклонилось, и источникъ слезъ полился изъ глазъ его.

его. Мать его проливая также слезы заключила его въ объятія, не могши произнесть ни слова. Госпожа де-ла-Туръ будучи внѣ себя, сказала мнѣ: „Я этого не снесу, „ сердце мое раздирается. Это не„щастное путешествіе не свершит„ся. Доброй сосѣдъ, постарайся „увести моего сына. Уже восемь „дней, какъ никто здѣсь не спалъ.

Я сказалъ Павлу: „Другъ мой, „сестра твоя останется. Завтра „мы поговоримъ о томъ съ Гу„бернаторомъ; дай покой своему „семейству и поди ночевать ко „мнѣ. Уже полночь.

Онъ далъ себя вести, не говоря ни слова, и послѣ безпокойной ночи всталъ на разсвѣтѣ и возвратился въ свое жилище.

Но какая нужда продолжать далѣе эту повѣсть? Всегда только одна сторона бываетъ въ жизни человѣческой пріятна. Подобно ша-

ру, на которомъ мы обращаемся, нашъ быстрой оборотъ продолжается одинъ только день, и часть дня сего не можетъ быть освѣщаема безъ того, чтобъ другая не была во մракѣ.

Отецъ мой, сказалъ я ему, прошу васъ, здѣлайте милость окончайте повѣсть, которой начало столь чувствительно. Картины щастія намъ нравятся, но изъ картинъ нещастія почерпаемъ мы полезные уроки. Скажите пожалуйте, что здѣлалось съ нещастнымъ Павломъ?

Первой предметъ, которой увидѣлъ Павелъ при возвращеніи домой, была Нигритянка Марья, которая взошедъ на гору, смотрѣла на открытое море. Онъ закричалъ ей издали, какъ только увидѣлъ: „Гдѣ Виргинія!„ Марья оборотясь къ молодому своему господину начала плакать. Павелъ будучи внѣ себя, побѣжалъ къ пристани. Онъ уз-

узналъ тамъ, что Виргинія сѣла на корабль при разсвѣтѣ, и что онъ тотчасъ отправился, такъ что теперь его уже не видно. Павелъ возвратился въ свое жилище, и прошелъ чрезъ него, не сказавъ ни кому ни слова.

Хотя эта округа утесовъ кажется позади насъ почти прямою, но зеленыя площадки, раздѣляющія вышину оныхъ суть ступени, по которымъ можно дойти, посредствомъ нѣсколькихъ трудныхъ стезей, до самой подошвы сего между утесами наклоненнаго и неприступнаго конуса, которой называется *большимъ пальцомъ*. При основаніи его есть равнина, покрытая большими деревьями, но столь высокая и крутая, что кажется большимъ лѣсомъ на воздухѣ, окруженнымъ ужасными пропастями. Облака, привлекаемыя безпрестанно вершиною большаго пальца, питаютъ тамъ множество ручейковъ, которые такъ

глубоко падаютЪ на дно долины, находящейся по ту сторону горы, что сЪ высоты не слышно шума ихЪ паденія. Отсюда видна большая часть острова сЪ горами и ихЪ вершинами, между прочими ПитерботЪ и три Сосца сЪ принадлежащими кЪ нимЪ лѣсистыми долинами; потомЪ открытое море и островЪ БурбонЪ, находящійся вЪ сорока миляхЪ отсюда кЪ западу. СЪ сей-то высоты увидѣлЪ ПавелЪ корабль, на которомЪ плыла Виргинія. ОнЪ видѣлЪ его болѣе, нежели вЪ десяти миляхЪ отЪ себя, какЪ черную точку среди обширнаго океана. ОнЪ провелЪ тутЪ часть дня, занимаясь разсматриваніемЪ сей точки; корабль ушелЪ уже изЪ виду, а онЪ все еще думалЪ, что его видитЪ; но когда онЪ скрылся вЪ туманѣ горизонта, то ПавелЪ сѣлЪ вЪ семЪ дикомЪ мѣстѣ, гдѣ всегда бунтуютЪ вѣтры, колеблющіе безпрестанно верхи пальмовЪ и татамаковЪ. Глухой и реву подобной шумЪ ихЪ похо-

походитъ на звукъ играющихъ вдали органовъ, и погружаетъ въ глубокую задумчивость. Тамъ нашелъ я Павла, приклонившаго голову къ каменной скалѣ, и устремившаго глаза въ землю. Я ходилъ за нимъ съ восхожденія солнца, и много имѣлъ труда убѣждая его, чтобъ сошелъ и повидался съ своимъ семействомъ. Однакожъ я привелъ его домой, и онъ въ первомъ движеніи увидя Госпожу де-ла-Туръ, горько жаловался, что она его обманула. Она сказала намъ, что какъ въ три часа по полуночи поднялся вѣтръ, и корабль изготовился совсѣмъ къ выходу; то Губернаторъ съ частію своего штата и съ Миссіонеромъ прибылъ за Виргиніею въ паланкинѣ, и не взирая на ея упорство и слезы, не взирая на слезы Маргаритины, при крикѣ со всѣхъ сторонъ, что то дѣлается для общаго ихъ благополучія, дочь ея увезена полумертвая. По крайней мѣрѣ, отвѣчалъ Павелъ, естьли бы я простился съ нею, то

былъ бы теперь гораздо спокойнѣе. Я бы сказалъ ей: Виргинія! ежели во все это время, какъ мы жили вмѣстѣ, произнесъ я какое обидное для тебя слово; то прежде нежели меня оставишь навсегда, скажи, что меня прощаешь. Я бы сказалъ ей: Когда уже опредѣлила судьба, чтобъ я болѣе не видалъ тебя; то прости, любезная Виргинія! прости! Живи въ отдаленности отъ меня спокойно и благополучно. И какъ увидѣлъ онъ, что мать его и Госпожа де-ла-Туръ плачутъ, то сказалъ имъ: „Теперь ищите кого другаго, кто бы отеръ ваши слезы!„ Потомъ онъ ушелъ отъ нихъ съ болѣзненнымъ стономъ, и началъ бродить туда и сюда по жилищу. Онъ обѣжалъ всѣ мѣста, которыя милѣе прочихъ были для Виргиніи, и говорилъ своимъ козамъ и козлятамъ, бѣжавшимъ за нимъ и блѣявшимъ: что вамъ надобно? Вы уже не увидите никогда со мною той, которая васъ кормила изъ рукъ сво-

ихъ. Онъ пошелъ въ мѣсто *успокоенія Виргиніи*, и при видѣ летающихъ тамъ птицъ вскричалъ: Бѣдныя птички! вы уже не полетите на встрѣчу той, которая кормила васъ досыта. Видя, что Фиделька нюхала вездѣ, и шла предъ нимъ, какъ будто чего ищучи, онъ воздохнулъ и сказалъ ей: Ахъ! ты ее никогда не найдешь. Наконецъ онъ сѣлъ на томъ утесѣ, гдѣ говорилъ съ нею на канунѣ, и при видѣ моря, на которомъ скрылся Виргиніинъ корабль, облился слезами.

Мы ходили по его слѣдамъ, страшась печальныхъ произшествій. Мать его и Госпожа де-ла-Туръ просили его въ нѣжнѣйшихъ выраженіяхъ, чтобъ не умножалъ ихъ горести своимъ отчаяніемъ. Наконецъ послѣдняя успокоила его, употребивъ имена, которыя воскресили его надежду. Она часто называла его сыномъ, женихомъ своей дочери, любезнымъ сыномъ и

зятемЪ; уговорила его итти домой и нѣсколько поѣсть. ОнЪ сѣлЪ сЪ нами за столЪ подлѣ того мѣста, гдѣ сиживала подруга младенческихЪ лѣтЪ его, и какЪ будто бы она еще сидѣла тамЪ, начиналЪ говорить сЪ нею, и подавалЪ ей любимыя кушанья: но какЪ скоро примѣчалЪ свое заблужденіе, то начиналЪ плакать. ВЪ слѣдующіе дни собралЪ онЪ все, что она одна употребляла, послѣдніе цвѣты, которые на ней были, кокосовую чашку, изЪ которой пила она; и какЪ будто бы сіи остатки были драгоцѣннѣйшія вещи вЪ свѣтѣ, цѣловалЪ ихЪ и носилЪ всегда при себѣ. Амбра не испускаетЪ такого пріятнаго запаху, какЪ вещи, кЪ которымЪ прикасался любимой предметЪ. НаконецЪ видя, что грусть его умножаетЪ печаль его матери и Госпожи де-ла-ТурЪ, и что семейственныя нужды требуютЪ безпрестанной работы, онЪ началЪ сЪ помощію Доминга стараться о поправленіи сада.

Вскорѣ послѣ того сей молодой человѣкъ, будучи равнодушенъ какъ Креолъ ко всему, что ни происходитъ въ свѣтѣ, просилъ меня, чтобъ я выучилъ его читать и писать, дабы онъ могъ вести переписку съ Виргиніею. Потомъ захотѣлъ онъ узнать Географію, чтобъ имѣть нѣкоторое понятіе о той землѣ, куда она поѣхала, и Исторію, дабы узнать нравы того общества, въ которомъ она жить будетъ. То же чувствованіе любви научило его прежде земледѣлію, и искуству располагать съ пріятностію самую неровную землю. Безъ сомнѣнія люди обязаны большою частію наукъ и художествъ наслажденіямъ, которыя предполагала себѣ притомъ эта пламенная и безпокойная страсть, а отъ лишенія оныхъ родилась Философія, подающая намъ во всякомъ нещастіи утѣшеніе. Такимъ образомъ природа, связавъ любовію всѣ существа, зделала ее первою пружиною нашихъ обществъ, и побужденіемъ

кѣ

къ исканію просвѣщенія и удовольствій.

Павелъ не много однакожъ нашелъ вкусу въ Географіи, которая вмѣсто описанія намъ свойства каждой земли, представляетъ только Политическія раздѣленія. Исторія, а особливо нынѣшняго вѣка, не больше привлекла его. Онъ видѣлъ въ ней только общія и временныя нещастія, которыхъ не зналъ причины; войны, неимѣющія предмета и намѣренія; сокровенное коварство, народы безъ характера, и владѣтелей, лишенныхъ человѣколюбія. Онъ предпочелъ Исторіи романы, которые больше его занимая чувствованіями и выгодами людей, представляли иногда нѣчто сходственное съ его положеніемъ. Никакой книги не читалъ онъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ Телемака, въ которомъ нравились ему особливо картины сельской жизни, и страстей, свойственныхъ человѣческому сердцу. Онъ чи-

читалъ изъ него своей матери и Госпожѣ де-ла-Туръ тѣ мѣста, которыя особливо его трогали; и тогда будучи встревоженъ печальнымъ воспоминаніемъ, часто терялъ голосъ; часто слезы текли изъ глазъ его. Ему казалось, что находитъ въ Виргиніи величіе и мудрость Антіопы, съ нещастіями и нѣжностію Евхарисы. Напротивъ того совсѣмъ вскружили ему голову наши модные романы, наполненные весьма вольными нравами и правилами; и когда онъ узналъ, что романы сіи заключаютъ въ себѣ истинное изображеніе Европейскихъ обществъ, то не безъ причины опасался, чтобъ Виргинія не испортилась, и его не позабыла.

Въ самомъ дѣлѣ прошло уже два года, какъ Госпожа де-ла-Туръ не получала писемъ отъ тетки и отъ дочери: она слышала только отъ постороннихъ, что дочь ея благополучно пріѣхала во Францію. Наконецъ она получила съ корабля, идущаго въ Индію, свертокъ и письмо руки

Вир-

Виргинiиной. Не взирая на осторожность сей любезной и скромной дочери, мать увидѣла, что она очень нещастлива. Сiе письмо такъ хорошо изображало ея положенiе и нравъ, что я его помню отъ слова до слова.

Любезная матушка!

„Много уже писала я къ вамъ „писемъ; но какъ не получала на „нихъ отвѣта, то опасаюсь, до„шли ли они до васъ. Надѣюсь, „что вы получите это вѣрно, по„тому что я взяла всѣ предосто„рожности въ разсужденiи доста„вленiя вамъ о себѣ извѣстiя, и „полученiя вашихъ любезныхъ пи„семъ. Разставшись съ вами я мно„го пролила слезъ, я, которая „плакала прежде только о неща„стiи другихъ! Бабушка очень уди„вилась, когда по прiѣздѣ моемъ „стала меня разспрашивать о мо„ихъ дарованiяхъ, и я сказала ей, „что не умѣю ни читать, ни пи„сать. Она спросила, чему жъ я

„учи-

„училась съ того времени, какъ „живу на свѣтѣ; и когда я от- „вѣтствовала ей, что училась хо- „зяйничать, и исполнять вашу во- „лю; то она сказала мнѣ, что я „воспитана, какъ служанка. На „другой же день она отдала меня „учиться въ большой монастырь „близь Парижа, гдѣ я обучаюсь меж- „ду прочимъ Исторіи, Географіи, „Грамматикѣ, Математикѣ и „ѣздить верхомъ; но я столь ма- „ло имѣю способности ко всѣмъ „симъ наукамъ, что не надѣюсь „успѣть много. Чувствую, что я „бѣдное твореніе, имѣющее мало „смыслу, какъ-то учители и да- „ютъ мнѣ знать. Однакожъ ба- „бушкины милости не уменшают- „ся; она дѣлаетъ мнѣ обновы ко „всякому времени года, и приста- „вила ко мнѣ двухъ женщинъ, ко- „торыя такъ разряжены, какъ знат- „ныя Госпожи. Она дала мнѣ ти- „тулъ Графини, и велѣла оста- „вить имя де-ла-Туръ, которое „мнѣ такъ любезно, какъ вамъ

 „са-

„самимъ, по всему тому, что вы
„мнѣ разсказывали, сколькихъ тру-
„довъ стоило батюшкѣ, чтобъ на
„васъ жениться. Она замѣнила
„теперешнее имя ваше именемъ
„вашихъ родителей, которое так-
„же для меня мило; потому что
„вы носили его будучи дѣвицею.
„Видя себя въ такомъ хорошемъ
„положенiи я просила ее, чтобъ
„она помогла вамъ сколько ни-
„будь: но какъ изъяснить вамъ
„ея отвѣтъ? Однако вы приказы-
„вали, чтобъ я всегда гово-
„рила правду. Она отвѣчала мнѣ,
„что естьли дать вамъ мало, то
„ни къ чему не послужитъ; а
„дать много, то васъ обезпокоитъ
„въ простой жизни, какую вы ве-
„дете. Прежде я писала къ вамъ
„чрезъ другихъ; потому что сама
„не умѣла. Но не имѣя здѣсь ни-
„кого, кому бы могла открыть
„свое сердце, я старалась день и
„ночь учиться читать и писать;
„и Богъ помогъ мнѣ въ томъ въ
„короткое время. Я поручала пере-
„сылку

„сылку моихъ писемъ тѣмъ Госпо-
„жамъ, которыя ко мнѣ приставлены; но не думаю, чтобъ онѣ отдавали ихъ бабушкѣ. Въ этотъ разъ прибѣгла я къ одной питомицѣ моей пріятельницѣ, и прошу васъ подъ приложеннымъ здѣсь ея адресомъ пересылать ко мнѣ ваши письма. Бабушка запретила мнѣ всякую переписку, которая можетъ по ея мнѣнію, препятствовать ея великимъ намѣреніямъ въ разсужденіи меня. Она одна можетъ меня видѣть за рѣшеткою, а при томъ одинъ старой Господинъ, ея пріятель, которой, говоритъ она, имѣетъ ко мнѣ великую склонность. Ежели сказать правду, то я съ моей стороны никакой къ нему не имѣю, да и не имѣла бы, естьлибъ и могла къ кому нибудь имѣть ее.

„Я живу среди блеску богатства, и не могу располагать ни одной копейкой. Говорятъ, что

„естьли бы у меня были деньги,
„то сіе могло бы имѣть важныя
„слѣдствія. Самое платье мое при-
„надлежитъ опредѣленнымъ ко
„мнѣ женщинамъ, которыя объ
„немъ спорятъ, прежде нежели я
„оставлю его. И такъ въ нѣдрахъ
„изобилія я гораздо бѣднѣе, неже-
„ли какъ была съ вами; потому
„что никому не въ силахъ дать что
„нибудь. Когда я увидѣла, что
„великія науки, которыя мнѣ
„преподаютъ, не доставляютъ
„способовъ здѣлать малѣйшее до-
„бро; то я принялась за иголку,
„которую къ щастію вы научили
„меня употреблять. Посылаю
„нѣсколько паръ чулокъ своей ра-
„боты, вамъ и матушкѣ Марга-
„ритѣ, Домингу колпакъ, а одинъ
„изъ красныхъ моихъ платковъ
„Марьѣ; я присовокупляю къ сему
„свертку сѣмена и косточки изъ тѣхъ
„плодовъ, кои я ѣла, съ сѣмена-
„ми всякаго роду деревъ, собран-
„ными мною въ часы отдохновенія
„въ монастырскомъ звѣринцѣ. По-
сы-

„сылаю тутъ же сѣмена фіалокъ,
„маргаритокъ, колокольчиковъ,
„васильковъ, ранункуловъ и ска-
„біозъ, которыя собрала я на по-
„ляхъ. Здѣсь на лугахъ цвѣты
„гораздо лучше, нежели у насъ: но
„никто ими не занимается. Я
„увѣрена, что вы и матушка Мар-
„гарита довольнѣе будете симъ
„мѣшкомъ сѣменъ, нежели мѣш-
„комъ піастровъ, которой былъ
„причиною нашей разлуки и моихъ
„слезъ. Мнѣ будетъ очень весело,
„естьли вы нѣкогда съ удоволь-
„ствіемъ увидите растущія ябло-
„ни подлѣ нашихъ банановъ, и
„буковыя деревья, сплетающія свои
„листья съ листами нашихъ ко-
„косовъ. Вамъ представится тог-
„да, что вы въ Нормандіи, кото-
„рую такъ любите.

„Вы мнѣ приказывали писать
„къ вамъ о моемъ весельи и го-
„ресги; веселья нѣтъ болѣе для
„меня въ отдаленіи отъ васъ; а го-
„ресть свою я услаждаю тою мыслію,

„ что вы привели меня въ сіе со-
„ стояніе по волѣ Божіей. Но бо-
„ лѣе всего огорчаетъ меня то,
„ что здѣсь никто со мною не го-
„ воритъ объ васъ, да и я гово-
„ рить не смѣю. Мои, или лучше
„ сказать, бабушкины служанки,
„ ибо онѣ больше принадлежатъ ей,
„ нежели мнѣ, говорятъ, когда я
„ стараюсь завести рѣчь о столь
„ любезныхъ мнѣ предметахъ:
„ Вспомните, сударыня, что вы
„ Француженка, и что вамъ дол-
„ жно позабыть дикія страны. Ахъ!
„ я скорѣе сама себя забуду, нeже-
„ ли то мѣсто, гдѣ я родилась,
„ и гдѣ вы живете! Для меня здѣш-
„ няя земля сторона дикихъ; по-
„ тому что я живу здѣсь одна, и
„ никому не могу изъяснить той
„ любви, которую къ вамъ будетъ
„ чувствовать до гроба

Любезная матушка!

Ваша покорная и преданная дочь

Виргинія де-ла-Туръ.

„ Пре-

„ Препоручаю въ вашу милость „ Марью и Доминга, которые „ столько имѣли попеченія обо мнѣ „ въ моемъ дѣтствѣ. Обласкайте „ за меня Фидельку, нашедшую меня въ лѣсахъ.„

Павелъ очень удивился, что Виргинія, которая не позабыла и собаки; не сказала объ немъ ни слова: но онъ не зналъ, что какъ бы велико ни было письмо женщины; однакожъ пріятнѣйшую мысль она всегда изъясняетъ въ концѣ.

Въ постскриптѣ Виргинія особливо выхваляла Павлу сѣмена двухъ родовъ, то есть фіалокъ и скабіозъ. Она описывала ему отчасти и свойство сихъ растѣній, и мѣста, гдѣ ихъ сѣять. Фіалка, писала она, производитъ маленькой темнофіолетовой цвѣтокъ, которой любитъ скрытность и уединеніе; но по пріятному отъ него запаху тотчасъ его найти можно. Она

просила, чтобъ онъ посѣялъ ее на берегу фонтана, при корнѣ ея кокоса. Что касается до скабіозы, присовокупляла Виргинія; то она производитъ прекрасной голубой цвѣтокъ, въ срединѣ черной съ бѣлыми крапинками, какъ будто бы онъ былъ въ трауре. Для сего называютъ его вдовьимъ цвѣткомъ; сѣмена его надлежитъ сѣять въ каменистыхъ и открытыхъ мѣстахъ. Она просила, чтобъ онъ посѣялъ ихъ на той горѣ, на которой она говорила съ нимъ въ последній разъ, и чтобъ изъ любви къ ней назвалъ сію гору *Горою прощанія*.

Она всыпала сіи сѣмена въ кошелекъ очень простой работы, но который для Павла показался безцѣннымъ, когда онъ увидѣлъ на немъ вензель П. и В., сплетенной изъ волосъ, по красотѣ коихъ заключилъ онъ, что то были Виргиніины волосы.

Пись-

Письмо сей чувствительной и добродѣтельной дѣвицы извлекло обильныя слезы у всего семейства. Мать отвѣчала ей отъ имени онаго, что она можетъ остаться, или возвратиться по своей волѣ, увѣряя при томъ ее, что они всѣ лишились лучшей части своего благополучія со времени ея отъѣзда, и что она особливо ничѣмъ утѣшиться не можетъ.

Павелъ писалъ къ ней много, и увѣрялъ, что здѣлаетъ садъ свой достойнымъ ея, и смѣшаетъ въ немъ Европейскія растѣнія съ Африканскими, такъ какъ она сплела имена П. и В. Онъ послалъ къ ней нѣсколько плодовъ съ кокосовъ, растущихъ при ея ручьѣ, и достигшихъ совершенной зрѣлости. Семенъ же съ нашего острова, присовокуплялъ онъ я не посылаю, дабы желаніе увидѣть его произведенія, побудило тебя скорѣе возвратиться. Въ заключеніе онъ усильно просилъ, чтобъ она исполнила

ихъ общее желанiе, а особливо его собственное; потому что онъ не можетъ вкушать никакого удовольствiя, будучи въ разлукѣ съ нею.

Павелъ съ великимъ старанiемъ сѣялъ Европейскiя сѣмена, особливожъ фiалки и скабiозы, которыхъ цвѣты имѣли нѣкое сходство съ положенiемъ и свойствомъ Виргинiи, препоручавшей ихъ отмѣнно предъ прочими его попеченiю: но или они вывѣтрились дорогою, или климатъ сей части Африки для нихъ былъ неприличенъ, изъ нихъ вырасло очень мало, да и тѣ не могли достигнуть совершенства.

Между тѣмъ зависть, предупреждающая благополучiе человѣческое, а особливо въ Французскихъ селенiяхъ, разсѣяли молву по острову, которая очень встревожила Павла. Люди, находившiеся на томъ кораблѣ, съ которымъ получено письмо Виргинiино, увѣряли, что она

ско-

скоро выдетъ за мужъ; они сказывали и имя того придворнаго Господина, которой на ней женится; а иные говорили даже, что свадьба сыграна, и что они были тому свидѣтелями. Павелъ презиралъ сначала вѣсти, привезенныя торговымъ кораблемъ, которой на пути своемъ часто разсѣваетъ ложные слухи. Но какъ многіе островитяне, изъ злобной жалости, наперерывъ изъявляли ему свое соболѣзнованіе, то онъ сталъ нѣсколько тому вѣрить. Впрочемъ видалъ онъ въ читанныхъ имъ романахъ, что измѣна почитается шуткою, а знавши, что сіи книги заключаютъ въ себѣ довольно вѣрное изображеніе Европейскихъ нравовъ, начиналъ страшиться, чтобъ дочь Госпожи де-ла-Туръ не развратилась тамъ, и не позабыла прежнихъ своихъ обязательствъ. И такъ просвѣщеніе было уже источникомъ его нещастія. А что еще болѣе умножило его страхи, то приходили сюда

мно-

многіе Европейскіе корабли въ теченіе года, и ни на одномъ изъ нихъ не было писемъ отъ Виргиніи.

Нещастный юноша, предавшись волненіямъ своего сердца, ходилъ часто ко мнѣ, для подтвержденія, или разсѣянія своихъ мятежныхъ мыслей, посредствомъ моей опытности въ свѣтѣ.

Я живу, какъ уже и сказалъ тебѣ, въ полуторѣ милѣ отсюда, на берегу небольшой рѣчки, текущей вдоль по горѣ Долгой. Тамъ провожу я дни свои одинъ, безъ жены, безъ дѣтей и безъ невольниковъ.

Послѣ рѣдкаго благополучія, чтобъ найти подругу во всемъ съ нами сходную, безъ сомнѣнія щастливѣйшее состояніе въ жизни есть то, чтобъ жить одному. Всякой человѣкъ, которой имѣетъ многія причины жаловатся на подобныхъ себѣ, ищетъ уединенія.

Да

даже очень примѣтно, что всѣ народы, будучи нещастны по своимъ мнѣніямъ, нравамъ и правленію, имѣли многочисленные классы гражданъ, совершенно преданныхъ уединенію и одиначеству. Таковы были Египтяне при своемъ паденіи, и Греки послѣднихъ временъ; таковы суть въ наши времена Индѣйцы, Китайцы, нынѣшніе Греки, Италіанцы, и большая часть восточныхъ и южныхъ Европейскихъ народовъ. Уединеніе возвращаетъ нѣкоторымъ образомъ человѣку натуральное благополучіе, удаляя отъ него общественное нещастіе. Среди нашихъ обществъ, раздѣленныхъ толикими предразсудками, душа находится въ безпрестанномъ волненіи: она составляетъ безпрестанно въ самой себѣ множество безпокойныхъ и противорѣчащихъ мнѣній, по которымъ члены честолюбиваго и бѣднаго общества стараются утѣснять другъ друга. Но въ уединеніи она оставляетъ чуждое сіе ослѣпленіе, которое ее трево-

вожитъ: она принимаетъ простое чувствованіе самой себя, природы и Творца. Такимъ образомъ мутная вода потока, опустошающаго поля, разлившись въ какомъ либо небольшемъ водоемѣ, отдаленномъ отъ его теченія, оставляетъ нечистоту на глубинѣ дна, принимаетъ прежнюю свою свѣтлость, и здѣлавшись прозрачною, являетъ въ себѣ съ собственными берегами зелень земли и лазурь небесъ. Уединеніе возстановляетъ и тѣлесныя силы, какъ душевныя. Между пустынниками есть люди, которые живутъ долѣе прочихъ, какъ-то Индѣйскіе Брамины. Наконецъ я почитаю уединеніе столь необходимымъ для благополучія въ самомъ свѣтѣ, что мнѣ кажется не возможно вкушать въ немъ постояннаго удовольствія, отъ какого бы то чувствованія ни было, или основать своего поведенія на какомъ либо твердомъ правилѣ, естьли не уединишься внутрь себя, откудабъ наше мнѣніе выходило весьма рѣдко,

ко, и кудабъ мнѣніе другихъ не проницало никогда. Я не хочу однакожъ сказать, чтобъ человѣкъ жилъ совершенно одинъ; онъ связанъ нуждами со всѣмъ родомъ человѣческимъ, и такъ онъ обязанъ трудиться для людей; онъ обязанъ собою Природѣ. Но Богъ, давъ каждому изъ насъ органы, совершенно расположенные по стихіямъ шара, на которомъ мы обитаемъ, ноги для земли, легкое для воздуха, глаза для свѣта, предоставилъ собственно себѣ, будучи источникъ жизни, наше сердце, какъ главной органъ оной.

Такимъ образомъ я провождаю жизнь въ отдаленіи отъ людей, которымъ хотѣлъ служить, и отъ которыхъ претерпѣвалъ гоненія. Проѣхавъ большую часть Европы, и нѣкоторыя Американскія и Африканскія Провинціи, я расположился на семъ малолюдномъ островѣ, прельстясь пріятнымъ его воздухомъ и уединеніемъ. Хижина, построен-

строенная мною въ лѣсу подъ деревомъ, малое поле, обработываемое моими руками, рѣка текущая предъ моими дверьми, достаточно удовлетворяютъ моимъ нуждамъ и забавамъ. Я присовокупляю къ сему довольству нѣсколько хорошихъ книгъ, исправляющихъ мое сердце, и умножающихъ мое благополучіе изображеніемъ того самаго свѣта, которой я оставилъ. Они представляютъ мнѣ картины страстей, дѣлающихъ жителей большаго свѣта столь нещастными, и я, сравнивая свою участь съ ихъ жребіемъ, наслаждаюсь совершеннымъ благополучіемъ. Какъ человѣкъ, спасшійся отъ кораблекрушенія на крутую гору, смотрю я изъ своего уединенія на бѣдствія, свирѣпствующія въ мірѣ. Спокойствіе мое умножается при отдаленномъ шумѣ бури. Съ того времени, какъ не встрѣчаются со мною люди, и я съ ними не встрѣчаюсь ни на одной дорогѣ, ненависть моя къ нимъ изчезла, и я только сожалѣю объ нихъ.

Есть-

Естьли я нахожу нещастнаго, то стараюсь помочь ему своими совѣтами, какъ путникъ на берегу источника подаетъ руку утопающему въ ономъ. Но я нашелъ, что одна токмо невинность внимала моему гласу. Натура тщетно призываетъ къ себѣ прочихъ человѣковъ; каждой изъ нихъ облекаетъ образъ ея собственными страстями. Онъ гоняется во всю свою жизнь за ложнымъ симъ призракомъ, и потомъ жалуется небесамъ на заблужденіе, отъ него самаго происшедшее. Между великимъ числомъ нещастныхъ, которыхъ я старался иногда обратить къ природѣ, не находилъ ни одного, которой бы не былъ упоенъ собственными бѣдствіями. Сначала они слушали меня со вниманіемъ, въ надеждѣ, что я помогу имъ пріобрѣсть славу или богатство; но увидѣвъ, что я хотѣлъ только научить ихъ, какъ обходиться безъ того, они почитали меня самаго бѣднымъ, что не го-

нялся за ихъ нещастнымъ благополучіемъ; порицали мою уединенную жизнь; мечтали, что одни они полезны людямъ, и старались увлечь меня въ своемъ вихрѣ. Но естьли я обхожусь со всѣми, то не вѣряюсь однакожъ никому. Часто очень довольно для меня одного себя, откудабъ почерпнуть наставленіе. При настоящей тишинѣ я представляю шумъ прошедшей жизни, которой уважалъ столько, гоняясь за покровительствомъ, богатствомъ, славою, сластолюбіемъ и мнѣніями, толико вездѣ между собою несходными. Я сравниваю людей, съ яростію устремлявшихся другъ на друга за сіи мечты, и уже несуществующихъ, съ волнами рѣки моей, которыя пѣнясь разбиваются о камни, и изчезаютъ навсегда. Что касается до меня, то я теку въ тишинѣ по рѣкѣ времени къ Океану будущаго неимѣющему бреговъ; зрѣлище дѣйствительнаго согласія въ природѣ возноситъ меня къ Творцу ея, и я на-

надѣюсь въ другомъ свѣтѣ имѣть щастливѣйшую участь.

Хотя изъ моей пустыни, лежащей среди лѣсу, не столько видно предметовъ, какъ съ сего высокаго мѣста, однако и тамъ есть пріятные виды; а особливо для человѣка, которой подобно мнѣ, любитъ больше углубляться въ самаго себя, нежели обходиться съ другими. Рѣка, текущая предъ моими дверьми, идетъ въ прямой линіи чрезъ лѣсъ, и представляетъ мнѣ длинной каналъ, осѣняемой деревьями всякаго роду; какъ-то татамаками, яблонными, оливковыми и коришневыми деревами: пальмистовыя рощицы возвышаются въ иныхъ мѣстахъ, въ видѣ обнаженныхъ колоннъ во сто футовъ; вершина ихъ украшена пучкомъ вѣтвей, и они кажутся поверьхъ другихъ деревъ лѣсомъ, выростшимъ на другомъ лѣсу. Тутъ есть также и разнолиственныя ліаны, которыя извиваясь съ одного

дерева на другое, составляютъ въ одномъ мѣстѣ своды изъ цвѣтовъ, въ другомъ длинныя зеленыя куртины. Большая часть сихъ деревъ имѣютъ ароматической запахъ, и ихъ благовоніе столько имѣетъ влiянія на самое платье, что пахнетъ отъ человѣка, шедшаго чрезъ лѣсъ, спустя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ онъ изъ него выдетъ. Во время, своего цвѣта они кажется до половины бываютъ покрыты снѣгомъ. Въ концѣ лѣта многихъ родовъ чужестранныя птицы по непонятному побужденiю, изъ неизвѣстныхъ сторонъ, чрезъ обширныя моря прилетаютъ собирать сѣмена растѣній на моемъ островѣ, и противополагаютъ блескъ своихъ перьевъ древесной зелени, потемнѣвшей отъ солнечнаго зноя. Тутъ увидишь ты между прочимъ разнаго роду попугаевъ и синихъ голубей, называемыхъ здѣсь Голландскими голубями. Обезьяны, кроткіе жители сихъ лѣсовъ, играютъ между

те-

темными вѣтвями, отъ коихъ отличаются сѣрою и зеленоватою шерстью, а вмѣстѣ черным своимъ лицомъ. Нѣкоторыя прицѣпясь однимъ хвостомъ, качаются на воздухѣ, другія прыгаютъ съ вѣтви на вѣтвь, держа своихъ дѣтей въ лапахъ. Никогда убивственное оружіе не устрашало сихъ мирныхъ дѣтей природы. Тамъ слышны только радостные крики, и отличное отъ всѣхъ пѣніе нѣкоторыхъ птицъ полуденныхъ странъ, повторяемое эхомъ сихъ лѣсовъ. Въ рѣкѣ, текущей быстро по камнямъ между деревьями, видится задумчивая ихъ зелень и тѣнь съ играми благополучныхъ ихъ жителей: въ тысячѣ шагахъ оттуда рѣка ниспадаетъ по разнымъ уступамъ горы, и составляетъ при паденіи своемъ гладкую водяную площадку, состоящую изъ кристальныхъ пузырьковъ пѣны. Сіи шумныя воды производятъ множество смѣшенныхъ звуковъ, кои будучи разносимы вѣт-

рами по лѣсу, то слышатся вдали, то приближаются, и оглушаютъ ухо, какъ звонъ множества колоколовъ. Воздухъ, обновляющійся безпрестанно при такомъ стремленіи водъ, дѣлаетъ то, что деревья на берегу сей рѣки и въ лѣтніе жары сохраняютъ свою зелень и живость.

Въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда есть утесъ, довольно отдаленной отъ водопада; потому что тамъ не такъ слышенъ шумъ водъ его, и которой довольно близокъ для того, чтобъ быть въ состояніи наслаждаться ихъ видомъ, прохладою и журчаніемъ. Мы обѣдали иногда въ большіе жары въ тѣни сего утеса. И какъ Виргинія при самыхъ маловажныхъ поступкахъ имѣла въ виду добро ближняго, то не ѣдала никакого въ полѣ плода безъ того, чтобъ не посадить сѣменъ, или косточки онаго въ землю. Отъ нихъ вырастутъ деревья, говаривала она,

ко-

которыя принесутъ плодъ для какого нибудь путешественника, или по крайней мѣрѣ для птички: по сему, съѣвши нѣкогда папай при подошвѣ сего утеса, она посѣяла сѣмена онаго. Вскорѣ потомъ взошло тамъ множество папаевъ, между которыми было одно женскаго роду, то есть, которое приноситъ плодъ. Сїе дерево не было выше колѣна Виргинїи при ея отъѣздѣ: но какъ оно растетъ скоро, то спустя три года выросло въ двадцать футовъ, и верхняя часть его изукрасилась многими рядами зрѣлыхъ плодовъ. Павелъ пришедъ нечаянно на сїе мѣсто, чрезмѣрно обрадовался, увидѣвъ большое дерево, выростшее изъ сѣмечка, посаженнаго его другомъ; и въ тожъ время овладѣла имъ глубокая печаль при семъ свидѣтелѣ долговременнаго ея отсутствїя. Предметы, видимые нами ежедневно, не представляютъ намъ быстраго теченїя нашей жизни: они старѣются съ нами вмѣстѣ, и ихъ разруше-

шенiе нечувствительно; но тѣ, которые мы вдругъ увидимъ, не видавъ ихъ нѣсколько лѣтъ, показываютъ скорость, съ которою течетъ рѣка дней нашихъ. Павелъ столькожъ изумился и встревожился при видѣ сего большаго папайя, обремененнаго плодами, какъ путешественникъ, послѣ долговременнаго отсутствiя возвратившiйся въ свое отечество, когда не находитъ больше своихъ современниковъ, и видитъ ихъ дѣтей, коихъ оставилъ еще въ колыбели, здѣлавшихся уже отцами. То хотѣлъ онъ срубить его, потому что оно дѣлало ему весьма чувствительнымъ время, протекшее послѣ отъѣзда Виргинiи; то взирая на него, какъ на памятникъ ея благодѣянiй, прижималъ къ нему губы, и изъяснялъ ему любовь и сожалѣнiе свое. О дерево, коего потомство существуетъ еще въ нашихъ лѣсахъ, я самъ смотрѣлъ на тебя съ большимъ вниманiемъ и уваженiемъ, нежели на торжествен-

ственныя врата Римлянъ! Какъ бы желалъ я, чтобъ природа, разрушающая ежедневно памятники честолюбія Царей, умножала въ лѣсахъ нашихъ памятники благодѣянія младой и убогой дѣвицы!

Подъ симъ-то папайемъ я находилъ всегда Павла, когда онъ прихаживалъ въ мою сторону. Въ одинъ день я нашелъ его тамъ погруженнаго въ задумчивость, и имѣлъ съ нимъ разговоръ, которой перескажу тебѣ, естьли только не поскучишь долгими разсказами, простительными моимъ лѣтамъ, и послѣднимъ чувствованіямъ дружества. Я перескажу тебѣ этотъ разговоръ, дабы ты могъ судить о природномъ здравомъ смыслѣ сего юноши; тебѣ легко будетъ различить лица по смыслу его вопросовъ и моихъ отвѣтовъ.

Онъ сказалъ мнѣ однажды:

„Мнѣ очень грустно. Тому уже три года съ половиною, какъ Вир-

гинія уѣхала, и полтора года, какъ ничего къ намъ не пишетъ. Она богата, а я бѣденъ: она меня забыла. Я принялъ намѣреніе отправиться на корабле во Францію: буду служить тамъ Королю, составлю свое щастіе, и бабушка дѣвицы де-ла-Туръ выдастъ за меня свою внуку, когда я зделаюсь знатнымъ Господиномъ.,,

Старикъ.

,,Да развѣ ты не сказывалъ мнѣ, что ты неблагородной?,,

Павелъ.

,,Матушка моя мнѣ это сказывала; а я не знаю, что такое благородство. Я никогда не примѣчалъ, чтобы я былъ меньше другихъ благороденъ, ни чтобъ другіе были благороднѣе меня.,,

Старикъ.

,,Низкое происхожденіе заграждаетъ тебѣ путь къ важнымъ должностямъ во Франціи. Сверхъ того ты не можешь быть принятъ ни въ какое отличное общество.

Па-

Павелъ.

„Но ты сказывалъ мнѣ многократно, что Франція своимъ величествомъ обязана тому, что послѣдній подданной въ ней можетъ достигнуть всего, и ты представлялъ мнѣ примѣръ многихъ славныхъ мужей, которые произшедши отъ низкихъ родителей, дѣлали честь своему отечеству. По этому ты хотѣлъ обмануть меня?

Старикъ.

„Нѣтъ, сынъ мой! я говорилъ тебѣ правду, но о прошедшихъ временахъ; а теперь все перемѣнилось; все здѣлалось продажнымъ во Франціи, здѣлалось наслѣдствомъ малаго числа людей, или удѣломъ обществъ. Король есть солнце, которое окружаютъ знатные и общества, подобно облакамъ; почти не возможно, чтобъ одинъ изъ его лучей палъ на тебя. Въ прежнія времена, когда правленіе не столь во многихъ находилось рукахъ, случались такія произшествія. Даро-

рованія и достоинства открывались тогда повсюду, какъ новыя нивы, которыя будучи вспаханы, отдаютъ произрастѣніямъ весь свой тукъ. Но великіе Цари, умѣющіе цѣнить и выбирать людей, очень рѣдки. Простые Цари слѣдуютъ внушеніямъ знатныхъ и обществъ, ихъ окружающихъ.

Павелъ.

„Такъ я найду можетъ быть кого нибудь изъ знатныхъ, которой будетъ моимъ покровителемъ?„

Старикъ.

„Чтобъ заслужить покровительство людей знатныхъ, то надобно угождать ихъ честолюбію или забавамъ. Ты въ этомъ никогда не успѣешь, потому что произошелъ отъ низкой крови, и при томъ честенъ.

Павелъ.

„Но я стану дѣлать такія великія дѣла, буду столь вѣренъ въ данномъ словѣ, столь исправенъ въ своихъ должностяхъ, и столь ревно-

ревностенъ и постояненъ въ своей дружбѣ, что можетъ быть кто нибудь изъ нихъ меня усыновитъ, какъ я видалъ то въ древнихъ исторiяхъ, которыя ты мнѣ давалъ читывать.

Старикъ.

„О! другъ мой, у Грековъ и Римлянъ, и при самомъ даже ихъ паденiи, великiе люди уважали добродѣтель: а мы имѣли множество славныхъ мужей во всякомъ родѣ, происшедшихъ отъ низкихъ родителей, но я ни одного не знаю, которой былъ бы усыновленъ знатнымъ домомъ. Добродѣтель безъ Королей нашихъ была бы осуждена во Францiи на вѣчное мѣщанство. Я сказалъ уже тебѣ, что они чтятъ ее, когда видятъ, но нынѣ опредѣленное ей отличiе продается за деньги.

Павелъ.

„Но естьли незнатнымъ, такъ постараюсь я понравиться обществу. Я приму совершенно его духъ

и

и мнѣнія, и снищу себѣ его любовь.„

Старикъ.

„По этому ты будешь поступать, какъ другіе люди; ты откажешься отъ совѣсти, чтобъ здѣлаться щастливымъ.„

Павелъ.

„О! нѣтъ; я буду всегда искать истинны.„

Старикъ.

„Такъ вмѣсто любви ты пріобрѣтешь ненависть; ибо общества занимаются очень мало открытіемъ истинны. Всякое мнѣніе равно для честолюбивыхъ, только бы они могли управлять другими.„

Павелъ.

„Какъ я нещастливъ! Все возстаетъ противъ меня. Я осужденъ провождать дни свои въ низкой работѣ и въ разлукѣ съ Виргиніею!„ Тутъ испустилъ онъ глубокой вздохъ.

Старикъ.

„Да будетъ Богъ единымъ твоимъ покровителемъ, а родъ чело-

человѣческой твоимъ обществомъ! Будь вѣренъ тому и другому. Семейства, общества, народы, Государи имѣютъ свои предразсудки и страсти; часто надобно угождать имъ посредствомъ одних порововъ, но Богъ и родъ человѣческой требуютъ только добродѣтелей.„

„Впрочемъ для чего хочешь ты отличаться отъ другихъ людей? Это чувствованіе въ насъ не природное, потому что въ противномъ случаѣ мы всѣ были бы въ безпрестанной враждѣ между собою. Довольствуйся исполненіемъ своей должности въ томъ состояніи, какое опредѣлило тебѣ Провидѣніе; благословляй свою участь, позволяющую тебѣ имѣть совѣсть, и непринуждающую тебя, такъ какъ людей знатныхъ, полагать свое щастіе въ мнѣніи людей низкихъ, и какъ сихъ послѣднихъ, пресмыкаться предъ знатными для своего содержанія, ни обманывать, ни

льстить,

льстить, ни унижаться, какЪ-то дѢлаютЪ почти всѢ, ищущіе щастія вЪ ЕвропѢ; здѢсь ничто не препятствуетЪ твоей добродѢтели, и ты можешь, не боясь наказанія, быть добродушенЪ, справедливЪ, чистосердеченЪ, знающЪ, терпѢливЪ, умѢренЪ, непороченЪ, снисходителенЪ и благочестивЪ, не страшась и того, чтобЪ кто смѢяться сталЪ твоему благоразумію, которое теперь вЪ самомЪ цвѢтѢ. Небо даровало тебѢ вольность, здравіе, чистую совѢсть и друзей: Государи, коихЪ милости ты жаждешь, не столь благополучны.„

ПавелЪ.

„АхЪ! но у меня нѢтЪ Виргиніи! БезЪ нее нѢтЪ у меня ничего; а сЪ нею я имѢлЪ бы все. Она одна составляетЪ мой родЪ, славу и щастіе. — Бабушка ея вздумала непремѢнно выдать ее за именитаго человѢка; чрезЪ ученіе и книги можно пріобрѢсть славное имя; и такЪ — я стану учиться,

и

и буду съ пользою служить отечеству своими знаніями, не вредя никому, и ни отъ кого не завися; я прославлю себя, и этою славою буду одолженъ только самому себѣ.„

Старикъ.

„Сынъ мой! дарованія еще рѣже, нежели знатной родъ и богатство. Они составляютъ лучшее сокровище; потому что ихъ никто не можетъ похитить, и поелику они вездѣ доставляютъ намъ почтеніе отъ общества: но они дорого стоятъ, и не иначе пріобрѣтаются, какъ посредствомъ самовольной бѣдности всякаго роду, посредствомъ особливой чувствительности, которая дѣлаетъ насъ нещастными внѣшно и внутренно, наконецъ посредствомъ гоненія отъ нашихъ современниковъ. Во Франціи судья не завидуетъ военнослужащему въ славѣ, ни военнослужащій славѣ мореходца; но всѣ они будутъ полагать преграды въ твоемъ пути, для того что

всѣ считаютъ себя разумными. Ты хочешь служить людямъ, говоришь ты? Но тотъ, которой обработывая землю, производитъ на ней лишній снопъ хлѣба, оказываетъ имъ важнѣйшую услугу, нежели тотъ, которой сочинитъ для нихъ книгу.,,

Павелъ.

,,Ахъ! та, которая посадила эту папайю, здѣлала жителямъ сихъ лѣсовъ полезнѣйшій и пріятнѣйшій подарокъ, нежели когдабъ подарила имъ библіотеку.,, — И въ тожъ время онъ обнялъ сіе дерево, и лобызалъ его съ восхищеніемъ.

Старикъ.

,,Лучшая книга, проповѣдующая дружество, человѣколюбіе и согласіе, Евангеліе, служило въ теченіи многихъ вѣковъ предметомъ буйства Европейцовъ. Сколько общихъ и частныхъ тиранствъ производится еще подъ егоименемъ! Послѣ сего ктожъ можетъ льститься, что принесетъ пользу людямъ

дямъ посредствомъ книгъ? Вспомни, какова была участь большой части философовъ, проповѣдовавшихъ имъ мудрость. Гомеръ, облекшій ее въ такіе прекрасные стихи, просилъ милостины во всю свою жизнь. Сократъ, преподававшій Аѳинянамъ столь пріятные уроки своими разговорами и нравами, былъ осужденъ ими на смерть. Превосходной ученикъ его Платонъ заключенъ былъ въ тюрьму, по повелѣнію того самаго Государя, которой былъ его покровитель; а прежде ихъ еще Пиѳагоръ, распространившій человѣколюбіе даже на скотовъ, былъ сожженъ живой Кротонцами. Сего не довольно. Большая часть сихъ славныхъ именъ дошли до насъ обезображенные сатирами, превращающими ихъ свойства; человѣческая неблагодарность находитъ удовольствіе въ томъ, чтобъ разсматривать ихъ съ худой стороны; и естьли изъ сего множества слава нѣкоторыхъ дошла до насъ чиста и непомраченна;

на; то сіе по тому, что они жили въ отдаленіи отъ своихъ современниковъ, подобно тѣмъ статуямъ, которыя вырываются въ цѣлости на поляхъ Греческихъ и Италіанскихъ, и кои для того, что были зарыты въ нѣдрахъ земли, избѣгли ярости варваровъ.„

„И такъ ты видишь, что для пріобрѣтенія шумной славы ученаго, потребно много добродѣтели, должно жертвовать даже своею жизнію. Впрочемъ, не думаешь ли ты, что славу сію уважаютъ богачи во Франціи? Они очень мало пекутся объ ученыхъ, коимъ знанія не доставляютъ ни достоинствъ въ отечествѣ, ни участія въ правленіи, ни входу ко двору. Правда, въ семъ вѣкѣ равнодушномъ ко всему, кромѣ богатства и роскоши, гоненій мало; но знанія и добродѣтель не доставляютъ ничего отличнаго; поелику все дѣлается только за деньги. Прежде получали они вѣрное награжденіе,

чрезъ

чрезъ занятіе разныхъ мѣстъ при церкви, въ судахъ и правленіи; но нынѣ служатъ только къ сочиненію книгъ. Однакожъ не смотря на то сей плодъ, столь мало уважаемый свѣтскими людьми, достоинъ всегда небеснаго своего происхожденія. Самымъ симъ книгамъ предоставлено особливо прославлять неизвѣстную добродѣтель, утѣшать нещастныхъ, просвѣщать народы и говорить правду самымъ Государямъ. Такая должность безъ сомнѣнія есть священнѣйшая изъ всѣхъ, какою только небеса могутъ почтить смертнаго на землѣ. Кто не утѣшится въ несправедливости, или презрѣніи со стороны богачей, когда помыслитъ, что книга его будетъ переходить изъ вѣка въ вѣкъ и отъ народа къ народу, служа преградою заблужденію и тиранству; и что изъ нѣдръ мрака, въ которомъ онъ жилъ, изыдетъ его слава, которая затмитъ славу многихъ властителей, коихъ памятники придутъ въ заб-

веніе, не смотря на льстецовъ, курящихъ имъ ѳиміамъ.„

Павелъ.

„Ахъ! я бы желалъ сей славы только для того, чтобъ сообщить ее Виргиніи и здѣлать ее любезною всей вселенной. Однакожъ, будучи столь знающъ, скажи мнѣ, женюсь ли я на ней? Я бы желалъ быть ученымъ хотя для того, чтобъ узнавать будущее.

Старикъ.

„Но ктожъ бы пожелалъ жить, сынъ мой, ежели бы онъ зналъ будущее? Одно предвидѣнное нещастіе причиняетъ намъ множество мученій: видъ неминуемаго нещастія отравилъ бы всѣ дни, ему предшествующіе. И того даже не должно разбирать въ тонкость, что насъ окружаетъ; небо, даровавшее намъ разсудокъ, чтобъ предвидѣть свои нужды, даровало намъ нужды, дабы положить предѣлъ нашему разсудку.„

Па-

Павелъ.

„Однакожъ съ деньгами, говоришь ты, можно получить въ Европѣ достоинства и почести? Я поѣду въ Бенгалы, обогащусь тамъ, и женюсь въ Парижѣ на Виргиніи.„

Старикъ.

„Какъ! ты хочешь оставить Виргиніину мать и свою?„

Павелъ.

„Да тыжъ самъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Индію?„

Старикъ.

„Тогда Виргинія была здѣсь. Но теперь ты служишь единою подпорою ея и своей матери„

Павелъ.

„Виргинія будетъ снабжать ихъ посредствомъ богатой своей родственницы.„

Старикъ.

„Богатые дѣлаютъ добро только тѣмъ, которые дѣлаютъ имъ честь въ свѣтѣ. У нихъ бываютъ родственники, кои больше достойны сожалѣнія, нежели Госпожа де-

ла-Туръ; потому что не получая отъ нихъ помощи, они жертвуютъ своею вольностiю, чтобъ имѣть только хлѣбъ насущной, и проводятъ жизнь заключенные въ монастыряхъ.,,

Павелъ.

,, О! какаяжъ это земля Европа! Виргинiя непремѣнно должна возвратиться сюда. Что ей нужды до богатой родственницы? Она была довольна въ сихъ хижинахъ и хороша, имѣя на головѣ красной платокъ, или цвѣты. Возвратись Виргинiя! оставь свои палаты и величество. Возвратись въ сiи горы, подъ тѣнь сихъ деревьевъ и нашихъ кокосовъ. Увы! ты можетъ быть теперь нещастлива.,, . . И тутъ онъ началъ плакать.,, И отецъ мой, не скрывай ничего отъ меня: естьли ты не можешь сказать мнѣ, женюсь ли я на Виргинiи; то по крайней мѣрѣ скажи, любитъ ли она меня, видая часто большихъ Господъ, которые говорятъ съ Королемъ и ее посѣщаютъ?,,

Ста-

Старикъ.

„Такъ, другъ мой, я увѣренъ по многимъ причинамъ, что она тебя любитъ; а особливо по тому, что она добродѣтельна.„ При сихъ словахъ онъ бросился на шею мнѣ и изъявилъ радостный восторгъ.

Павелъ.

„Но въ самомъ ли дѣлѣ Европейскія женщины такъ обманчивы, какъ ихъ представляютъ въ комедіяхъ и во всѣхъ тѣхъ книгахъ, которыя ты давалъ мнѣ читать?„

Старикъ.

„Женщины обманчивы въ тѣхъ земляхъ, гдѣ мущины мучители. Насиліе вездѣ производитъ хитрость.„

Павелъ.

„Да какъ же можно быть мучителемъ женщинъ?„

Старикъ.

„Выдавая ихъ за мужъ безъ ихъ соизволенія; молодую дѣвушку за старика, чувствительную женщину за человѣка холоднаго.„

Павелъ.

„Для чегожъ бы не выдавать ихъ за мужъ сходственно съ природою; молодыхъ за молодыхъ, любовницъ за любовниковъ?„

Старикъ.

„Для того, что большая часть молодыхъ людей во Франціи не довольно имѣютъ достатку для женитьбы, и пріобрѣтаютъ оной уже въ старости. Будучи молоди, они развращаютъ женъ своихъ сосѣдей; а въ старости не могутъ произвесть любви къ себѣ въ своихъ женахъ. Они обманывали, бывши молоди; ихъ также обманываютъ подъ старость. Это взаимная замѣна, или лучше сказать дѣйствіе всеобщаго Правосудія, управляющаго свѣтомъ. Одна крайность влечетъ за собою другую. Такимъ образомъ большая часть Европейцовъ проводятъ жизнь свою въ двойномъ безпорядкѣ, и безпорядокъ сей умножается въ обществѣ, по мѣрѣ невелика-

каго

каго числа тѣхъ, которымъ достается богатство. Государство подобно саду, въ которомъ не могутъ расти малыя деревья, когда въ немъ очень много большихъ, кои ихъ осѣняютъ: но разница только та, что садъ можетъ быть красивъ отъ малаго числа большихъ деревъ, напротивъ того благосостоянiе Государства зависитъ всегда отъ множества подданныхъ, а не отъ малаго числа богачей.„

Павелъ.

„Да какаяжъ нужда въ богатствѣ для женитьбы?„

Старикъ.

„Чтобъ жить въ изобилiи, ничего не дѣлая.„

Павелъ.

„А для чегожъ не трудиться? Я много работаю.„

Старикъ.

„Въ Европѣ считается безчестiемъ, когда кто работаетъ руками. Это называютъ механическою

скою работою. Воздѣлыванiе земли тамъ болѣе всего въ презрѣнiи, и художникъ больше уважается, нежели крестьянинъ.„

Павелъ.

„Какъ! искуство, питающее человѣковъ, презирается въ Европѣ? Я тебя не понимаю.„

Старикъ.

„Ахъ! человѣку, воспитанному по правиламъ природы, въ самомъ дѣлѣ трудно понять развращенiе общества. О порядкѣ можно имѣть точное понятiе, но о безпорядкѣ нѣтъ. Красота, добродѣтель, щастiе, имѣютъ мѣры; но безобразiе, порокъ и нещастiе не имѣютъ оныхъ.

Павелъ.

„По этому богатые люди очень щастливы? Они не находятъ ни въ чемъ препятствiй, и могутъ доставлять множество утѣхъ любимымъ предметамъ.

Старикъ.

„Но имъ по большой части наскучили уже всѣ утѣхи; потому

му что они для нихъ нетрудны. Не испыталъ ли ты, что покой пріятенъ только послѣ утомленія; пища, когда голоденъ, питье въ жажду? Удовольствіе любить и быть любиму можно чувствовать только при множествѣ пожертвованій. Богатство лишаетъ богачей всѣхъ этихъ удовольствій, предупреждая ихъ нужды. Присовокупи къ скукѣ, происходящей отъ ихъ довольства, гордость раждающуюся отъ изобилія, и которой малѣйшій недостатокъ противенъ, между тѣмъ какъ не лестны величайшія наслажденія. Благовоніе множества розъ нравится одно мгновеніе; но боль, причиняемая однимъ изъ ихъ шиповъ, продолжается очень долго. Одна досада среди утѣхъ есть для богачей шипъ среди цвѣтовъ. Для бѣдныхъ напротивъ одно удовольствіе среди бѣдъ есть цвѣтокъ среди шиповъ. Они имъ пользуются съ восхищеніемъ. Всякая вещь тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ больше

ше находится ей противныхъ. Природа во всемъ поставила мудрое равновѣсіе. Какое состояніе предпочтешь ты, имѣть ли почти все, и всего страшиться, или почти ничего не страшиться, и всего надѣяться? Первое состояніе есть состояніе богачей, а послѣднее людей бѣдныхъ. Но для человѣка равно несносны сіи крайности; щастіе состоитъ въ посредственности и добродѣтели.„

Павелъ.

„Что ты разумѣешь подъ словомъ добродѣтель?„

Старикъ.

„Сынъ мой! содержа свое семейство посредствомъ трудовъ своихъ, ты не имѣешь нужды въ истолкованіи. Добродѣтель есть насиліе самому себѣ въ пользу другаго, съ тѣмъ, чтобъ угодить Богу.„

Павелъ.

„Ахъ! сколькожъ Виргинія добродѣтельна! Она пожелала быть богатою, чтобъ быть благотворитель-

нoю.

ною. Добродѣтель вывела ее изъ сего острова, добродѣтель и возвратитъ ее къ намъ.„

Мысль о скоромъ ея возвращеніи, воспламенивъ воображеніе сего молодаго человѣка, прогнала всѣ его безпокойства. Виргинія не писала для того, что скоро хотѣла быть сама. Не много надобно времени, чтобъ пріѣхать сюда съ попутнымъ вѣтромъ изъ Европы. Онъ вычислялъ корабли, которые свершили путь сей, состоящій изъ четырехъ тысячь пяти сотъ миль, меньше нежели въ три мѣсяца. Корабль, на которомъ она поѣхала, вѣрно будетъ въ пути только два мѣсяца. Корабельные мастера теперь очень искусны, а мореходцы проворны. Онъ говорилъ о томъ, какія здѣлаетъ приготовленія къ ея принятію; о новомъ домикѣ, которой для нее построитъ; о нечаянныхъ удовольствіяхъ, которыя каждой день будетъ давать ей, когда она будетъ

его

его женою; его женою! . . . Эта мысль его восхищала. По крайней мѣрѣ, мой отецъ, говорилъ онъ мнѣ, тогда ты ничего не будешь дѣлать, какъ только развѣ для забавы. Виргинія богата, слѣдовательно у насъ будетъ много невольниковъ, которые за тебя станутъ работать. Ты будешь всегда съ нами, не безпокоясь ни о чемъ, кромѣ того, какъ бы повеселѣе провести время. Онъ пошелъ, будучи внѣ себя, раздѣлить съ своимъ семействомъ ту радость, которою самъ упоенъ былъ.

Сильной страхъ въ короткое время заступаетъ мѣсто великой надежды. Стремительныя страсти всегда повергаютъ душу въ противныя крайности. Часто на другой же день приходилъ ко мнѣ Павелъ, угнѣтаемъ будучи горестію. Онъ говаривалъ мнѣ: Виргинія не пишетъ. Естьли бы она отправилась изъ Европы; то писала бы о своемъ отъѣздѣ. Ахъ! про-

пронесшіеся объ ней слухи очень основательны. Бабушка выдала ее за знатнаго Господина. Любовь къ богатству погубила ее, подобно многимъ другимъ. По книгамъ, такъ хорошо описывающимъ женщинъ, добродѣтель существуетъ только въ воображеніи. Естьли бы Виргинія была добродѣтельна; то бы не оставила своей матери и меня. Въ то время, какъ я помышляю объ ней, она меня позабыла. Я грущу, а она веселится. Ахъ! мысль сія приводитъ меня въ отчаяніе; всякая работа мнѣ противна; всякое общество для меня скучно. Дай Богъ, чтобъ открылась война въ Индіи! Я бы полетѣлъ на смерть съ охотою.

Сынъ мой! отвѣчалъ я, мужество, располагающее насъ къ смерти, есть только минутное мужество. Оно часто возбуждается суетными похвалами отъ людей; но есть добродѣтель, которая гораздо рѣже и нужнѣе: сія добродѣтель помо-

гаетъ намъ вседневно, безъ свидѣтелей и похвалъ, сносить нещастія жизни, и называется терпѣніемъ. Оно основывается не на мнѣніи другихъ, ни на побужденіи нашихъ страстей, но на волѣ Божіей. Терпѣніе есть добродѣтельное мужество.

Ахъ! вскричалъ онъ, по этому я не добродѣтеленъ! Все меня обременяетъ и приводитъ въ отчаяніе. Добродѣтель, отвѣчалъ я, будучи всегда равна, постоянна и неизмѣнна, не есть удѣлъ человѣческой. Посреди безчисленныхъ страстей, насъ обуревающихъ, разсудокъ нашъ мутится и затмѣвается; но есть фаросы, гдѣ мы можемъ возжечь свѣтильникъ онаго: сіи фаросы суть науки.

Науки, сынъ мой, суть небесная для насъ помощь. Они суть лучи той премудрости, которая управляетъ вселенною. Подобно лучамъ солнечнымъ, они освѣщаютъ,

уве-

увеселяютЪ и грѣютЪ; они суть божественной огонь, и какЪ огонь присвояютЪ намЪ всю природу. ПосредствомЪ ихЪ мы соединяемЪ вокругЪ себя вещи, мѣста, людей и времена. Они ведутЪ насЪ прямымЪ путемЪ жизни человѣческой; усмиряютЪ наши страсти, укрощаютЪ пороки и возбуждаютЪ добродѣтели, представляя намЪ примѣры добрыхЪ людей, во всей ихЪ славѣ и достопочтенномЪ величествѣ. Они суть дщери небесЪ, нисшедшія на землю для услажденія бѣдствій человѣческаго рода. Великіе писатели, вдохновенные ими, являлись всегда во времена трудныя кЪ перенесенію для всякаго общества, во времена невѣжества и разврата. СынЪ мой, науки служили утѣшеніемЪ множеству людей, которые были нещастнѣе тебя; Ксенофонту изгнанному изЪ своего отечества, по приведеніи обратно десяти тысячь ГрековЪ; Сципіону Африканскому, обремененному клеветами РимлянЪ;

Лукуллу, скучившему ихъ коварствомъ; Катинату, неблагодарностію своего двора. Замысловатые Греки, каждой изъ Музъ, покровительствующихъ науки, отдали особливую часть нашего разумѣнія въ правительство: и такъ мы должны покорить имъ и свои страсти. Они должны отправлять, въ отношеніи къ способностямъ души нашей, такую же должность, какую отправляли Часы, которые закладывали и выводили коней для солнца.

Занимайся чтеніемъ, сынъ мой. Мудрецы, писавшіе до насъ, суть странники, совершившіе прежде насъ путь нещастія, подающіе намъ руку помощи, и приглашающіе насъ къ соединенію съ ихъ обществомъ, когда всѣ насъ оставятъ. Добрая книга есть доброй другъ.

Ахъ! вскричалъ Павелъ, мнѣ не нужно было читать, когда Виргинія была здѣсь. Она училась не боль-

больше меня; но когда на меня смотрѣла и называла своимъ другомъ, то мнѣ не льзя было печалиться.

Это правда, сказалъ я ему, что нѣтъ друга пріятнѣе любовницы, отвѣтствующей нашей страсти. Къ томужъ женщина имѣетъ какую-то легкую веселость, разгоняющую печаль мущины. Отъ ея прелестей изчезаютъ мрачные призраки умствованія. На лицѣ ея царствуетъ тихая привлекательность и откровенная довѣренность. Какая радость не возвысится при ея радости? На какомъ челѣ не пропадутъ морщины при ея усмѣшкѣ? Чей гнѣвъ устоитъ противъ слезъ ея? Виргинія возвратится съ большею твоей ученостію. Она очень удивится, увидя садъ не совсѣмъ поправленный; она, которая думаетъ только о его украшеніи, не смотря на гоненія своей бабушки, въ отдаленіи отъ матери и тебя.

Мысль о скоромъ возвращенiи Виргинiи обновила Павлово мужество, и онъ началъ по прежнему отправлять свою полевую работу, будучи щастливъ среди мученiя; потому что предполагалъ работѣ своей конецъ прiятной его страсти!

Въ одно утро, на самомъ разсвѣтѣ, это было 24 Декабря 1752 году, Павелъ вставши, увидѣлъ бѣлой флагъ на горѣ Открытiя. Сей флагъ былъ сигналъ усмотрѣннаго на морѣ корабля. Павелъ побѣжалъ въ городъ, дабы узнать, не было ли писемъ отъ Виргинiи. Онъ пробылъ тамъ до возвращенiя Командира надъ пристанью, которой по обыкновенiю поѣхалъ развѣдывать о кораблѣ. Сей человѣкъ возвратился уже ввечеру, и донесъ Губернатору, что корабль называется Сентъ-Жеранъ, что грузъ его состоялъ изъ семи сотъ бочекъ, что командующiй на немъ Капитанъ былъ Г. Обенъ, и что онъ находится въ четырехъ только

ко миляхъ отъ берега, но пристанетъ къ Портъ-Луи не прежде, какъ на другой день послѣ полудня, естьли вѣтръ будетъ благопріятенъ. Тогда совсѣмъ его не было. Командующій пристанью вручилъ Губернатору письма, привезенныя на семъ кораблѣ изъ Франціи. Одно изъ нихъ было къ Госпожѣ де-ла-Туръ, надписанное рукою Виргиніи. Павелъ тотчасъ схватилъ его, поцѣловалъ съ восхищеніемъ, положилъ въ пазуху и побѣжалъ въ свое жилище. Какъ скоро онъ могъ завидѣть свое семейство, ожидавшее его на горѣ Прощанія; то поднялъ вверьхъ письмо, не въ силахъ будучи говорить; и тотчасъ собрались всѣ къ Госпожѣ де-ла-Туръ, чтобъ услышать, что въ немъ было написано. Виргинія писала къ матери, что съ нею очень дурно поступила бабушка, хотѣвшая выдать ее за мужъ по неволѣ, что она лишила ее потомъ наслѣдства, и наконецъ отослала отъ себя въ

такое время, вЪ которое не льзя ей было иначе пріѢхать вЪ Иль-де-ФрансЪ, какЪ не во время урагановЪ; что она тщетно старалась умилостивить бабушку, представляя ей, чѢмЪ она должна матери и привычкѢ первыхЪ лѢтЪ, что получила отЪ нее названіе безумной дѣвки, которой голова вскружена романами, что она, не смотря на это, помышляетЪ только о томЪ благополучіи, чтобЪ увидѢть и обнять свое любезное семейство, и что немедленно удовлетворила бы сему нетерпѢливому желанію, естьлибЪ КапитанЪ позволилЪ сѢсть ей вЪ островскую шлюбку; но онЪ воспротивился ея отЪѢзду по причинѢ отдаленія отЪ земли, и для того что воздымалось море, не смотря на безвѢтріе.

По прочтеніи сего письма, все семейство вскричало сЪ радостнымЪ восторгомЪ: „ Виргинія пріѢхала! „ Господа и слуги обнимали другЪ друга. Госпожа де-ла-ТурЪ сказала

зала Павлу: Поди сынъ мой, увѣдомь нашего сосѣда о пріѣздѣ моей дочери. Домингъ зажегъ факелъ изъ рондоваго дерева, и Павелъ съ нимъ отправился къ моему жилищу.

Тогда было около десяти часовъ вечера. Я погасилъ уже свою лампаду и легъ, какъ вдругъ примѣтилъ сквозь плетень моей хижины свѣтъ горящаго дерева. Вскорѣ потомъ услышалъ я Павловъ голосъ, которой называлъ меня по имени. Я всталъ, и только что успѣлъ одѣться, какъ онъ внѣ себя бросился ко мнѣ на шею, и сказалъ: „Пойдемте, пойдемте, Виргинія пріѣхала. Пойдемте къ пристани, корабль придетъ туда на разсвѣтѣ.„

Ни мало не медля мы отправились въ путь. Проходя чрезъ лѣса горы Долгой, и будучи уже на дорогѣ, ведущей изъ Памплемуса къ пристани, мы услышали иду-

щаго позади насЪ человѣка. То былЪ невольникЪ, шедшій скорыми шагами. Когда онЪ догналЪ насЪ, то я спросилЪ у него, откуда и куда онЪ идетЪ такЪ поспѣшно. ОнЪ отвѣчалЪ мнѣ: я иду изЪ Золотопесочной округи; меня послали кЪ пристани увѣдомить Губернатора, что корабль изЪ Франціи стоитЪ пониже Янтарнаго острова. ОнЪ палитЪ изЪ пушекЪ, и требуетЪ помощи; ибо море очень неспокойно. Сей человѣкЪ, сказавЪ намЪ это, продолжалЪ не остонавливаясь путь свой.

Я сказалЪ тогда Павлу: пойдемЪ вЪ Золотопесочную округу, на встрѣчу Виргиніи; до нея отсюда только три мили. ТакимЪ образомЪ пошли мы вЪ сѣверную сторону острова. ЖарЪ былЪ чрезвычаенЪ. Взошла луна, и около нея показались три черные большіе круга. Небо ужасно было мрачно. При частомЪ сверканіи молніи можно было видѣть долгіе ряды густыхЪ

стыхъ, темныхъ и невысоко идущихъ тучь, кои збирались на средину острова, и шли отъ моря съ неописанною скоростію, хотя не примѣтно было ни малѣйшаго на землѣ вѣтра. Идучи далѣе мы услышали стукъ, которой почли сначала за громъ, но вслушиваясь съ большимъ вниманіемъ узнали, что это пушечные выстрѣлы, эхомъ разносимые. Сіи отдаленные выстрѣлы, а вмѣстѣ бурное небо, привели меня въ трепетъ. Я не могъ сомнѣваться, чтобъ то не были знаки бѣдствія погибающаго корабля. Спустя полчаса выстрѣлы замолкли, и сія тишина показалась мнѣ еще ужаснѣе предшествовавшихъ ей печальныхъ звуковъ.

Мы шли поспѣшно, и не говорили ни слова; потому что не смѣли сообщить другъ другу своего безпокойства. Около полуночи пришли мы, всѣ въ поту, къ морскому берегу въ Золотопесочной округѣ Волны разбивались съ ужа-

сным ъ

сным шумомъ. Песокъ и утесы покрывались отъ нихъ бѣлою какъ снѣгъ пѣною, и огненными искрами. Не взирая на меракъ, мы увидѣли при семъ фосфорическомъ блескѣ рыбачьи лодки, за долго передъ тѣмъ вытащенныя на берегъ.

Въ нѣкоторомъ разстоянiи отсюда увидѣли мы подъ лѣсомъ огонь, вкругъ коего собрались многiе жители. Мы пошли тудажъ, чтобъ отдохнуть во ожиданiи разсвѣта. Пока мы сидѣли у огня, то одинъ изъ жителей разсказывалъ намъ, что послѣ полудня видѣлъ на морѣ корабль, несомый къ острову быстротою водъ; что ночь скрыла его изъ глазъ, и что спустя два часа послѣ захожденiя солнца, слышалъ онъ пушечные выстрѣлы, призывающiе на помощь: но море такъ было неспокойно, что не льзя было подослать къ нему никакой лодки; что вскорѣ послѣ того показалось ему, будто

за-

зажгли на немЪ фонари, и что вЪ такомЪ случаѣ онЪ опасался, не прошелЪ ли корабль, принесенной столь близко кЪ берегу, между землею и малымЪ Янтарнымъ островомЪ, принявЪ его за мысЪ Ружейной Цѣли, близь котораго проходятЪ корабли, пріѣжжающіе вЪ Иль де-ФрансЪ; и ежели это такЪ, чего однако онЪ утвердить не можетЪ, то корабль находится вЪ величайшей опасности. Другой житель сказалЪ намЪ, что онЪ нѣсколько разЪ проѣжжалЪ по каналу, отдѣляющему Янтарной островЪ отЪ берега; что вымѣрялЪ его глубину; что тутЪ рейда очень хороша, и корабль на ней столькожЪ безопасенЪ, какЪ вЪ лучшей гавани. Я бы положилЪ тамЪ все мое имѣніе, присовокупилЪ онЪ, и спалЪ бы такЪ покойно, какЪ на землѣ. Третій житель сказалЪ, что не льзя кораблю войти вЪ каналЪ сей, гдѣ и шлюбки сЪ трудомЪ плаваютЪ. ОнЪ увѣрялЪ, что видѣлЪ корабль, ставшій на

якорѣ

якорѣ по ту сторону Янтарнаго острова, такъ что естьли поутру подымется вѣтръ; то онъ по волѣ своей можетъ пуститься далѣе въ море, или войти въ гавань. Другіе жители были другаго мнѣнія. Между тѣмъ, какъ они спорили другъ съ другомъ по обыкновенію праздныхъ Креоловъ, то Павелъ и я хранили глубокое молчаніе. Мы сидѣли тутъ до самаго дня: но небо такъ было мрачно, что мы не могли различить ни одного предмета на морѣ, покрытомъ густымъ туманомъ. Мы видѣли только темное облако, которое по словамъ жителей было не иное что, какъ Янтарной островъ, лежащій на четверть мили отъ берега. Въ сей пасмурный день можно было видѣть только берегъ, на которомъ мы находились, и нѣкоторыя вершины горъ внутри острова, кои проглядывали изрѣдка сквозь носившіяся кругомъ облака.

Въ семь часовъ по утру услышали мы въ лѣсу барабанной бой; а вскорѣ потомъ увидѣли Губернатора, Г. де-ла-Бурдоне, которой ѣхалъ въ провожанiи отряда вооруженныхъ солдатъ, и великаго множества жителей и черныхъ. Онъ разставилъ солдатъ по берегу, и приказалъ имъ выстрѣлить залпомъ, послѣ чего мы примѣтили на морѣ блескъ, за которымъ тотчасъ послѣдовалъ пушечной выстрѣлъ. Мы заключили, что корабль недалеко отъ насъ, и всѣ побѣжали въ ту сторону, гдѣ видѣли сигналъ. Тамъ усмотрѣли мы сквозь туманъ корпусъ и снасти большаго корабля. Мы были такъ отъ него близко, что не взирая на шумъ волнъ слышали голосъ начальника, раздающаго повелѣнiя, и крикъ матросовъ, которые троекратно произнесли: да здравствуетъ Король! Это обыкновенной крикъ Французовъ при великихъ радостяхъ, и во время крайней опасности; такъ какъ будто бы они при-

призывали на помощь своего Государя, или хотѣли доказать тогда, что готовы умереть для него.

Когда Сентъ Жеранъ примѣтилъ, что мы готовимся ему помочь, то не переставалъ палить изъ пушекъ чрезъ каждыя три минуты. Г. де-ла-Бурдоне приказалъ развести большіе огни въ разныхъ мѣстахъ берега, и послалъ ко всѣмъ окрестнымъ жителямъ за съѣстными припасами, досками, канатами и пустыми бочками. Вскорѣ явилось множество людей изъ Золотопесочной округи, изъ Флакка и съ рѣки Валу, въ сопутствіи черныхъ невольниковъ, которые несли съѣстные припасы и разные корабельные снаряды. Одинъ изъ старѣйшихъ жителей, подошедши къ Губернатору, сказалъ ему: „Милостивой государь, во всю ночь слышанъ былъ глухой шумъ на горахъ, а въ лѣсу листы деревъ колеблются безъ всякаго вѣтру. Морскія птицы укрываются

ся на островѣ; безъ сомнѣнія все это предвѣщаетъ ураганъ. „Чтожъ дѣлать, друзья мои, отвѣчалъ Губернаторъ, мы приготовились, да и корабль конечно принялъ свои мѣры.„

Въ самомъ дѣлѣ все предвѣщало близкой ураганъ. Висѣвшія надъ нами тучи были въ срединѣ черны, а по краямъ красны. Въ воздухѣ раздавались крики двухвостокъ, фрегатокъ, остроносокъ, и множества другихъ морскихъ птицъ, которыя не смотря на темноту атмосферы, летѣли со всѣхъ сторонъ къ острову, ища на немъ убѣжища.

Въ девять часовъ по утру мы услышали со стороны моря ужасной шумъ, подобный шуму источниковъ водныхъ, когда они среди громовъ низвергаются въ бездну съ высокой горы. Всѣ закричали: „Вотъ ураганъ!„ И въ туже минуту страшный вихрь разсѣялъ туманъ, покрывавшій Янтарной островъ,

и проливѣ при ономѣ. Сентѣ Жеранѣ открылся тогда весь. Онѣ стоялѣ между Янтарнымѣ островомѣ и Иль де Франсомѣ, по сю сторону утесовѣ, окружающихѣ сей послѣдній, и мимо которыхѣ онѣ прошелѣ дорогою, до того кораблямѣ неизвѣстною. Передняя часть его стояла противѣ волнѣ, приходившихѣ сѣ моря, и при каждой волнѣ, которая вливалась вѣ каналѣ, корма его поднималась вверьхѣ, такѣ что киль былѣ видѣнѣ на воздухѣ, а носѣ погружался вѣ море до самаго верьху. Вѣ семѣ положеніи, вѣ коемѣ вѣтрѣ и море бросали его на землю, ему равно было не возможно ни выйти назадѣ, ни попасть на берегѣ, отѣ котораго отдѣляли его высокіе утесы. Каждая волна, разбивавшаяся о берегѣ, упадала сѣ воемѣ на самое дно заливовѣ, и уносила сѣ берега кремнистые камни, которые катились сѣ дикимѣ и ужаснымѣ шумомѣ. Море отчасу больше воздымалось, и весь

ка-

каналъ между симъ и Янтарнымъ островомъ покрытъ былъ бѣлою пѣною, разрываемою черными и большими волнами. Сія пѣна подымалась болѣе, нежели на шесть футовъ въ вышину; а сильный вѣтръ разносилъ ее далеко по берегу. При видѣ бѣлыхъ и многочисленныхъ клочковъ ея, летящихъ къ самой подошвѣ горъ, можно бы сказать, что изъ моря идетъ снѣгъ. Горизонтъ предвѣщалъ продолжительную бурю: казалось, что море сражается съ небесами. Быстро неслись ужасныя облака, между тѣмъ какъ въ тожъ время другія стояли неподвижно; желтой и блѣдноватой лучь освѣщалъ всѣ предметы.

Отъ сильнаго качанія корабля передніе канаты лопнули, и его бросило къ утесамъ. Мы произнесли болѣзненный крикъ. Павелъ намѣревался броситься въ море, но я удержалъ его за руку. „Сынъ мой, сказалъ я ему, развѣ ты

хочешь погибнуть?„ Я долженЪ помочь ей, вскричалЪ онЪ, или умереть!„ Отчаяніе лишило его разума, и я сЪ ДомингомЪ, спасая жизнь его, обвязалЪ его длинною веревкою, которой одинЪ конецЪ остался у насЪ вЪ рукахЪ. ПавелЪ пустился кЪ СентЪ-Жерану, то вплавь, то вбродЪ по множеству подводныхЪ камней. Иногда надѣялся онЪ приближиться кЪ нему; ибо море вЪ неправильныхЪ своихЪ движеніяхЪ оставляло корабль почти на сушѣ, такЪ что можно было подойти кЪ нему: но вскорѣ потомЪ возвращаясь сЪ новою яростію, покрывало его превеликими волнами, и отбрасывало замертво далеко на берегЪ сего нещастнаго, сЪ окровавленными ногами и разбитою грудью. Едва однакожЪ онЪ приходилЪ опять вЪ чувство, какЪ возвращался вновь кЪ кораблю, которому между тѣмЪ страшные удары моря грозили уже скорою погибелью. Весь экипажЪ, отчаясь вЪ своемЪ спасеніи, бросился

тол-

толпами въ море на бревнахъ, доскахъ, садкахъ, столахъ и бочкахъ. Въ самое то время предсталъ глазамъ нашимъ предметъ, достойный вѣчнаго сожалѣнія: на передней галлереѣ Сентъ Жерана показалась молодая дѣвушка, простиравшая свои руки къ тому, которой столь усильно старался къ ней приближиться. То была Виргинія. Она узнала своего любовника по его неустрашимости. Видъ сей любезной дѣвицы, подверженной смертельной опасности, исполнилъ насъ горестію и отчаяніемъ. Что касается до Виргиніи, то съ благородною твердостію она подавала намъ рукою знаки, какъ бы на вѣки съ нами прощалась. Всѣ матросы бросились въ море; оставался только одинъ на палубѣ, которой былъ нагъ, и имѣлъ Геркулесовы мышцы. Онъ подошелъ съ почтеніемъ къ Виргиніи, и бросившись предъ нею на колѣни, хотѣлъ скинуть съ нее платье: но она, оттолкнувъ его съ величіемъ,

отвратила глаза. Тотчасъ всѣ зрители вскричали: „ Спаси ее, спаси; не оставляй ее!„ Но въ самую ту минуту появилась ужасной величины водяная гора, которая съ ревомъ приближаясь къ кораблю, грозила поглотить его Матросъ, увидѣвъ то, бросился одинъ въ море, и оставилъ Виргинію, которая положивъ одну руку на платье, а другую на сердце, и возведши спокойные взоры, показалась намъ Ангеломъ, направляющимъ полетъ свой къ небесамъ.

О день ужасной! день все поглотившій! волна забросила далеко на островъ часть зрителей, которыхъ человѣколюбіе побудило броситься на помощь Виргиніи, такъ какъ и матроса, хотѣвшаго вплавь спасти ее. Сей человѣкъ, избѣгши почти неминуемой смерти, палъ на колѣни и воскликнулъ: „ О Боже мой! ты спасъ мнѣ жизнь; но я охотно бы пожертвовалъ ею для этой любезной дѣвицы, которая не раздѣлась,

такъ какъ я.„ Домингъ и я извлекли изъ волнъ нещастнаго Павла безъ чувствъ, и испускающаго кровь изо рту и ушей. Губернаторъ отдалъ его на руки врачамъ; а мы прошли вдоль по берегу, въ томъ мнѣніи, не выкинулоль море Виргиніина тѣла: но вѣтръ вдругъ перемѣнился, какъ то обыкновенно бываетъ при ураганахъ, и мы съ печалію заключили, что не отдадимъ и послѣдняго долга сей нещастной дѣвицѣ. Мы удалились оттуда, будучи въ глубокомъ уныніи, и чувствуя всѣ одну потерю, не смотря на то, что при семъ кораблекрушеніи погибло множество и другихъ людей.

Между тѣмъ Павелъ, которой начиналъ приходить въ чувство, перенесенъ въ ближній домъ. Мы же съ Домингомъ пошли увѣдомить мать Виргиніи и ея пріятельницу о семъ плачевномъ происшествіи. Когда пришли мы къ рѣкѣ Латановъ, то Негры сказали намъ, что море выбрасываетъ

множество отломковъ корабля неподалеку въ заливѣ. Мы пошли туда, и первой предметъ, поразившiй глаза мои, было тѣло Виргинiи. Она была до половины покрыта пескомъ, и въ такомъ положенiи, какъ мы видѣли ее въ послѣднiя минуты на кораблѣ. Черты лица ея перемѣнились очень немного; глаза были сомкнуты, но на челѣ блистало веселiе; блѣдныя фiалки смерти смѣшивались на щекахъ ея съ розами стыдливости; одна рука лежала на платьѣ, а другая на сердцѣ, и очень окрѣпла. Я съ трудомъ могъ изъ нее вынуть маленькую коробочку: но какъ велико было мое удивленiе, когда я нашелъ въ ней изображенiе св. Павла, которое она обѣщала не оставлять до конца своей жизни! При семъ послѣднемъ знакѣ постоянства и любви нещастной Виргинiи, я облился горькими слезами. Домингъ билъ себя въ грудь, и наполнялъ воздухъ болѣзненными воплями. Мы отнесли тѣло

Вир-

Виргинiи въ рыбачью хижину, и отдали его бѣднымъ Малабарскимъ женщинамъ, которыя взяли на себя трудъ обмыть его.

Между тѣмъ какъ онѣ занимались симъ печальнымъ долгомъ; то мы съ трепетомъ пошли къ Госпожѣ де-ла-Туръ и Маргаритѣ, которыхъ застали на молитвѣ, во ожиданiи извѣстiя съ корабля. Какъ скоро Госпожа де-ла-Туръ меня увидѣла, то вскричала тотчасъ: „Гдѣ моя дочь? гдѣ милая дочь моя?„ Не сомнѣваясь же о своемъ нещастiи по моему молчанiю и слезамъ, она впала въ ужасные и мучительные припадки; одни только слышны были вздохи и рыданiя. Маргарита съ своей стороны вскричала: „Гдѣ мой сынъ? я не вижу моего сына!„ и упала въ обморокъ. — Мы подбѣжали къ ней, и приведши ее въ память, увѣрили, что Павелъ живъ, и что Губернаторъ приказалъ имѣть объ немъ попеченiе. Она опамятова-

 лась,

лась, и занялась своею пріятельницею, съ которою отъ времени до времени дѣлались продолжительные обмороки. Госпожа де-ла-Туръ провела всю ночь въ семъ жестокомъ положеніи, и я увѣрился, что никакая горесть не можетъ сравниться съ горестію матери. Приходя въ чувство, она возводила неподвижные и мрачные взоры на небо. Тщетно Маргарита и я жали у ней руки, и называли ее нѣжнѣйшими именами; она казалась нечувствительною къ симъ знакамъ прежней нашей дружбы, и стѣсненная грудь ея испускала только глухія стенанія.

Поутру принесли въ паланкинѣ Павла. Онъ былъ уже въ памяти; но не могъ еще произнести ни одного слова. Свиданіе его съ матерью и Госпожею де-ла-Туръ, котораго я прежде страшился, гораздо лучшее произвело дѣйствіе, нежели всѣ мои до сего времени старанія. Лучь утѣшенія показался на лицѣ неща-

щастныхъ матерей. Онѣ обѣ подошли къ нему, обнимали, цѣловали его, и слезы ихъ, будучи до сихъ поръ остановлены чрезмѣрною печалію, потекли обильно. Павелъ вскорѣ примѣшалъ къ нимъ и свои. Но натура получивъ желаемое, уступила мѣсто долговременному и жестокому сну горести, которой доставилъ имъ безчувственное, смерти подобное спокойствіе.

Г. де-ла-Бурдоне прислалъ тайно ко мнѣ съ извѣстіемъ, что тѣло Виргиніи по его приказанію взято въ городъ, и что оттуда понесутъ его въ Памплемускую церковь. Я отправился тотчасъ въ Портъ-Луи, гдѣ нашелъ всѣхъ жителей собравшихся для ея похоронъ, какъ будто бы островъ лишился въ ней любезнѣйшаго ему предмета. На корабляхъ въ пристани райны были на крестъ сложены, флюгеры подняты, и медленно палили изъ пушекъ. Гренадиры шли напередъ съ опущенны-

ми внизЪ ружьями. ОтЪ барабановЪ, покрытыхЪ черным крепомЪ, слышны были печальные звуки, и уныніе изображалось на челахЪ сихЪ ратниковЪ, которые не перемѣняясь вЪ лицѣ устремлялись многократно на смерть вЪ сраженіяхЪ. Восемь молодыхЪ и знатнѣйшихЪ на всемЪ островѣ дѣвушекЪ, одѣтыя вЪ бѣлое платье, и держа вЪ рукахЪ пальмовыя вѣтви, несли тѣло добродѣтельной своей подруги, покрытое цвѣтами. За ними слѣдовалЪ хорЪ малолѣтныхЪ дѣтей, поющихЪ гимны: а тамЪ лучшіе жители острова и города, наконецЪ ГубернаторЪ и безчисленное множество народа.

ВотЪ что предписало Правительство, для оказанія должныхЪ почестей Виргиніиной добродѣтели. Но когда тѣло ея принесено кЪ подошвѣ горы, и усмотрѣны были хижины, которыхЪ она столь долго составляла щастіе, и кои смерть ея погрузила вЪ отчаяніе; то весь по-

похоронной порядокъ разстроился; гимны и пѣніе кончились; по всей долинѣ раздавались только вздохи и рыданія. Тогда сбѣжались толпы молодыхъ дѣвушекъ изъ сосѣдственныхъ жилищъ, чтобъ прикоснуться къ Виргиніину гробу, которой почитали они за нѣчто священное. Матери просили у Бога подобной дочери; мущины любовницъ стольже постоянныхъ; бѣдные стольже нѣжнаго друга; а невольники такой же милостивой Госпожи.

Когда принесли ее на кладбище, то Мадагаскарскія Нигритянки и Мозамбикскіе Кафры разставили вокругъ нее корзины съ плодами, и развѣсили по ближнимъ деревьямъ куски разныхъ матерій по своему обыкновенію. Бенгальскія и съ Малабарскихъ береговъ Индіанки принесли клѣтки, наполненныя птицами, коихъ выпустили онѣ надъ Виргиніинымъ тѣломъ; такъ трогаетъ потеря возлюбленнаго пред-

предмета всѣ народы, и такъ велика власть нещастной добродѣтели, соединяющей всѣ религіи окрестъ своего гроба!

Надобно было поставить караулъ у ея могилы, и удалять отъ нее дочерей бѣдныхъ жителей, которыя насильно хотѣли въ нее броситься, говоря, что не имѣютъ уже никакой надежды въ свѣтѣ, и что имъ остается только умереть съ тою, которая была единственная ихъ благодѣтельница.

Ее похоронили близъ Пампле-муской церкви, на западной сторонѣ, подъ густыми бамбуками, гдѣ приходя къ обѣднѣ съ матерью и Маргаритою, она отдыхала обыкновенно, сидя подлѣ того, котораго называла тогда своимъ братомъ.

Возвращаясь съ похоронъ, Г. де-ла-Бурдоне заѣхалъ сюда, въ сопутствіи нѣкоторыхъ изъ многочисленной своей свиты. Онъ предложилъ Госпожѣ де-ла-Туръ и

ея

ея пріятельницѣ всякую, отъ него зависящую помощь, изъяснился въ короткихъ словахъ, но съ презрѣніемъ о безчеловѣчной ея теткѣ; и подошедши къ Павлу, старался его утѣшить. „Я желалъ тебѣ, „говорилъ онъ, и твоему семейству всякаго щастія, въ чемъ „свидѣтельствуюсь Богомъ. Другъ „мой! поѣжжай во Францію; я постараюсь, чтобъ ты принятъ „былъ въ службу. Въ отсутствіежъ твое я буду имѣть попеченіе о твоей матери, какъ о своей „собственной; — и въ тоже время простеръ къ нему руку: но Павелъ не далъ ему своей, и отворотился отъ него.

Я остался въ жилищѣ нещастныхъ пріятельницъ, и сколько можно помогалъ имъ и Павлу. Спустя три недѣли Павелъ могъ уже ходить; но печаль его по видимому возрастала по мѣрѣ того, какъ собирался онъ съ силами. Онъ былъ ко всему нечувствителенъ;

ленЪ; огонь глазЪ его погасЪ; всѣ вопросы оставались безЪ отвѣта. Госпожа де-ла-ТурЪ будучи при смерти, говорила ему часто: „СынЪ мой, пока я буду тебя видѣть, „то буду воображать, что вижу любезную свою Виргинію.„ При имени Виргиніи онЪ содрогался и уходилЪ отЪ нее, не смотря на прозьбы матери, чтобЪ побылЪ еще сЪ ними. ОнЪ убѣгалЪ отЪ нихЪ вЪ садЪ подЪ ВиргиніинЪ кокосЪ, и устремлялЪ глаза на водометЪ ея. ГубернаторовЪ лекарь, которой обЪ немЪ и о двухЪ пріятельницахЪ имѣлЪ великое попеченіе, сказалЪ намЪ, что надобно дать ему во всемЪ волю, дабы извлечь его изЪ мрачной задумчивости, и что симЪ однимЪ средствомЪ можно побѣдить упорное его молчаніе.

Я рѣшился послѣдовать сему совѣту. КакЪ скоро ПавелЪ почувствовалЪ нѣкоторое обновленіе силЪ своихЪ, то употребилЪ

ихЪ

ихъ на то, чтобъ удалиться отъ своего жилища; не упуская его изъ виду, я пошелъ за нимъ, и велѣлъ Домингу, взявъ нѣсколько запасу, итти съ намижъ. По мѣрѣ, какъ сей молодой человѣкъ сходилъ съ горы, казалось, что радость и силы его умножались. Онъ тотчасъ пошелъ къ Пампелмуской церкви, и когда былъ не далеко уже отъ нея, а именно въ бамбуковой алеѣ, то направилъ путь свой прямо къ тому мѣсту, гдѣ увидѣлъ, что земля недавно взрыта: тутъ сталъ онъ на колѣни, и поднявъ къ небесамъ глаза долго молился. Такой поступокъ показался мнѣ признакомъ возвращенія его разума; потому что онъ возымѣлъ надежду на Всевышнее существо. Домингъ и я стали также на колѣни, и молились подлѣ него. Онъ всталъ потомъ, и пошелъ въ сѣверную сторону острова, не показывая къ намъ великаго вниманія. Вѣдая, что онъ не только не зналъ, гдѣ

положено тѣло Виргиніи, но и того, досталиль его изъ моря, я спросилъ у него, для чего онъ молился Богу подъ сими бамбуками; онъ отвѣтствовалъ мнѣ: мы тутъ сиживали очень часто!

Онъ продолжалъ путь свой до самаго входу въ лѣсъ, гдѣ насъ застигла ночь. Тутъ уговорилъ я его нѣсколько поѣсть, и послѣ того лечь на травѣ при корнѣ одного дерева. Вставши на другой день я думалъ, что онъ рѣшится итти назадъ; да и въ самомъ дѣлѣ онъ смотрѣлъ нѣсколько времени на долину Памплемуской церкви, и на бамбуковыя при ней дороги, здѣлалъ нѣкоторое движеніе, какъ бы хотѣлъ возвратиться; но вдругъ пошелъ далѣе въ лѣсъ, направляя путь свой все къ сѣверу. Я проникъ его намѣреніе, и старался уничтожить оное, но тщетно. Въ полдни пришли мы въ Золотопесочную округу. Онъ сошелъ поспѣшно на берегъ моря,

про-

противъ того мѣста, гдѣ погибъ Сентъ-Жеранъ. При видѣ Янтарнаго острова и его канала, которой былъ тогда такъ гладокъ, какъ стекло, онъ вскричалъ: „Виргинія! любезная Виргинія!„ И безъ чувствъ упалъ на песокъ. Домингъ и я отнесли его въ лѣсъ, и съ великимъ трудомъ возвратили ему чувства. Опомнившись онъ хотѣлъ опять итти на берегъ моря; но когда я сталъ просить его, чтобъ не возобновлялъ своей и нашей горести такимъ жестокимъ напоминаніемъ; то пошелъ онъ въ другую сторону. Въ восемь дней онъ обходилъ всѣ мѣста, въ которыхъ бывалъ прежде съ подругою своего младенчества. Прошелъ по тропинкѣ, по которой она ходила просить прощенія невольницѣ рѣки Черной; посѣтилъ берега рѣки Трехъ Сосцовъ, гдѣ она сѣла, будучи не въ силахъ итти далѣе, и часть того лѣса, гдѣ она заблудилась. Всѣ мѣста, напоминавшія ему безпокойства,

ства, игры, обѣды, благодѣянія его Виргиніи; рѣка горы Долгой, мой маленькой домикъ, сосѣдственной водопадъ, папайя ею посаженная, лужайки, по которымъ она бѣгала, перекрестки въ лѣсу, гдѣ она пѣвала, все извлекало у него источники слезъ; и тожъ эхо, которое столько разъ повторяло крики ихъ общихъ радостей, повторяло теперь только сіи печальныя слова: Виргинія! любезная Виргинія!

При столь дикой и страннической жизни глаза у него впали, цвѣтъ лица пожелтѣлъ, и здоровье становилось отчасу слабѣе. Будучи увѣренъ, что грусть наша умножается отъ напоминанія о нашихъ удовольствіяхъ, и что страсти возрастаютъ въ уединеніи, я рѣшился удалить нещастнаго моего пріятеля отъ мѣстъ, гдѣ все ему припоминало его потерю, и повести его въ какую нибудь часть острова, гдѣ бы могли разсѣяться его

его мысли. Для сей причины я пошелъ съ нимъ на обитаемыя Вилліамскія горы, гдѣ ему никогда быть не случилось. Земледѣліе и торговля производили тогда на островѣ великую дѣятельность и разнообразность. Тамъ показывались толпы плотниковъ, которые рубили срубы, здѣсь работники, пилившіе доски; взадъ и впередъ ѣздили по дорогамъ кареты; на обширныхъ паствахъ гуляли многочисленныя стада быковъ и лошадей, а по полямъ разсѣяно было множество домиковъ. Вышина мѣстъ въ Вилліамской округѣ позволяла сѣять разныя Европейскія растѣнія. Въ равнинахъ стоялъ хлѣбъ, въ лѣсахъ среди лужаекъ видна была земляника, и розовые кусты вдоль по дорогамъ. Сверхъ того свѣжій воздухъ былъ здѣсь очень спасителенъ для здоровья. Съ сихъ высотъ, лежащихъ посреди острова, и окруженныхъ большими лѣсами, не видно ни моря, ни Портъ-Луи, ни Пампалемуской церкви, ни

 всего

всего того, чтобы могло припомнить Павлу о Виргиніи. Горы, идущія различными рядами отъ Портъ-Луи, представляютъ со стороны Вилліамскихъ равнинъ длинной токмо въ прямой и перпендикулярной линіи мысъ, съ возвышающимися на немъ каменными пирамидами, на верьху коихъ собираются облака.

Въ сіи то равнины повелъ я Павла. Я старался, чтобъ онъ безпрестанно былъ занятъ, ходилъ съ нимъ и въ жаръ и въ дождь, днемъ и ночью, терялъ нарочно дорогу въ лѣсахъ, на пашняхъ и поляхъ, дабы разсѣять его мысли тѣлесною усталостію, и перемѣнить ихъ, перемѣняя мѣста и дороги. Но душа любовника находитъ вездѣ слѣды любимаго предмета. Ночь, день, уединеніе и шумъ, самое время, истребляющее память многихъ дѣлъ, не можетъ истребить любви постоянной. Какъ стрѣлка натертая магнитомъ,

сколько ни верти ее, но когда она остановится, то опять обращается къ полюсу, которой ее привлекаетъ. Когда я спрашивалъ у Павла, заблудившагося посреди Вилліамскихъ долинъ: „Кудажъ намъ итти? то онъ обращался къ сѣверу, и говорилъ: „Вонъ наши горы; пойдемъ туда.„

Я увидѣлъ такимъ образомъ, что всѣ испытываемыя мною средства къ разогнанію его печали были безполезны, и что мнѣ не оставалось другаго способа, какъ собравъ весь мой слабой разумъ напасть на его страсть съ собственнымъ ея оружіемъ. Для того я сказалъ ему: „Такъ, вонъ горы, гдѣ жила твоя милая Виргинія, а вотъ образъ, которой ты ей далъ, и которой при самой смерти она прижимала къ сердцу совершенно, тебѣ принадлежавшему.„ Я отдалъ потомъ ему образъ. Отчаянная радость заблистала въ его взорахъ. Онъ схватилъ образъ слабыми руками,

и поднесЪ его ко рту. Тогда грудь его стѣснилась, и вЪ кровавыхЪ глазахЪ его замерли слезы.

Я сказалЪ ему: „СынЪ мой, послушай своего друга, послушай друга Виргиніи, которой старался часто посреди твоей надежды, укрѣплять твой разсудокЪ противЪ непредвидимыхЪ случаевЪ вЪ жизни. Что ты оплакиваешь сЪ такою горестію? Свое ли собственное, или Виргиніино нещастіе?„

„Свое собственное? ТакЪ, оно безЪ сомнѣнія велико. Ты лишился любезной дѣвицы, которая была бы достойнѣйшею супругою. Она пожертвовала своими выгодами твоимЪ выгодамЪ, предпочла тебя богатству, какЪ единственное награжденіе достойное своей добродѣтели. Но по чему ты знаешь, не былЪ ли бы тотЪ предметЪ, отЪ коего ожидалЪ ты столь чистаго благополучія, безконечнымЪ источникомЪ для тебя горестей? Она лишилась великаго наслѣдства,

и

и тебѣ оставалось только дѣлить съ нею свою работу. Здѣлавшись гораздо нѣжнѣе по своему во Франціи воспитанію, и гораздо мужественнѣе по самому нещастію, она бы ежедневно изнемогала отъ усилій, участвуя съ тобою въ трудахъ. Произведши на свѣтъ дѣтей, она бы стала еще больше безпокоиться о содержаніи престарѣлыхъ родителей и юнаго семейства.„

„Ты скажешь мнѣ: Губернаторъ помогъ бы намъ. Но по чему знать, останется ли въ селеніи, столь часто перемѣняющемъ правителей, Г. де-ла-Бурдоне? Не будутъ ли напротивъ начальники здѣсь худаго поведенія и безразсудные? Не была ли бы принуждена жена твоя, для полученія какой слабой помощи, оказывать имъ слишкомъ великихъ ласкъ? Въ такомъ случаѣ ты былъ бы достоинъ сожалѣнія; а въ случаѣ ея постоянства и благоразумія вы бы остались бѣдны, и моглибъ еще почитать себя

щастливыми, естьлибы красота и добродѣтель не навлекли вамъ гоненія отъ тѣхъ самыхъ, отъ коихъ вы ожидали покровительства.„

„У меня бы осталось, скажешь ты, независящее отъ богатства щастіе, щастіе охранять любимой предметъ, которой тѣмъ болѣе къ намъ прилѣпляется, чѣмъ болѣе слабъ онъ; щастіе утѣшать его собственными безпокойствами и горестію, и усугублять любовь нашу взаимнымъ мученіемъ. Такъ, добродѣтель и любовь наслаждаются симъ прискорбнымъ удовольствіемъ. Но ее уже нѣтъ на свѣтѣ, и остается у тебя то, что она по тебѣ всего болѣе любила, ея мать и твоя, которыхъ безутѣшная твоя печаль ведетъ ко гробу. Полагай въ томъ свое щастіе, чтобъ помогать имъ. Сынъ мой, все щастіе добродѣтельнаго человѣка состоитъ въ благотвореніи; нѣтъ онаго вѣрнѣе и величественнѣе на землѣ. Безпрерывныя удовольствія, по-

покой, забавы, изобиліе и слава, не для слабаго зделаны странника. Ты самЪ чувствуешь, какЪ одинЪ шагЪ, зделанный кЪ богатству, низвергнулЪ насЪ всѣхЪ вЪ глубокую пропасть. Ты противился тому, это правда; но кто бы не подумалЪ, что путешествіе Виргиніи кончится ея и твоимЪ благополучіемЪ? Приглашеніе богатой и старой родственницы, совѣты благоразумнаго Губернатора, согласіе цѣлаго селенія, увѣщанія и власть священника, рѣшили нещастной жребій Виргиніи. ТакЪ стремимся мы кЪ своей погибели, будучи обманываемы благоразуміемЪ тѣхЪ, которые нами управляютЪ. БезЪ сомнѣнія было бы лучше имЪ не вѣрить, и не полагаться на гласЪ и надежды обманчиваго свѣта. Но изЪ толикаго множества людей, которыхЪ мы видимЪ трудящихся вЪ сихЪ равнинахЪ, изЪ множества другихЪ, отправляющихся вЪ Индію искать щастія, или, невыѣзжающихЪ изЪ своего отечества,

ства, и пользующихся покойно въ Европѣ трудами первыхъ, нѣтъ ни одного, которой бы не лишился никогда любезнѣйшихъ ему вещей; славы, богатства, жены, дѣтей и пріятелей. Большая часть съ потерею соединитъ еще напоминаніе о собственномъ безразсудствѣ. Но ты, вошедъ въ самаго себя, не найдешь ничего, чѣмъ бы попрекнуть себя. Ты былъ вѣренъ въ данномъ словѣ, и въ цвѣтѣ юности благоразуменъ, подобно мудрецу; потому что не удалялся отъ чувствованій природы. Твои намѣренія были законны, потому что были чисты, просты, безкорыстны, и ты имѣлъ столь священныя права на Виргинію, что никакое богатство не могло ихъ уничтожить. Ты потерялъ ее, но не своимъ безразсудствомъ, не скупостію, не лжеумствованіемъ, а единственно по власти Бога, которой употребивъ страсти другихъ, восхотѣлъ лишить тебя предмета любви твоей; Бога, отъ коего ты по-

получилъ все, которой видитъ все, что тебѣ надобно, и коего премудрость не позволяетъ тебѣ ни приходить въ отчаяніе, ни раскаеваться.„

„Ты можешь сказать себѣ въ своемъ нещастіи: я не заслужилъ его. И такъ не Виргиніиноль нещастіе, не конецъ ли ея и настоящее состояніе ты оплакиваешь? Но она подверглась тойже участи, которой подвергалась знатность, красота и цѣлыя Имперіи. Жизнь человѣческая со всѣми замыслами и дѣлами подобна небольшой башнѣ, которой шпицъ есть смерть. При самомъ рожденіи Виргинія осуждена была къ смерти. Щастлива она, что умерла прежде своей матери, прежде твоей, прежде тебя!„

„Смерть, сынъ мой, есть щастіе для всѣхъ людей. Она есть ночь, слѣдующая за безпокойнымъ днемъ, которой мы называемъ жизнію. Сонъ смерти прекращаетъ на-

навсегда болѣзни, горести, печали и страхи, мятущіе безпрестанно злополучныхъ человѣковъ.„

„Разсмотри людей, которые по видимому щастливѣе всѣхъ: ты увидишь, что они купили очень дорого мнимое свое щастіе; общественное уваженіе они купили на щетъ домашняго бѣдствія; богатство на щетъ здоровья; рѣдкое удовольствіе быть любиму, безпрестанными жертвами; и часто при концѣ жизни, пожертвованной выгодамъ другаго, ихъ окружаютъ только ложные друзья и неблагодарные родственники. Но Виргинія была благополучна до послѣдней минуты. Она была благополучна съ нами по сокровищамъ природы, а въ отдаленіи отъ насъ по сокровищамъ добродѣтели: да и въ то страшное мгновеніе, когда мы видѣли ее погибающую, она была щастлива; ибо взглянувъ на цѣлое селеніе, которое вообще приводила въ отчаяніе, и на тебя, летѣвшаго

шаго съ такою неустрашимостію къ ней на помощь, она видѣла, сколько всѣмъ намъ была любезна. Воспоминаніе о невинной жизни укрѣпляло ее противъ страховъ будущаго, и она получила награду, предопредѣленную небомъ добродѣтели, получила мужество, презирающее опасность. Она встрѣтила смерть съ лицомъ праведника.„

„Сынъ мой, Богъ подвергаетъ добродѣтель всѣмъ происшествіямъ въ жизни, чтобъ показать намъ, что она одна можетъ ими пользоваться, и находить въ нихъ благополучіе и славу. Когда онъ назначаетъ ей знаменитое имя, то поставляетъ ее на возвышенномъ зрѣлищѣ, гдѣ она борется съ смертію; тогда ея мужество служитъ примѣромъ, а воспоминаніе о ея нещастіяхъ исторгаетъ у потомства слезы.. Вотъ безсмертной памятникъ, которой предоставленъ ей на землѣ, гдѣ все

все проходитъ, и гдѣ самая память многихъ Царей скоро предается вѣчному забвенію.„

„Но Виргинія живетъ еще. Сынъ мой, все перемѣняется на землѣ, но ничто не исчезаетъ. Никакое человѣческое искуство не можетъ уничтожить малѣйшей частицы вещества, какъ же можетъ погибнуть то, что было разумно, чувствительно, любезно и добродѣтельно, когда нетлѣнны стихіи, изъ коихъ оно составлено? Ахъ! естьли Виргинія была щастлива съ нами, то теперь она еще благополучнѣе. Есть Богъ, сынъ мой: вся природа возвѣщаетъ то, и я не имѣю нужды тебѣ сего доказывать. Одна только злоба человѣческая отвергаетъ правосудіе, котораго страшится. Ты его чувствуешь, и видишь дѣла его. И такъ можешь ли думать, чтобъ онъ оставилъ Виргинію безъ награды? Можешь ли думать, чтобъ сіе самое существо, которое столь благород-

родную душу облекло въ столь прекрасный образъ, не могло извлечь ее изъ волнъ? чтобы тотъ, которой расположилъ благополучіе человѣческое по неизвѣстнымъ тебѣ законамъ, не могъ уготовить Виргиніи другаго по законамъ столь же тебѣ несвѣдомымъ? Не пресѣчется съ смертію наше бытіе, хотя и неизвѣстно, какъ оно продолжаться будетъ.,,

„Нѣтъ капли въ океанѣ, которая бы не была наполнена одушевленными существами, кои намъ повинуются; такъ не ужъ ли для насъ нѣтъ мѣста между толикимъ множествомъ свѣтилъ, свершающихъ путь надъ нашими головами? Не ужъ ли тамъ только царствуетъ всевѣденіе и милость Божія, гдѣ мы находимся; а среди сихъ безчисленныхъ и блестящихъ шаровъ, въ сихъ неизмѣримыхъ поляхъ свѣта, коихъ ни бури, ни ночь не тмятъ никогда, нѣтъ ничего, кромѣ пустаго простран-

 ства

ства и вѣчнаго ничтожества? Естьлибѣ мы, которые ничего себѣ не дали, могли осмѣлиться предписывать предѣлы Всевышней власти, отѣ которой все получили, то можетѣ быть сказали бы, что находимся на границахѣ обширныхѣ ея областей, гдѣ жизнь сражается сѣ смертію, а невинность сѣ тиранствомѣ.,,

,,Есть безѣ сомнѣнія гдѣ нибудь мѣсто, вѣ которомѣ добродѣтель получаетѣ награду; и Виргинія теперь благополучна. Ахѣ! естьли бы изѣ жилища Ангеловѣ могла она сообщить тебѣ свои мысли; то бы сказала какѣ, при прощаніи: О Павелѣ! жизнь есть не иное что, какѣ опытѣ. Я хранила вѣрно законы природы, любви и добродѣтели: преплыла моря, повинуясь своимѣ родственникамѣ; отреклась отѣ богатства, для здержанія своего слова, и согласилась лучше потерять жизнь, чѣмѣ нарушить стыдливость. Небо судило,

ло, что путь мой свершенЪ. Я избѢжала навсегда бѢдности, клеветы, бурь и зрѢлища напастей моихЪ ближнихЪ. Ни одно изЪ бѢдствій, которыя ужасаютЪ смертныхЪ, не можетЪ теперь поразить меня; а ты обо мнѢ плачешь! Я чиста и неизмѢнна, какЪ частица свѢта; а ты призываешь меня обратно во тьму жизни! О! ПавелЪ, о другЪ мой: вспомни тѢ щастливые дни, вЪ которые вкушали мы роскошную пріятность небесЪ, всходя вмѢстѢ сЪ солнцемЪ на верхи горЪ, и скрываясь сЪ его лучами вЪ нѢдрахЪ нашихЪ лѢсовЪ. Мы чувствовали восхищеніе, которому не понимали причины. Среди невинныхЪ желаній хотѢли мы имѢть отличное зрѢніе, дабы наслаждаться богатыми цвѢтами Авроры; отличное обоняніе, дабы чувствовать благоуханіе нашихЪ растѢній; отличной слухЪ, чтобЪ внимать согласному пѢнію птицЪ нашихЪ, и отличное сердце для возблагодаренія за сіи благодѢянія. Теперь

находясь при самомъ источникѣ красоты, изъ котораго истекаетъ все пріятное на землю, душа моя видитъ, вкушаетъ, слышитъ, осязаетъ непосредственно все то, что тогда могла чувствовать только помощію слабыхъ органовъ. Ахъ! какой языкъ можетъ изобразить сіи брега, облеченные вѣчнымъ свѣтомъ, на которыхъ я обитаю? Все, что безконечная сила и небесная благость могли сотворить къ утѣшенію нещастнаго существа; все, что дружба многихъ существъ, наслаждающихся одинакимъ блаженствомъ, можетъ придать къ общимъ восторгамъ, мы вкушаемъ во всей чистотѣ и безъ всякихъ препонъ. И такъ сноси назначенной тебѣ опытъ, дабы увеличить щастіе твоей Виргиніи любовію, которой не будетъ предѣловъ, и бракомъ, коего свѣтильники во вѣки не погаснутъ. Здѣсь я разгоню грусть твою; здѣсь я осушу твои слезы. О! другъ мой, о мой женихъ любезной! пари душею къ без-

безконечному, для понесенія минутныхЪ напастей.„

Собственное мое волненіе прервало слова мои. ПавелЪ смотрѢлЪ на меня быстро, и наконецЪ сказавЪ: „ее уже нѢтЪ! „упалЪ вЪ продолжительной обморокЪ. Пришедши вЪ себя, онЪ примолвилЪ: „Ежели смерть есть благополучіе, и естьли Виргинія щастлива; то и я умру, чтобЪ вмѢстѢ сЪ нею быть щастливымЪ.„ ТакимЪ образомЪ, стараясь его утѢшить, я только питалЪ его отчаяніе, и былЪ подобенЪ человѢку, желающему спасти своего друга, которой опускается на дно глубокой рѢки, но не хочетЪ употребить силЪ своихЪ кЪ избавленію. Увы! нещастія первыхЪ лѢтЪ предуготовляютЪ человѢка кЪ жизни, а ПавелЪ не видалЪ ихЪ никогда.

Я привелЪ его домой. Госпожа де-ла-ТурЪ была очень слаба, но Маргарита еще больше; ибо весе-

лаго свойства люди, почти нечувствующіе легкаго огорченія, меньше другихъ могутъ противостоять великой печали.

Она сказала мнѣ: „Ахъ! доброй сосѣдъ нашъ; я видѣла въ эту ночь Виргинію, одѣтую въ бѣлое платье, среди прекрасныхъ садовъ и рощицъ. Она сказала мнѣ, что наслаждается завиднымъ щастіемъ. Потомъ съ веселымъ видомъ подошла она къ Павлу, и взяла его съ собой. Стараясь удержать своего сына, я почувствовала, что сама оставляю землю, и слѣдую за нимъ съ несказаннымъ удовольствіемъ. Тогда хотѣла я проститься съ своею пріятельницею; но увидѣла и ее поспѣшающую за нами съ Домингомъ и Марьею; а что для меня всего страннѣе, то Госпожа де-ла-Туръ видѣла точно такой же сонъ.

Я отвѣчалъ ей: „Другъ мой, я не думаю, чтобъ въ свѣтѣ что

ни-

нибудь случалось безЪ воли Божiей. Сны возвѣщаютЪ иногда истинну.„

Госпожа де-ла-ТурЪ разсказала мнѣ свой сонЪ, которой во всемЪ подобенЪ былЪ первому. Я не замѣтилЪ вЪ обѣихЪ сихЪ женщинахЪ наклонности кЪ суевѣрiю; и такЪ согласiе ихЪ сновЪ меня поразило, и я не сомнѣвался внутренно, чтобЪ не збылись они. Мнѣнiя, что истинна иногда представляется намЪ во снѣ, держатся всѣ народы земные. Величайшiе люди вЪ древности тому вѣрили, между прочими, АлександрЪ, Цезарь, Сципiоны, оба Катона и БрутЪ, которые были не слабые умы. Веткой и Новой ЗавѣтЪ представляютЪ намЪ довольно справедливыхЪ сновЪ. Что касается до меня; то мнѣ кромѣ собственнаго опыта вЪ разсужденiи этого не нужно, а я испыталЪ многократно, что сны суть предызвѣщенiя, подаваемыя намЪ какимЪ-то всевѣдущимЪ духомЪ, принимающимЪ вЪ насЪ

участіе. Не льзя ни опровергать, ни защищать умствованіемъ вещей, превосходящихъ человѣческой разумъ. Но ежели онъ есть подобіе Божеской премудрости, и находитъ способы сообщать свои намѣренія въ дальніе предѣлы скрытнымъ и тайнымъ образомъ; то для чего Всевѣденіе, управляющее вселенною, не можетъ употребить подобныхъ на тотъ же конецъ? Другъ утѣшаетъ своего друга письмомъ, преходящимъ иногда чрезъ множество враждебныхъ рукъ, и подающимъ напослѣдокъ отраду одному человѣку; для чегожъ верховной покровитель невинности не можетъ какимъ либо тайнымъ путемъ подкрѣпить добродѣтельной души, возлагающей на него единаго всю свою надежду? Нужно ли ему употреблять наружные знаки для исполненія своей воли, когда онъ безпрестанно и во всѣхъ своихъ твореніяхъ дѣйствуетъ внутренно?

Почто сомнѣваться объ истинѣ сновъ, когда самая жизнь наша, испол-

исполненная толикаго множества скоро преходящихЪ и тщетныхЪ замысловЪ, есть одинЪ только сонЪ.

КакЪ бы то ни было, сонЪ нещастныхЪ моихЪ пріятельницЪ збылся очень скоро. ПавелЪ умерЪ черезЪ два мѣсяца послѣ смерти своей любезной Виргиніи, которой имя произносилЪ онЪ безпрестанно. Маргарита окончала теченіе дней своихЪ спустя недѣлю послѣ смерти сына, и притомЪ сЪ такою радостію, которую можетЪ чувствовать одна только добродѣтель. Она простилась очень нѣжно сЪ Госпожею де-ла-ТурЪ, вЪ надеждѣ пріятнаго, по словамЪ ея, и вѣчнаго соединенія. Смерть есть величайшее благо, присовокупила она; какЪ же не желать ея? Когда жизнь есть наказаніе; то должно желать оной конца: когда жизнь есть опытЪ, то надобно просить, чтобЪ онЪ не былЪ продолжителенЪ.

Правительство взяло на себя попеченіе о Домингѣ и Марьѣ, которыя не могли больше служить, и жили не долго послѣ Госпожи своей. Бѣдная Фиделька умерла съ тоски почти въ тоже время, какъ и Павелъ.

Я взялъ къ себѣ Госпожу де-ла-Туръ, которая снесла толь великія потери съ невѣроятнымъ великодушіемъ. Она утѣшала Павла и Маргариту до послѣдней минуты, какъ будто бы сама не была нещастлива. Когда ихъ похоронили, то она всякой день разговаривала со мною объ нихъ, какъ о любезныхъ пріятеляхъ, живущихъ по сосѣдству. Мѣсяцъ спустя скончалась и она, прося Бога, чтобъ отпустилъ ея теткѣ нещастія, цѣлому семейству причиненныя, и избавилъ ее отъ помѣшательства ума, въ которое она впала послѣ отъѣзда Виргиніи.

Сія безчеловѣчная родственница скоро была наказана за свою жестокость. Я узналъ отъ прихо-

див-

дившихъ попеременно кораблей, что она страждетъ припадками, которые и жизнь и смерть делали ей равно несносными. То упрекала она себя въ безвременной смерти своей прекрасной внуки, и въ смерти ея матери, отъ того воспоследовавшей; то хвалилась темъ, что отвергла отъ себя двухъ нещастныхъ, обезчестившихъ, какъ говорила она, домъ ея низкими своими склонностями. Иногда приходя въ ярость, при виде множества нищихъ, коими наполненъ Парижъ, она кричала: Для чего не пошлютъ сихъ тунеядцовъ въ наши селенія? За темъ говорила, что мысли о человеколюбіи, добродетели и религіи, принятыя всеми народами, суть только выдумка Государственной Политики. Но вдругъ переходя къ противной крайности, предавалась суеверному ужасу, наполнявшему душу ея смертельными страхами. Вручала обильныя подаянія богатымъ монахамъ, ею управлявшимъ, прося

ихъ умилостивить Бога чрезъ пожертвованіе ея имѣнія, какъ будто бы стяжаніе, въ которомъ она отказывала нещастнымъ, могло угодно быть отцу человѣковъ! Часто представляло ей воображеніе огненныя поля и пылающія горы, гдѣ бродили безобразныя чудовища, къ себѣ ее призывавшія. Она бросалась къ ногамъ своихъ наставниковъ, и выдумывала противъ самой себя пытки и наказанія; ибо небеса, праведныя небеса ниспосылаютъ для жестокихъ душъ ужасные законы.

Такимъ образомъ провела она нѣсколько лѣтъ, будучи то безбожна, то суевѣрна, и страшась равно жизни и смерти. Но столь бѣдственному существованію положилъ конецъ тотъ самой предметъ, которому она пожертвовала чувствами природы. Она видѣла къ своему огорченію, что имѣніе послѣ нее достанется ненавистнымъ ей родственникамъ. И такъ старалась удалить большую часть

ихЪ; но они пользуясь припадками, которымЪ она была подвержена, упросили запереть ее, какЪ безумную, и отдать ея имѣніе подЪ опеку. ТакимЪ образомЪ самое богатство свершило ея погибель; и какЪ оно ожесточило сердце своей обладательницы, такЪ здѣлало безчеловѣчными и желавшихЪ онаго. Она умерла, и кЪ усугубленію нещастія почувствовавЪ то, что у нее все отнято, и что ее презираютЪ тѣ самые люди, коихЪ мнѣнію она слѣдовала во всю жизнь свою.

ПодлѣВиргиніи, подЪ тѣмЪ же тростникомЪ положили и друга ея Павла; а около нихЪ нѣжныхЪ матерей ихЪ и вѣрныхЪ служителей. Никто не воздвигЪ мраморовЪ на ихЪ могилахЪ, никто не вырѣзалЪ надписи, означающей ихЪ добродѣтели: но память ихЪ не истребится изЪ сердецЪ ими одолженныхЪ. Тѣни ихЪ не имѣютЪ нужды вЪ блескѣ, котораго они убѣгали во время жизни,

ни, и естьли они принимаютъ еще участіе въ земныхъ происшествіяхъ, то безъ сомнѣнія посѣщаютъ хижины трудолюбивой добродѣтели; утѣшаютъ бѣдность, недовольную своею участью; питаютъ въ младыхъ любовникахъ постоянное пламя, привязанность къ дарамъ природы, наклонность къ трудамъ и отвращеніе отъ богатства.

Гласъ народа, рѣдко слышимый при памятникахъ, воздвигнутыхъ въ славу Царей, далъ нѣкоторымъ частямъ сего острова печальныя наименованія, кои вѣчно будутъ припоминать о смерти Виргиніи. Близь Янтарнаго острова, посреди подводныхъ камней, есть мѣсто, названное *Проходомъ Сентъ-Жерана*, по имени того корабля, которой привезъ ее изъ Европы, и тутъ разбился. Конецъ сего долгаго мыса, которой ты видишь въ трехъ миляхъ отсюда, покрытой въ половину мор-

скими

скими волнами, и коего СентЪ-ЖеранЪ не могЪ миновать наканунѢ урагана, чтобЪ войти вЪ пристань, называется *мысЪ Нещастной*, а вотЪ это, вЪ концѢ сей долины, *ЗаливЪ Гроба*, гдѢ Виргинію нашли зарытую вЪ пескѢ, какЪ будто бы море хотѢло принести тѢло ея вЪ нѢдра ея семейства, и отдать послѢдній долгЪ ея стыдливости на тѢхЪ самыхЪ берегахЪ, кои украшались ея невинностью.

Младые друзья, столь нѢжною пламенѢвшіе любовію! нещастныя матери! любезное семейство! сіи рощи, которыхЪ тѢнію вы наслаждались, сіи водометы, которые текли для васЪ, сіи холмы, гдѢ вы покоились вмѢстѢ, еще и нынѢ оплакиваютЪ вашу потерю. Никто послѢ васЪ не дерзалЪ обработывать сей печальной земли, ни обновить сихЪ развалившихся хижинЪ. Ваши козы одичали; сада ваши опустѢли; ваши птицы скрылись, и

и только слышанъ крикъ коршуновъ, носящихся вокругъ сихъ утесовъ. Что касается до меня; то я разставшись съ вами, подобенъ другу, которой не имѣетъ больше друзей, подобенъ отцу, которой лишился дѣтей своихъ, подобенъ путнику, странствующему по землѣ, гдѣ я одинъ остался.

Сказавъ сiи слова, доброй старикъ удалился, проливая источники слезъ; да и я плакалъ неоднократно въ продолженiе сего печальнаго повѣствованiя.

КОНЕЦЪ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Я предполагалъ при семъ маломъ сочиненіи великія намѣренія. Мнѣ хотѣлось изобразить въ немъ землю и растѣнія, различныя отъ Европейскихъ. Наши стихотворцы довольно уже покоили своихъ любовниковъ на берегу источниковъ, на лугахъ и подъ тѣнію буковъ. Я вздумалъ перенести ихъ на берегъ моря, къ подошвѣ горъ, въ тѣнь цвѣтущихъ кокосовыхъ, лимонныхъ и банановыхъ деревьевъ. Въ другой части свѣта нѣтъ только Теокритовъ и Виргиліевъ, которые могли бы представить намъ столь же занимательныя картины, какія мы видимъ въ нашихъ странахъ. Я знаю, что многіе путешественники, имѣющіе вкусъ, описали прелестнѣйшими красками разные острова Южнаго моря; но нравы жителей, а еще болѣе пристающихъ къ нимъ Европейцовъ, нерѣдко портятъ сію картину. Я желалъ соединить красоту природы между тропиками съ нравствен-

ственною красотою небольшаго общества, а сверхъ того предположилъ изобразить многія и великія истинны, и между прочимъ ту, что наше щастіе состоитъ въ томъ, чтобъ слѣдовать природѣ и добродѣтели. Мнѣ однакожъ не надобно было выдумывать романа для описанія щастливыхъ семействъ. Я могу увѣрить, что тѣ, о которыхъ говорить буду, дѣйствительно существовали, и что ихъ Исторія въ главныхъ происшествіяхъ справедлива. Я займствовалъ ихъ отъ многихъ жителей Иль-де Франса, съ которыми былъ знакомъ, и присовокупилъ къ тому только нѣкоторыя маловажныя обстоятельства, хотя и сіи относясь ко мнѣ лично столь же справедливы. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ я здѣлалъ весьма несовершенное начертаніе сей пастушеской повѣсти; то попросилъ одну прелестную даму, обращающуюся въ большемъ свѣтѣ, и людей важныхъ, отъ онаго удаленныхъ,

ныхъ послушать моего сочиненія, дабы узнать, какое дѣйствіе произведетъ оно въ читателяхъ столь различныхъ свойствъ, и имѣлъ удовольствіе видѣть, что всѣ проливали слезы. Одного этого суда я могъ отъ нихъ дождаться, и не желалъ болѣе. Но какъ часто великій порокъ сопровождаетъ малыя дарованія, то сей успѣхъ вселилъ было въ меня тщеславіе дать названіе моему сочиненію: Картина природы; однакожъ къ щастію вспомнилъ я, сколь мало извѣстно мнѣ свойство того самаго климата, въ которомъ я родился, сколь щедра, разнообразна, пріятна, великолѣпна и таинственна природа въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ произведенія видѣлъ я не иначе, какъ странникъ, и сколь наконецъ мало имѣю я способностей, вкусу и выраженій, чтобъ узнать и описать ее.

Сентъ-Пьеръ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стра.	Стро.	Напечатано:	Читай.
5	4	Останавливаются	Остонавливаются.
15	17	Могли, мы говорили онѣ - -	Могли мы, говорили онѣ.
22	1	Лишенные - -	Лишенныя.
29	20	Своей къ ней нѣжности - - -	Своей нѣжности къ ней.
87	21	Минговъ - - -	Мингавъ.
94	1	Распрострaнила свою	Распространила власть свою.
109	8	Тетка; которая	Тетка, которая.
124	3	Блиставшие - -	Блиставшія.
149	10	Мѣшкомъ, піастровъ - - -	Мѣшкомъ піастровъ.
151	9	Собаки; не сказала	Собаки, не сказала.
153	21	Семенъ же - -	Сѣменъ же.
154	21	Разсѣяли - - -	Разсѣяла.
184	20	И отецъ мой -	Отецъ мой.
229	4	Не случилось -	Не случилось.
231	22	Совершенно, тебѣ	,совершенно тебѣ.
242	17	Какъ, при прощаніи - - -	,какъ при прощаніи.

